

**Г. Р. ДЕРЖАВИН:
ЛИЧНОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО,
СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ**

**Тезисы
Международной научной конференции,
посвященной 250-летию со дня рождения поэта**

**КАЗАНЬ
1993**

Г.Р.Державин: личность, творчество, современное восприятие:
Тезисы Международной научной конференции, посвященной 250-
летию со дня рождения поэта (Казань, 26-29 мая 1993 г.)
/ Казанский ун-т - Казань, 1993

Редакционная коллегия

Сафиуллин Я.Г. (отв. редактор), Балалыкина Э.А.,
Воронова Л.Я., Галиуллин К.Р., Коновалов В.Н., Николаев Г.А.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т. Е. Автухович (Гродно)
**"ОБЪЯСНЕНИЯ НА СОЧИНЕНИЯ Державина"
В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУБЕЖА
XVIII-XIX ВВ.**

Предисловия и послесловия к текстам являются обязательными элементами формы в произведениях, созданных в рамках риторической культуры. В них в наибольшей степени реализовывалась дидактическая функция литературы такого типа, ибо, как справедливо подчеркивает Л.А.Софронова, "писатель не мог сразу впустить читателя в вымышленный мир, оставить его наедине со сложной символикой или логическими построениями, с часто тщательно зашифрованным по эстетическим требованиям идейным содержанием" (Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С.102). Облегчая контакт читателя с текстом, предисловия и послесловия в то же время были ориентированы на современность, отражали злободневные политические, национальные, культурные проблемы бегущего дня, фиксировали тенденции эстетического развития.

"Объяснения на сочинения Державина", которыми поэт сопровождал первое издание своих произведений, выполняют аналогичные функции, прежде всего связывая текст с читателем, проясняя историю создания отдельных стихотворений. Вместе с тем авторский комментарий позволяет судить о некоторых глубинных процессах, происходивших в творческом сознании поэта и обусловленных общими изменениями в художественном мышлении времени.

Рубеж XVIII - XIX вв. является переломным моментом в истории литературы, когда происходил переход от эпохи рефлексивного традиционализма к искусству нового времени, отмеченному иными принципами художественного освоения действительности. Державин-поэт испытывает мощное воздействие господствующей риторической культуры. Однако и его творческая практика, и самоосмысление в "Объяснениях" свидетельствуют о том, что творческие поиски Державина направлены на создание художественного образа нового типа - антириторического по своей природе. Этот собственно поэтический образ станет принадлежностью искусства нового времени.

Авторефлексия в "Объяснениях на сочинения" осуществляется в нескольких направлениях: через конкретизацию обобщенных риторических формул и образов и объяснение непосредственного смысла метафор; через расширение круга исторических и литературных ассоциаций (в традиционный для риторической культуры набор античных реминисценций включаются библейские, а также ориентальные образы). Анализ "Объяснений на сочинения" показывает, что характерное для второй половины XVIII века противоречие между традиционными формами обобщенно-риторического восприятия действительности и интенсивным открытием эмпирики реальной жизни оказывается плодотворным для Державина, определив направление его творческих поисков.

В.Н.Азбукин (Казань)

ДЕРЖАВИН В ВОСПРИЯТИИ И ОЦЕНКАХ ДОСТОЕВСКОГО

Художественная культура XVIII века прочно вошла в творческое сознание Ф.М.Достоевского. Наряду с Ломоносовым, Карамзиным, Фонвизиным, Державин и его поэзия не раз упоминаются на страницах произведений Достоевского. По свидетельству брата, со стихами Державина Достоевский был знаком с детства. В юношеском письме к брату он сравнивает лирику русского поэта со стихами В.Гюго. Достоевский знал наизусть державинские стихи и, по воспоминаниям современника, читал их "с такой силой, с таким восторженным чувством..".

Следы восприятия державинской поэзии налицо в многочисленных поэтических опытах Достоевского. В середине 50-х годов, в период службы солдатом в Семипалатинске, Достоевский пишет несколько стихотворений с целью привлечь к себе внимание императорского двора. Достоевский как бы возрождает ломоносовско-державинский тип хвалебной оды. Следуя одической традиции восхваления усопшего, Достоевский обращается к императрице с элегическим обращением, в котором отдельные строки и их языковое оформление явно перекликаются с поэтикой Державина. Например: "Как гаснет ввечеру денница в синем море, от мира отошел супруг великий твой" Своеобразно трансформируется здесь и идущий от Державина мотив смерти: "Куда не взглянем мы - везде, повсюду он, ужели ж нет его, ужели то не сон". Любопытно, что в одном из шуточных стихотворных экспромтов, создававшихся в семейном кругу в 60-е годы, Достоевский вводит в качестве действующего лица "Тень Державина".

В художественной прозе и публицистике Достоевского определенное место занимает державинская цитата. В одних случаях она дается в описаниях в виде точного цитирования, углубляя и конкретизируя авторскую мысль. Так, контрасты

Петербурга в раннем фельетонном очерке "Зубоскал" изображены с помощью державинского поэтического образа из стихотворения "Вельможа". "Глыба грязи позлащенной". В более поздней статье 70-х годов "Стена на стену" появляется известное сравнение из оды "Бог". "Как солнце в малой капле вод". В ряде других случаев Достоевский использует видоизмененную цитату, которая должна подчеркнуть те или иные особенности характеров героев. Например, Свидригайлов в "Преступлении и наказании" перефразирует начальную строчку стихотворения Державина "Параша" "Белокурую Парашу" в "Черноокою Парашу". В "Бесах" капитан Лебядкин, перефразируя знаменитые строки оды "Бог": "Я царь - я раб, я червь - я бог!", говорит: "Я раб, я червь, но не бог, тем только и отличаюсь от Державина". Во всех приведенных примерах (а их число можно было бы увеличить) державинская цитата становится ключевой как в авторском тексте, так и в речевой характеристике героев.

И.И.Андреева (Казань)

ДЕРЖАВИН В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

1 Личность великого русского поэта, его биография и творчество не раз привлекали к себе внимание писателей. Среди наиболее интересных художественных повествований о Державине следует назвать книги Ю.Домбровского ("Державин", 1940), А.Шеметова ("Следователь Державин", 1980), В.Сосноры ("Державин до Державина", 1986), П.Паламарчука ("Един Державин", 1986), И.Елегечева ("Губернатор", 1987), О.Михайлова ("Поручик Державин", 1989), Л.Яковлева ("Глагол времен", 1991) и др.

2. Авторы этих произведений, с одной стороны, стремятся художественно исследовать многообразные стороны жизни великого поэта: здесь и участие Державина в подавлении Пугачевского бунта, и его деятельность на посту губернатора Тамбова, и взаимоотношения с царями и придворными, и многолетняя борьба со злоупотреблениями власть предержащих, т.е. все то, что составляет как бы "внешнюю канву" жизни Державина. (При этом следует заметить, что ни в одной из книг о Державине нет его полной художественной биографии).

С другой стороны, здесь же по-разному, с различной художественной глубиной и полнотой ставятся и решаются проблемы судьбы и поэта, времени и личности, таланта и человеческих слабостей. Таким образом, пред нами предстают не столько "романизированные биографии", сколько произведения, в которых главной является "идея преобразующей си-

лы творчества, власти и творения над творцом", по словам Ю.Давыдова.

3. Должно быть отмечено и жанровое своеобразие книг о Державине, авторы которых обращаются к роману в жанре исторической хроники (И.Елегечев), и к исторической повести (Ю.Домбровский, А.Шеметов, О.Михайлов, Л.Яковлев), и к "сказанию о писателе" (П.Паламарчук), и к "литературному варианту исторических событий" (В.Соснора), что позволяет им найти свой подход, свой угол зрения, свое прочтение одних и тех же исторических событий и фактов из жизни поэта.

4. Различна и стилевая, художническая манера названных произведений. Писатели прибегают и к строго объективному реалистическому повествованию (И.Елегечев, О.Михайлов), и к субъективно-лирическому, "поэтическому методу" свободного моделирования исторических ситуаций (В.Соснора), и к своеобразному "толкованию" только одного стихотворения Державина с оригинальным использованием самого языка допушкинской эпохи для осмысления всей жизни поэта, передачи его мыслей и чаяний (П.Паламарчук) и т.д.

5. Особый интерес, на наш взгляд, представляет повесть Ю.Домбровского "Державин" - одно из первых его произведений, которое Ю.Давыдов справедливо охарактеризовал как "энергичный дебют, изобилующий острыми ситуациями и пронизанный током высокого напряжения". Анализ этого произведения и посвящается основная часть доклада.

Н.А.Асанова (Казань)

КНИГА В.ХОДАСЕВИЧА "ДЕРЖАВИН" КАК ТВОРЧЕСТВО

В исторических и критических работах Ходасевича XVIII век в России занимал большое место. Особый интерес для него имела последняя треть столетия как время, насыщенное явлениями переходного характера. Ходасевич работает над книгой о Павле I, дает новую концепцию его личности и деятельности, создает литературную мистификацию - жизнеописание поэта Василия Травкина. Однако яркий исторический облик конца XVIII века, представленный в событиях, лицах, стиле жизни, языке, Ходасевич создал в книге, посвященной Державину. Образ великого русского поэта, таким образом, был представлен в глубоком историческом контексте. В мировой литературе хорошо известен жанр жизнеописания поэта или же писателя как особый вид писательской критики. Ходасевич сказал новое слово в этой области. В результате сочетания в его творческой личности поэта, прозаика, историка общества и литературы, он высказал глубоко оригинальную мысль о связи творческой личности и общества. Представляя жизнь Державина как сложный "многогранник", возникший из соотношения эпохи, личности, таланта, Ходасевич основное внима-

ние уделил не последовательности эпизодов биографии поэта, а их драматургии. В этой связи большое значение имеют два обстоятельства жизни самого Ходасевича: его постоянный, не проходящий с годами, напряженный интерес к Пушкину и поэтам пушкинской эпохи и то, что книга о Державине была написана в тяжелых условиях эмиграции.

Книга о Державине не просто художественная биография и историческое жизнеописание, - она явилась результатом творческого осмысления Ходасевичем жизни и личности великого поэта XVIII века. Она написана таким образом, как если бы в процессе ее написания Ходасевич постоянно слышал стихи Державина, постоянно звучали бы для него державинские размеры, ритмы, интонации, лексика. В этом главное отличие книги от "Записок" самого Державина и академизма Я.К.Грота. Эта позиция Ходасевича определялась силами притяжения, которые в подобных случаях соединяют поэта с поэтом. Скрытым пафосом (при всем внешнем бесстрастии лексической стилизации "под XVIII век") книги явилось восприятие внутренней жизни поэта как поэзии, а не как обычного течения событий.

Ходасевич, подобно Державину, ощущал себя поэтом ушедшего времени, что дало книге дополнительный элегический импульс. В основе историзма книги лежит державинское "река времен", и философская концепция этого плана осуществляется на всех уровнях произведения, от содержания до лексики. Активно использованы лексические формы, передающие время и его течение: годы, месяцы, времена года, дни, числа, даже время суток. Историзму подчинен ритм всего повествования, реализующий себя в метафоре "река" - "буря", течение "реки", прерываемое частыми "бурями". Скрытым образом в метафоре "река" присутствуют три реки, бывшие с Державиным во всю его жизнь: Волга, Нева, Волхов. В своем повествовании Ходасевич воспроизвел не только ритм поэзии Державина, причем одической и лирической ее частей, но и ритм жизни самого поэта, взяв за психологическую основу его же слова - "в правде черт".

Таким образом, творческим импульсом для Ходасевича в процессе его работы над книгой "Державин" был весь мир Державина, его эпоха, жизнь, поэзия. Это обстоятельство отчасти объясняет вызывающий удивление факт, что собственно творчеству поэта Ходасевич уделит сравнительно небольшое внимание. Книга о Державине проникнута элегическим настроением, что вполне понятно: Ходасевич, поэт-эмигрант, ушедший из своей эпохи, видел в Державине поэта уходящего екатерининского века, уже чужого для наступающего нового времени.

ПОЭЗИЯ Г.ДЕРЖАВИНА КАК ПЕРЕХОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ДИАЛОГ ПОЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Внимание к переходным литературным явлениям на современном этапе развития литературоведения не случайно. В этом видится основа построения новой парадигмы изучения литературного процесса.

Краткое теоретическое обоснование переходности в литературе в конкретно-историческом, типологическом и системном аспектах.

Обзор концепций в плане их взаимодополняющей целостности (И.Г.Неупокоева, Б.О.Корман, Ю.Г.Нигматуллина, Ю.В.Манн и др.). С точки зрения системного подхода переходные явления могут рассматриваться на двух взаимосвязанных уровнях: внутритекстовый механизм переходности и более широкие межсистемные диалоги писателей разных культурных эпох.

В качестве конкретного материала анализа поставленной проблемы выбрана философская поэзия Г.Державина - "На смерть князя Мещерского", "Бог" и др.

Являясь центральной фигурой литературной эпохи, Г.Державин одновременно сосредоточил в своем творчестве и периферийные, потенциальные процессы, которые будут развиты в последующие этапы развития русской поэзии (классицизм, романтизм, реализм, символизм...).

В названных стихах намечается противоречие между осознанным авторским и объективным, избыточным смыслом целостной поэтической системы. Авторское, субъективное содержание обусловлено спецификой мировоззрения поэта, конкретно-историческим фоном эпохи и пр. Раскрывается также объективный потенциал произведений, который разрушает традиции классицизма, предвосхищая исторически близкие (А.Пушкин, В.Жуковский, К.Батюшков) и более отдаленные культурные диалоги (поэзия начала XX века).

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ Н.А.ПОЛЕВОГО О Г.Р.ДЕРЖАВИНЕ

Среди написанных Н.А.Полевым пьес есть "исторические сцены", посвященные Г.Р.Державину, выходу в свет его знаменитой "Фелицы" - пьеса в одном действии "Ода премудрой царевне Киргиз-кайсацкой Фелице" (1842).

Обращение Н.А.Полевого к образу Державина весьма закономерно. Еще в 1832 г. в своем "Московском телеграфе" он опубликовал большую статью о Державине, которого одного выделял среди писателей XVIII в.

Эта одноактная пьеса вливается в общий поток массовой

драматургии середины XIX в., демонстрирующей основные закономерности развития литературного процесса (и романтизма, в частности).

В своих "исторических сценах" Н.А.Полевой выступает как типичный романтик середины века: его интересует прежде всего "дух времени", "характер эпохи". Уточняя, что в его пьесе "содержание взято из истинного события в жизни нашего бессмертного поэта" (Полевой Н.А. Драматические сочинения и переводы. Т.2. СПб., 1842. С.VII), Н.А.Полевой весьма вольно обращается с историческими фактами, с хронологией творчества Державина. Он "подтягивает" к моменту публикации "Фелицы" создание важнейших державинских произведений, в действительности написанных до "Фелицы" или значительно позже нее: "На смерть князя Мещерского", "Вельможа", "На птичку", "Бог", "Лебедь" и др. Обусловлено это нарушением прежде всего тем, что Полевой стремился не просто рассказать в драматической форме исторический анекдот о появлении в свете "Фелицы" (кстати, такой жанр весьма популярен в массовой драматургии XIX в.), а дать образ Державина как гениального поэта. На примере жизни и творчества Державина Н.А.Полевой пытается решить актуальные и вечные для романтизма проблемы: писатель и общество, вдохновение и труд в творческом процессе, бренность бытия и бессмертие поэта и т.д.

Сюжет пьесы развивается живо, в нем немало комических ситуаций. В системе действующих лиц реальные исторические личности (Державин, Козодавлев, Хемницер, князь Вяземский, Шувалов, Дашкова) соседствуют с вымышленными персонажами.

Конфликт пьесы строится на противопоставлении Державина-чиновника и Державина-поэта: отсюда и внутренняя борьба в душе главного героя "исторических сцен", и различное к нему отношение со стороны других персонажей. В финале пьесы Полевого утверждается торжество и Державина-чиновника (он получает новый чин, его служебная деятельность одобрена, тогда как в начале пьесы она только порицалась, а Державин чуть не стал жертвой интриги своего подчиненного), и Державина-поэта: признание его поэтических заслуг императрицей и князем и сделало Державина великим поэтом; противоречие между поэтом и обществом оказалось снятым, что придало пьесе мелодраматический характер.

Н.М.Валеев (Елабуга)

МОТИВЫ ВЕЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА И Д.И.СТАХЕЕВА

Д.И.Стахеев (1840-1918) - писатель-прозаик, автор 12-томного собрания сочинений, лишь в конце 12-го тома поместил

несколько своих стихов. Поэтическое наследие его незвелико и неоднородно. Лирика писателя совершенно неизвестна читателям и исследователям; в XIX веке стихи его публиковались на страницах периодики и разыскивать их приходится почти наугад. И это заметная потеря для общества: в стахеевском поэтическом творчестве есть подлинно поэтические страницы, которые сделали бы честь любому крупному таланту. С ранних лет зачитывался он поэзией Г.Р.Державина и особенно привлекала и волновала его у автора знаменитой "Фелицы" тема вечности. Жизнь и смерть, человек и Бог, земное и небесное - эти мотивы в стахеевской поэзии и личной жизни получили своеобразную интерпретацию. Державинские строки:

Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар

- многократно отразились в творчестве Стахеева. В качестве примера приведем несколько замечательных строк:

Будь чист душой: из испытанья,
Господней благостью храним,
И окрылен ее сознанием,
На берег выйдешь невредим.

Прямой отклик на державинские строки слышится в стихотворении "Как тучи бурной, темной ночи":

Теперь, кончая путь суровый,
На склоне лет найдя покой,
Я презрел жизнь, живу готовый
К переселенью в мир иной.

Державин с верой восклицает:

Твое создание я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!

Стахеев вторит ему:

О, верь, вся наша жизнь земная
Есть подготовка лишь к иной,
Где правды свет, не угасая,
Сияет вечной красотой.

И эта переключка века XVIII с веком XIX навеивает определенные чувства и весьма притягательна и знакома читателю любой эпохи, поскольку речь идет о высших завоеваниях человеческого духа.

ДЕРЖАВИН В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ В.В. СИПОВСКОГО

В русском литературоведении начала XX века совершенно отчетливо прослеживается стремление к систематизации историко-литературных знаний, к углублению их теоретичности. Не обошло оно и проф. В.В.Сиповского, который в своих многочисленных работах, лекциях старался показать основные тенденции и итоги развития отечественной словесности с древнейших времен до современности. И поскольку, по собственному замечанию Сиповского, два имени представляют традиционно лирику XVIII века в курсах истории русской литературы - Ломоносов и Державин, вполне закономерным видится его собственное обращение к творчеству Державина. Правда, изучение принципов, которыми руководствовался Сиповский в научной работе, позволяет сделать вывод о более глубоких основах интереса к Державину.

Как известно, В.В.Сиповский очень серьезно занимался теоретическими проблемами литературоведения. В предисловиях к историко-литературным исследованиям, в лекциях, в специальной работе "История литературы как наука" (СПб., 1911) он определяет предмет и функции истории литературы как науки, обращает внимание на разные аспекты изучения литературы (эстетический, философский, исторический и т.д.), намечает перспективные пути историко-литературных исследований. Он критикует современные принципы изложения истории литературы (хронологический, по историко-культурным эпохам, обзорный по персоналиям внутри эпох) и предлагает, сохраняя деление по культурно-историческим эпохам, вести изложение не по писателям, а по литературным жанрам, направлениям и т.д. Опыт Веселовского для него основа.

Попыткой такого рода является учебник Сиповского "История русской словесности. Часть II" (история литературы с эпохи Петра до Пушкина. СПб., 1906). Державин здесь рассматривается в главе, посвященной литературе Екатерининского периода, в связи с анализом "псевдоклассической" лирики. Спецификой учебного издания обусловлены отбор материала и характер его изложения: в начале главы дана характеристика эпохи Екатерины II, представлена биография Державина, анализ поэзии не столь глубок, хотя отмечены все особенности (эпикуреизм Державина, его взгляд на человека, на Бога, отношение к Екатерине II, психологические и реалистические элементы в его одах, описания природы, русский язык и др.). К учебнику была подготовлена Сиповским хрестоматия ("Историческая хрестоматия по истории русской словесности." Т.1. Вып.3.Спб., 1913). Поэзия Державина представлена достаточно всесторонне: 12 стихотворений, среди кото-

рых "На смерть князя Мещерского", "Фелица", "Видение мурзы", "Бог", "Водопад", "Вельможа", "Памятник". Тексты подобраны так, что помогают составить представление о характере поэзии Державина и уяснить основные положения учебника.

В работах 1913-1914 гг. Сиповский более последовательно реализует теоретические принципы на практике. В "Общем курсе русской литературы" (Спб., 1913-1914) он полностью отказывается от периодизации по культурно-историческим эпохам, излагает прошлое русской литературы с точки зрения развития литературных форм.

Первый раздел - это исследование "Формации эпоса", второй - эволюции русской драмы, третий - сущности лирического творчества Державина. Выделяются такие вопросы, как философская лирика, любовная, политические мотивы, жанровое своеобразие его поэзии, связь с предшествующей литературой (Ломоносовым, Сумароковым) и последующей (Пушкин). Подчеркивается, что центральное место в его поэзии отведено человеку, и это сделало его творчество "необыкновенно человеческим, реальным"

Изучение русской лирики было продолжено в книге "Русская литература" (Вып.1.XVIII век. Пг., 1914). Цель автора доказать, что "интереснее и важнее торжественной оды" была в России XVIII века "лирика сердца". Державин представлен в контексте творчества Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Хераскова, Радищева, Карамзина. При этом автор показывает на примере Державина, как углубилось и усложнилось лирическое творчество, как близка была поэзия Державина интересам тогдашней жизни, как проявилась в творчестве личность поэта, как в этом процессе выразился рост русского индивидуализма, как его лирика постепенно и настойчиво приближалась к "поэзии действительности". Научный характер издания потребовал и большей фактичности, достоверности: все примеры, цитаты имеют ссылку на источник, более продуман отбор материала, целенаправленный анализ. Достояна внимания, на наш взгляд, и попытка рассмотреть поэзию Державина с точки зрения изучения "поэтических мотивов", "сюжетов", приемов творчества. Именно такое изучение литературы, по мнению Сиповского, самое перспективное и интересное. Насколько он был прав, показывает проблематика современных исследований творчества Державина.

О.К.Герлован (Тирасполь)

СКАЗКА-РОМАНС Г.Р.ДЕРЖАВИНА "ЦАРЬ-ДЕВИЦА"

Творчество Г.Р.Державина - удивительное явление в истории русской литературы. Поэт выступает предтечей многих художественных достижений и открытий, которые будут сдела-

ны русскими писателями в XIX веке. В этом отношении примечательна и его "Царь-девица" - она стоит у истоков русской литературной сказки.

До настоящего времени исследователи по-разному определяли жанр этого произведения: баллада, поэма в народном стиле, сказочная поэма. Однако Державин дает четкое определение его жанра - романс. И не случайно. Содержание "Царь-девицы" отвечало существовавшему тогда представлению о романсе, как "простом", "простодушном", "лирическом" рассказе о каком-либо походе или приключении. Такое понимание этого жанра разделял и Державин, что нашло свое отражение в его "Рассуждении о лирической поэзии, или об оде".

Свойства и характерные признаки романса, предьявляемые этому жанру требования приложимы и к литературной сказке, определение которой мы находим в "Краткой риторике" А.Ф.Мерзлякова. Сходство характеристик романса и сказки, встречающиеся у Державина и Мерзлякова, - очевидно. Обусловлено оно, вероятно, совпадением понятия о своеобразии народного творчества вообще, независимо от того, какая имеется в виду традиция - русская или западноевропейская. "Народность", "старина", "древность", мыслимые как неразрывные категории, осознавались на основе сказочных представлений, с ними ассоциировался и целый комплекс понятий: простота, безыскусственность, естественность, - свойственных как русской сказке, так и западноевропейскому романсу.

Державин в поисках национальных художественных форм пришел к романсу и песне, как жанрам, наиболее отвечавшим потребностям стихотворного освоения сюжетов народной словесности. Обращение к русскому фольклорному материалу не было чуждо поэту и ранее. Однако в "Царь-девице" народные сказки - основа произведения.

В исследовательской литературе по-разному решался вопрос об источниках произведения, но при этом утверждалось, что автор не берет за основу какую-то конкретную сказку. В сборнике же "Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих русских сказок" (1786), который мог быть известен поэту, мы встречаемся со "Сказкой о Любиме царевиче и прекрасной царевне, его супружнице, и волке крылатом". Один из ее эпизодов, связанный с похищением чести и последовавшим за этим отмщением, почти полностью совпадает с событийной частью "Царь-девицы". Но Державин стремился не столько к литературной обработке уже имевшегося сюжета, сколько к выражению народного русского "духа". Для автора характерно свободное обращение со сказочными мотивами, уже известными элементами сюжета, отсутствие "сказочной обрядности", привлечение конкретных жизненных реалий.

Осуществленный анализ произведения подтверждает, что Державин, задумав написать романс, в действительности создает литературную сказку. Его опыт освоения сказочного материала в дальнейшем получит развитие в творчестве А.С.Пушкина. Имя великого поэта возникает закономерно, поскольку нельзя не обратить внимание на образы и мотивы державинского произведения - "лежа царством управляла", "лукоморье", "заморский кот", который "скакивал по веткам", "кочет, хлопавший на нашесте крыльями, крича сто раз". Они встречаются в сказках Пушкина.

Создавая "Царь-девицу" как иллюстрацию к собственному рассуждению о романсе, и чтобы "не остаться в стороне от национальных интересов", Державин пишет произведение, ставшее прообразом русской литературной стихотворной сказки на народно-позитической основе, жанра, расцвет которого придется на 30-е годы XIX в.

Я.И.Гудошников (Тамбов)

"АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ ПЕСНИ" Державина И Фольклор

1. Работ о связи поэзии Державина с фольклором почти нет, т.к. поэт не видел надобности в особом внимании к народному (крестьянскому) творчеству и остался равнодушным к тем тенденциям сближения литературы и фольклора, которые наметились в последние годы его жизни (возникновение жанра "русской песни" в книжной поэзии). Он собирал народные причитания. Но вполне закономерны работы типа: Айдарова В.Н. Элементы народной разговорно-бытовой речи в поэзии Г.Р.Державина. (Труды Сталинирского пединститута, 1956, вып.3).

2. Проблему взаимовлияния русской литературы и фольклора чаще всего решают в плане выявления элементов фольклора в творчестве писателей. В данном случае целесообразнее разговор по этому поводу начать с влияния "Анакреонтических песен" на фольклор.

Державинская "Пчелка" (1796 г.) - первая, по времени написания, русская авторская песня, прочно вошедшая в песенный репертуар донских и кубанских казаков. "Пчелочка" широко бытует в казачьих станицах и до сих пор. При этом об авторе этой песни исполнители ничего не знают и считают ее исконно своей. В докладе будет дано сопоставление авторского и народного текста.

3. Наряду с "Пчелкой", Державин включил в свои "Анакреонтические песни" и "Кружку", написанную им в ранний период его творчества (1777 г.). Эта песня фольклоризировалась и была популярной до конца XIX в. О популярности этой песни в солдатской среде писал в середине 60-х годов

Я.Грот. Державинская песня сделала нарицательным само понятие "Кружка" - символ русского веселья, противопоставление французскому жеманству. Именно поэтому Пушкин в "Зимнем вечере" упоминает именно "Кружку"

4. В "Анакреонтических песнях" Г.Державина не заметно цитирования фольклорных источников или использования состоявшихся в народной традиции песенных символов. Но в "Кружке" использована поговорка ("Пьяным по колени море"), в "Любушке" находим сказочные образы ("оборотень", "змея"), а в "Ласточке" и "Русских девушках" заметна близость к народно-песенным размерам.

5. Близость "Анакреонтических песен" к фольклору больше заметна в их языке, нежели в образной структуре. Прав А.Западов. "Державин охотно употребляет формы глаголов - пужать, пущать, деепричастий - блистаючи, побеждаючи, улыбаючись, деепричастие прошедшего времени иногда принимает в сокращенной форме - наклонись, швед. У него встречаются народные слова - ведро, издевка, растабарье, помочь, пошва (вместо почва), тазать, шашни, внадолу, шлендать" (Западов А. Мастерство Державина. М., 1958. С.208-209). К этому следует добавить, что в "Анакреонтических песнях" Г.Державин, подобно своему современнику Н.Карамзину, взял ориентацию на разговорный язык. Но если у Карамзина была ориентация на речь дворянских салонов, то у Г.Державина явно была ориентация на общенародную речь, что открывало новые возможности и перед литературой и перед фольклором.

6. В "Анакреонтических песнях" фольклорных элементов почти нет, но многое идет от традиций А.П.Сумарокова и его школы:

Без любезной грудь томится,
Слезно очи возрыдают,
Без любезной ум мутится
Дух и сердце унывают

В некоторых даже заметно следование стилевой манере В.К.Тредиаковского:

Вылетай, душа, ах из тела вон.
Я тоскую, увя! уехал он.

Здесь в стилевой манере В.Тредиаковского междометие ставится в середину стиха, что в других произведениях Державина не наблюдается.

Г.И.Гурьянова (Казань)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ТЕАТРАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА "ДОБРЫНЯ"

Театральное представление "Добрыня" написано Г.Р. Державиным в 1800-е годы, в период, когда поэт, в духе своего

времени, широко использует фольклорные темы и образы в художественном творчестве. Палитра фольклорных приемов в "Добрыне" многообразна:

1. Образы, идеи, мотивы народного творчества. Державин использует популярный в мировом фольклоре сюжет змееборчества. Но если в былинах борьба богатыря со змеем лишена личных мотивов, то у Державина на первый план выступает мотив соперничества персонажей в любви. И Добрыня, и мудрый правитель князь Владимир, и коварный Тугарин влюблены в "краснешую девицу" Прилепу. Подобно сказочному вредителю, Тугарин угрожает Прилепе насильственным супружеством, пытается овладеть ею обманным путем. Победа Добрыни - победа богатыря и рыцаря. Он проявляет великодушие даже к врагу, отпуская на свободу взятого им в плен Тугарина. Через фольклорные образы и сюжеты проводится гуманистическая идея равенства людей в любви вне зависимости от их социального положения, выраженная в афористической форме князем Владимиром: "Любовь величеств и титл не разбирает, закон ея царя с пастушкою равняет".

Свободное переосмысление традиционных фольклорных сюжетов и образов в духе волшебного-рыцарских романов придает действию увлекательность, экспрессию, динамизм.

2. Цитирование фольклорных произведений. Песня хора богатырей (дейст. III, явл. 4), которой сопровождается сбор богатырей на состязание, песня хора девиц (дейст. IV, явл. 2), встречающих приход Владимира в девичий терем, свадьба (описание свадебного обряда, свадебные песни) Прилепы и Добрыни (дейст. V, явл. II) представляют прямое использование народных произведений в сценическом действии с целью воссоздания колорита эпохи.

3. Использование стилистических приемов, имеющих своими корнями фольклор: единоначатий, параллелизмов, традиционных сравнений ("словно жар они (башни Киева) в печи горят"), устойчивых символов (сокола-юноши) "я вижу, для чего вильнул сокол в столицу", голубки девушки ("я готов... жить с голубкой"), разговорно-бытовой лексики ("надежда-государь", "кручина обуяла", "хитрянушка", "на сердце кутермится", "раскручинься, разрюмся, распузырься"), пословиц ("повинну голову не рубят, не секут", "баснями не кормят соловья") - как органического элемента стиля и, в особенности, средства создания речевых характеристик героев из народной среды (слуги Добрыни Торопа, наперсницы Прилепы Способы).

Театральное представление "Добрыня" не относится к числу лучших произведений Г.Р.Державина. В то же время оно является ярким примером освоения народного творчества русской литературой начала XIX века.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТКЛИКИ 1860-Х ГОДОВ НА ПУБЛИКАЦИЮ "ЗАПИСОК" Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Шестидесятые годы отмечены рядом серьезных достижений в изучении истории русской литературы, в частности литературы XVIII века. Выходят в свет собрания сочинений Д.Фонвизина, В.Майкова, А.Кантемира, В.Лукина. Идет подготовка академического издания сочинений Державина. В различных журналах появляются статьи о писателях XVIII века. Так, большую статью о Державине публикует "Рассвет", в котором начинал свою критическую деятельность Д.Писарев.

Общество получает возможность шире, чем ранее, знакомиться с русскими мемуарными произведениями, чья тема - XVIII век. Среди них и "Записки" Державина. Их выход не прошел незамеченным.

Остановимся на четырех журнальных статьях, посвященных "Запискам".

Статья "Библиотеки для чтения" (1860, номер 9. Отд. III) принадлежит, очевидно, А.Писемскому. Он рассматривает "Записки" как своего рода саморазоблачение. Невольное, но красноречивое. Причем разоблачение не только гражданского, но и творческого "бессилия". Пафос статьи - утверждение "нравственной пустоты" поэта, его заурядности во всех сферах: личной, поэтической, гражданской. Что и проявилось, по мнению рецензента, в "Записках", которые так же заурядны, как их автор.

Не менее резкой по тону была статья "Державин-гражданин" за подписью "Дмитрий Маслов" в журнале "Время".

Маслов полностью сосредоточился на гражданском значении и поприще Державина, что, в сущности, формально соответствовало содержанию "Записок". Пересказывая их, Маслов подчеркивает добровольность искательств и унижений мемуариста. Проявляемые нередко поэтом действительные мужество и честность он приписывает неосторожности, а не сознательной позиции. Державину противопоставляются Радищев и Новиков. Гражданские мотивы произведений поэта "были плодом или мгновенной вспышки... или оскорбленного самолюбия", но не выработанных убеждений "передовых людей времени" (Время. 1861. Номер 10. Отд. II. С. 127-128).

Таковы были отзывы "Библиотеки для чтения" и "Времени". Они резко контрастировали с рецензией на "Записки" В.Водовозова в "Русском слове" и Чернышевского в "Современнике".

Для Водовозова Державин - "настоящий гражданский поэт", а его мемуарное произведение близко "Исповеди" Руссо. Оно также представляет собой "апелляцию потомству на обиды, претерпенные за правду" (Русское слово. 1860. Номер 10. Отд. II. С. 17).

"Особенно драгоценны" "Записки", замечает Водовозов, "наивностью рассказа", не маскирующего мемуариста и события, о которых он повествует. Множество фактов, любопытных черт "ярко высказывают" поэта и его время.

Принципы историзма лежат и в основе наиболее известного отзыва о "Записках" - статье Чернышевского "Прадедовские нравы", опубликованной в седьмом номере "Современника" за 1860 г.

Рецензент указывает на глубокое различие между замыслом мемуариста и его воплощением. Замысел был изобразить человека, "оказавшего великие услуги отечеству". Результат, считает Чернышевский, далек от внушения именно такого представления читателю. Но это не потеря: Державину удалось "обрисовать" себя таким, каким он был; он дал картину "прадедовских нравов"; исторически она бесценна.

Полярность журнальных отзывов ярко демонстрирует сложное, противоречивое отношение деятелей 60-х годов XIX века к веку предшествовавшему. Причины этого явления заслуживают специального исследования.

С.В.Калачева (Москва)

ДЕРЖАВИН И ТЮТЧЕВ

1 Державин как поэт, сведший воедино достижения поэзии XVIII в., оказал большое влияние на поэтов XIX в., в том числе на Тютчева. Наиболее ярко это проявляется в первых стихотворениях, опубликованных "Обществом любителей российской словесности" при Московском университете ("Вельможа", в дальнейшем публиковавшийся как "На новый 1816 г.", прочитанный в Обществе Мерзляковым; перевод оды Горация "Послание Горация Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду"). В этих стихотворениях обнаруживается переключка отдельных выражений и образов с творчеством Державина. Очень характерно, что Тютчев как настоящий поэт не подражает тому или иному стихотворению, а следует манере Державина. При этом зрелые произведения Державина, написанные в последние десятилетия XVIII в., по языку кажутся менее архаичными, чем первые опыты Тютчева. Больше всего влияние Державина сказывается на общепhilosophической концепции лирики Тютчева, причем не только в ранний период. Как и Державин, Тютчев очень глубоко чувствует течение времени и краткость пребывания в этом мире человека.

2. Одним из важнейших достоинств Тютчева считается умение создать яркую пейзажную зарисовку. По этому принципу отбирал для "Современника" стихи Пушкин, это отметил в своей статье Некрасов, большинство именно таких стихотворений отметил Л.Толстой. Представляется, что это умение

поэт перенял у Державина и по-своему развил его. Фрагментарность пейзажных картин Тютчева, кажущихся как бы вырванными из контекста, связана с тем, что Державин свои пейзажи включал в большие одические композиции. В этом отношении характерно стихотворение Тютчева "Люблю грозу в начале мая...", неожиданно завершающее пейзаж античным образом.

Закономерно и то, что некоторые стихотворения Тютчева 20-х гг. объединялись при публикации ("Утро в горах" и "Снежные горы"). Фрагментарность стала в дальнейшем характерной чертой лирики Тютчева.

3. Отразилось в стиле Тютчева и своеобразие стиха Державина. Стих XVIII в. рассматривают в значительной мере как экспериментальную базу для классического стиха XIX в. Державин в своем стихосложении сконцентрировал все особенности этих экспериментов. Как видно из сравнения двух вариантов Читалагайских од (1774 и 1798), ранний Державин испытал влияние силлабики. (Большое количество Яб, перекликающегося с силлабическим тринадцатисложником, обилие отступлений и разнообразие места их расположения и т.д.). Интересно отметить, что в более поздних стихах Державина влияние сказывается на усложнении синтаксиса и обилии инверсий, которые приветствовал в русском стихе теоретик силлабики - Кантемир. Инверсии, усложняющие стих и соотношение предложения со стихотворной строкой, унаследовал от Державина Тютчев. Существует параллель даже в освоении поэтами трехсложных размеров, оба использовали в одном стихотворении все три метра, но победил у обоих - амфибрахий ("Ласточка" Державина, "Сон на море" Тютчева).

Таким образом, можно сказать, что стиль Тютчева в значительной мере определялся влиянием Г.Державина.

Л.И.Кашкина (Нижний Новгород)

"ПСАЛТЫРЬ" В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ ЛОМОНОСОВА, СУМАРОКОВА, ДЕРЖАВИНА

В конце XVIII в. был снят запрет на стихотворное переложение Библии, и уже в начале XVIII в. парафраз псалмов становится едва ли не самым распространенным жанром в русской литературе. К нему часто и охотно обращались русские классицисты. Эстетика классицизма авторитарна, она преклоняется перед образцами, авторитетами, тем более перед Библией. Псалмы становятся образцом для создателей поэтического стиля высокой лирики.

Тредиаковский и Сумароков одними из первых в русской литературе осуществили полное стихотворное переложение Псалтыри. Тредиаковский ставил своей задачей раскрыть заново все духовные и "эстетические прелести" псалмов, чтобы

возбудить новый, сознательный интерес читателей к ним. Его приводил в восторг стиль духовных песен, изобилующий различными сравнениями, метафорами, поэтическими картинками. В своих парафразах Тредиаковский стремился не только передать всю красочную выразительность библейского слога, но и "приумножить" его "велелепие".

Высоко ценил духовные оды Ломоносов. Он переложил всего 8 псалмов, но Пушкин назвал их "вечными памятниками русской словесности", по которым "долго еще должны мы будем учиться стихотворному языку нашему" (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т.7. С.29). Для Ломоносова Псалтырь - это прежде всего источник поэтических образов, школа поэтического искусства. Он писал: "... мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких" (Ломоносов М.В. Сочинения. М., 1987. С.250). Ломоносовские парафразы отличаются большой приближенностью к оригиналу как по содержанию, так и по форме выражения. Основную мысль псалма он старается передать средствами самой Псалтыри, бережно сохраняя каждый ее образ и выражение. Это видно из сопоставления переложений Ломоносова и Тредиаковского.

Для Сумарокова характерно использование Псалтыри в качестве материала для поэтического экспериментаторства. Он свободно обращается с текстом Библии, позволяя себе в соответствии со своими художественными замыслами менять его, переставлять, добавлять и т.д. Например, каждая строфа парафразы пс.118 начинается с очередной буквы алфавита (от А до Ч). А в переложении пс.24 в алфавитном порядке выстроены уже не строфы, а строчки. По начальным буквам каждой строчки переложения пс.110 Сумарокова можно прочитать имя "Екатерина Великая". Сумароковские парафразы представляют все богатство и разнообразие стихотворных размеров, ритмов, форм.

Державин обращался к псалмам на всем протяжении своей жизни. Известно около 30 его переложений. Преимущественно это лирические псалмы, посвященные общим темам человеческих радостей и горестей. В свое время Белинский дал духовным одам Державина резко отрицательную характеристику. Он писал: "Стихотворения эти холодны и прозаичны, как школьная диссертация, стихи в них дурны до последней степени, и редко, очень редко кое-где проблескивают искорки одушевления, сейчас и погасая в воде риторики". (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т.2. С.492). Сам Державин не рассматривал духовную оду в качестве "холодной диссертации". Он относил псалмы к жанру высокой оды, а "она не наука, но огонь, жар, чувство", "...священная ода есть самое выпренное, пламенное творение". (Державин Г.Р. Сочинения:

В 9 т. Под ред. Я.Грота. Спб., 1872. Т. 7. С.519). Уже первые опыты Державина в переложении псалмов отвечают такому представлению. Написанное в 1780 г. стихотворение "Властителям и судиям" (пс.81) содержит характерные для державинских парафраз черты: личностное отношение к теме, резкая эмоциональная окрашенность его, яркая образность. Известно, что Екатерина II и ее придворные приняли державинское переложение пс. 81 за яacobинские стихи, настолько смело они звучали. Державин придает библейскому тексту эмоциональную и смысловую заостренность. Говоря о смертной участи земных богов, он употребляет окрашенные в сниженные тона сравнения, привносит в текст дополнительные оценочные характеристики. В Библии об этом сказано более сдержанно и нейтрально.

Для Державина характерно свободное обращение с текстом Священного Писания, нередко он вводит собственные размышления и оценки, расставляет свои акценты. Иногда он отбирает для переложения лишь те части псалмов, которые лучше всего выражают его собственные мысли и чувства, в результате чего псалом приобретает иной смысл и значение (пс. номер 91, 101). В этом он продолжает традиции русских классицистов, Ломоносова, Сумарокова, которые использовали Псалтырь как средство самовыражения. Охотнее и чаще всего Державин обращался к библейской теме праведников и нечестивцев. В этом случае библейские образы и укоры приобретали совершенно конкретное жизненное наполнение и значение, что вело к реалистичности псалмов.

Библейский язык отличается необычайной краткостью и вместе образностью выражения. В этом его сила и красота. Мало кому удастся сохранить это в своих переложениях. Обычно грешат многословием. Не исключение и Державин, хотя в его парафразах заметно стремление сохранить библейскую образность, метафоричность стиля.

К.А.Кокшенева (Москва)

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОПЕРА Г.Р.ДЕРЖАВИНА

На рубеже XVIII-XIX столетий опера в системе жанров классицизма теснит трагедию, полагается "венцом искусства", соперничает с трагедией и, одновременно, представляет область свободы от канонов классицистской трагедии.

Половина драматических сочинений Г.Р.Державина - оперная драматургия: "Батмендий", "Счастливым горбун", "Добрыня", "Дурочка умнее умных", "Рудокопы", "Женская дружба", "Грозный, или Покорение Казани".

Г.Р.Державин при написании своих опер считал первенствующим их литературное достоинство, - отсюда, естественно для самого автора и для исследователя, вытекает вопрос: "В

чем же полагал Державин отличие оперы от трагедии?" "Сочинитель того и другого, - говорит он, - может равно "обрабатывать одно и то же содержание". Следовательно, речь идет не о комической, например, опере, но об опере "важной", "трагической". В этом типе опер можно черпать содержание из языческой мифологии, славянского баснословия, древней и средней истории. Отличаться же автор оперы от сочинителя трагедии будет тем, что первый может "смело уклоняться от естественного пути и даже совсем его выпускать из виду...". Автор оперы приводит "смотрителя" в удивление. Опера есть "перечень или сокращение всего зримого мира" Опера открывает огромные возможности для роскошного "пиршества для глаз".

Собственно оперой - "отечественной героической оперой" - Державин назвал только "Грозного". И, вместе с тем, можно выделить основную задачу, которую ставил перед собой Державин. Он стремился к созданию серьезной ГЕРОИЧЕСКОЙ русской оперы, опирающейся на национальный тематический материал. "А паче героической, - говорит поэт в "Рассуждении", - каковых природных еще почти у нас нет".

С помощью каких средств драматург может реализовать свой замысел - создать героическую оперу? Одно из средств - показать ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ. В операх Державина героическое действие являлось не только с выбором сюжета и тематики, но и через ХОР. Функции хора разнообразны: это и славление ("Добрыня", "Пожарский", "Грозный"); это и военные хоры; хоры величальные, прославляющие "добрых государей"; волшебные хоры, хоры "ужаса", "мольбы", хоры свадебные, в которых Державин использует прием прямого цитирования народных обрядовых песен.

Героическая опера должна также опираться на "РУССКУЮ СТАРИНУ" И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ. Славянское баснословие давало огромный материал для героизации сюжета, а русская история непосредственно являла "воинские подвиги и прочие героические добродетели".

Историческая тематика укрупняла масштаб героического представления в опере. Исторический сюжет принадлежит уже не только трагедии, но и опере: Конечно, Державин не мог не испытывать здесь трудностей - сопряжение народного баснословия с исторической конкретикой было проблемой, трудной задачей.

Задача создания русской героической оперы уже предполагала оформление и развитие конфликта с образцовой поэтикой классицизма. В большинстве русских сочинений для театра "высокого жанра" идет поиск литературных средств, разрешающих конфликт, - иноземная, образцовая, правильная форма и национальный, сплошь особенный материал. И в то же

время правила классицизма еще благополучно сопрягались с далекой национальной историей потому, что цель героической оперы и трагедии - героическое действие, а прошлое в сознании потомков - это всегда героическое прошлое. Героическое историческое действие и способствовало возвышению добродетели, возбуждало ужас и сострадание, что и требовалось от "высоких жанров", куда Державин отнес и свою героическую оперу.

В.Н.Коновалов (Казань)

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО Г.Р.ДЕРЖАВИНА В ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКЕ 1870 - 80-х ГОДОВ

В 1870-80-е годы Державин воспринимается как почитаемый классик русской литературы. Его стихи изучаются в гимназиях, регулярно выходят в свет сборники его стихотворений и собрания сочинений, начиная от фундаментального академического с объяснительными примечаниями Я.К.Грота и кончая "Избранными сочинениями" Г.Р.Державина под редакцией Л.Поливанова (1884), которое и до нашего времени может считаться образцовым изданием для школьников. Творчество Державина обстоятельно изучается академическим литературоведением.

Не проходит мимо его наследия и журнальная критика. Стимулятором ее внимания были прежде всего тома гротовского собрания сочинений Г.Р.Державина, систематически выходившие с 1864 по 1883 г. Интерес к ним вызывался не только уникальностью издания, но и тем, что оно преследовало, кроме научных, и полемические цели, так как решение Академии было вызвано, как писал Грот, желанием "способствовать к восстановлению в обществе более спокойного отношения к Державину", чтобы противостоять "безотчетному осуждению" и "односторонней хуле", которые пришли в 60-е годы на смену "бессознательному восторгу". Не случайно поэтому в журнальных рецензиях дается оценка не только оформления и научного аппарата каждого тома, но и его содержания, что дает возможность проследить основные тенденции восприятия наследия Державина с середины 60-х до середины 80-х годов.

Наибольшее количество рецензий вызвал выход в свет I тома, что вполне объяснимо интересом критиков и читателей к необычности и грандиозности замысла АН и публикации в первом томе наиболее популярного стихотворений поэта. Из откликов о Державине по поводу I тома следует выделить статьи М.Лонгинова ("Современная летопись"), Галахова ("С-Петербургские ведомости"), В.Зайцева ("Русское слово"). Оживленные отклики были вызваны выходом в свет II тома (лирика 1797-1807 годов), V (переписка Державина) и VIII-IX

(биография). Другие тома были встречены более прохладно.

При значительном разбросе мнений и оценок можно выделить несколько основных тенденций:

1. Почти единодушное признание исключительной историко-культурной и научной значимости издания сочинений Державина, хотя некоторые критики (Зайцев, Буренин) с иронией отмечали излишнее, с их точки зрения, внимание Я.Грота к житейским мелочам биографии Державина.

2. Стремление рассматривать деятельность Державина в сочетании с характером эпохи, в которой он жил, и не переносить на оценку его взглядов и государственной деятельности понятий и этических норм 1860-70-х годов. Исключением является статья С.Шашкова "Литературный идол", в которой Державин охарактеризован как честолюбец, заурядный помещик, льстец и т.д.

3. Внимание к целостному восприятию личности и творчества Державина, понимание самобытности его таланта, "более спокойное", по отзыву критика "С-Петербургских ведомостей", отношение к его деятельности.

Общим итогом журнальных дискуссий 70-80-х годов стало восприятие наследия Державина в широком контексте русской культуры не только XVIII, но и XIX века.

С.И.Кормилов (Москва)

МАРГИНАЛЬНЫЕ СТИХОВЫЕ И СТИХО-ПРОЗАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ У ДЕРЖАВИНА

Маргинальные формы стиха и прозы - такие, которые не ясны в своей сущности сами по себе, требуют каких-либо "объяснений" или "оправданий", обычно внестиховых и внепросодических, - характерны для Державина. Например, предварительная заготовка к "Видению мурзы" (1783) соединяет разные стиховые и, по сути, прозаические строки, с рифмами и без них. Будь это законченный текст, он был бы необычно раскованным, метрически неклассическим. Но как факт творческой истории стихотворения этот текст не подлежит такой трактовке. Еще более далекая от окончательной метрической отделки заготовка - "Станс" 80-х годов (по мотивам Горация). По другой причине нельзя говорить о принципе "свободы" или хотя бы "вольности" стиха по отношению к "Пирамиде" (1809), расширяющейся сверху вниз: нарастание количества слогов в строках здесь запрограммировано, нетрадиционная форма, по сути, "классична", что подчеркнуто равнозначным двустийным в "основании". Но Державин основоположник и свободного стиха, который в XVIII-XIX веках тоже был только маргинальным, изначально ориентированным на античные хоры, гимны и дифирамбы, воспринимавшиеся через немецкое посредничество. В античности это были метрические

логаэды, а у немцев и русских они стали свободными стихами, однако, в силу их генезиса и сохранявшегося тематически-стилистического ореола, в общем такими же классическими, как и силлабо-тоника. У Державина это перевод из Арифрона Сикионского "Богине здравия" (с немецкого текста, 1795), а по ассоциативной ориентации и "Дифирамб" из "Сретения Орфесом солнца" (1811), хотя последний - все же не свободный стих в полном смысле (даже по меркам XVIII-XIX веков) в силу его относительной силлабической упорядоченности.

Есть у Державина и другие метрически необычные маргинальные образования, в том числе связанные с "домашним", сугубо неофициальным их употреблением.

Державин не раз обращался к "лапидарному слогу" надписей на памятниках и других, им подобных надписей, в которых словесность взаимодействует с пластикой и малой архитектурой. Ему принадлежат два моностиха: "Стой, Зависть, стой - и устыдись!" ("На гроб князю Петру Михайловичу Голицыну", не ранее 1779 г) и разделенный пополам (обычное дело в лапидарном слоге) "Здесь на измену скрыт/ И на неправду гром" ("На гроб графа Петра Ивановича Панина", 1789, автором "забраковано"), возможно, эпитафия А.В.Суворову неясного статуса - "Здесь лежит Суворов" (В.Ф.Марков считает ее моностихом); Державин думал предложить надпись к памятнику Петру Великому из одного слова - "Жив". Он автор фигурно записанного пятью строчками "полуторастиишия" "На мраморную колонну, в Красной Мызе Нарышкиных. " (1788) и фигурно-прозаических надписей "На Григорьевскую больницу. 1 При входе в нее" (1795) и эпитафии самому себе "Здесь лежит Державин.. " (1796); влияние фигурной прозы ощутимо в разносloпной ямбической надписи "На медалион графини Александры Васильевны Браницкой..." (1796).

В XVIII-XIX веках для лапидарного слога характерны недорифмованность и напоминающая ее "далекая" рифмовка, когда рифма воспринимается глазом лучше, чем слухом (лапидарный слог вообще рассчитан на визуальное восприятие). У Державина "далекая" рифмовка имеет место в "Надгробии Шелехову" (1796), где последний стих рифмуется с первым полустиишем разделенного пополам четвертого стиха, и еще в трех надписях 90-х годов. "На гробнице П.В.Неклюдова в Невском" (рифмовка ААбвгвб), "На смерть князя Александра Андреевича Безбородко" (абавбв), "На гроб любимцу Фортуны" (аабввгб), а также в явно литературной, но ориентированной на лапидарный слог "Эпитафии мудрецу нынешнего века" (1784) - это вольный ямб с рифмовкой ааабвбггв - и в упоминавшейся надписи на медальон графини А.В.Браницкой.

Лапидарный слог обычно анонимен, но в XVIII в. это была весьма почитаемая сфера творчества; Державин и Карамзин могут быть названы ее классиками.

Зузи Котцингер (ФРГ, Констанц)

ДЕРЖАВИН И ГОГОЛЬ: ПОЭТОЛОГИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ

Как известно, Гоголь не раз в своих эссеистических текстах восторженно высказывался о поэзии Державина. Это не случайно. Поэт и писатель, они оба принадлежат к одной и той же поэтологической традиции. Эту традицию можно описать как антиклассическую, в рамках которой Державин и Гоголь противостоят Ломоносову и Пушкину. Несмотря на то, что Гоголь не устал подчеркивать важность и непреодолимость поэтического примера Пушкина, его тексты в действительности гораздо теснее связаны с державинскими. Хотя и оды Державина по их назначению стоят в довольно узком прагматическом контексте, а тексты Гоголя согласно с автономным статусом искусств, образованным во время романтизма, являются самодовлеющими художественными произведениями, тексты обоих имеют все равно не только сравнимую поэтическую структуру, но иногда даже общую семантическую установку.

Поэтологическая сопоставимость Державина и Гоголя имеет свои корни в общей ориентированности на параметры барочной поэтики. В центре поэтологического сопоставления должны стоять такие параметры поэтики, как **ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ** (картинность): поэтические образы отличаются особенной яркостью и, в то же время, противостоят непосредственному визуальному представлению; **ЗВУКОПИСЬ** и **РИТМИЧНОСТЬ**: воздействие и эффект текста часто основаны на звуковой и ритмической структуре, преобладающей над семантической согласованностью текста. Поэтологическое сопоставление должно обращать внимание на такие **ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ**, как, например, "высокое" ("возвышенное" и "обыденное"), "низкое", которые у Державина являются не только сигналами согласованности с риторическими правилами оды классицизма, но и как "продвижники" их разрушения, а у Гоголя оказываются в центре его поэтики "негативного изображения" (высокого, т.е. высочайших истин).

Со времен классицизма с названными эстетическими категориями связаны такие **МОТИВЫ**, как "обрыв", "водопад", "землетрясение", "извержение вулкана", происходящие от определенной "натурэстетики", и другие, как, например, "все" и "ничто".

А на **СТИЛИСТИЧЕСКОМ УРОВНЕ** такие приемы, как дерзкие метафоры, гиперболы, парадоксы, стилистический синкретизм, несоблюдение жанровых границ и т.д., у Державина,

как и у Гоголя, подчеркивают принадлежность к одной и той же традиции, а также общую семантическую установку, которая найдет свое воплощение у каждого в рамках эпохальной (классицистической, романтической) поэтики.

Цель доклада состоит в том, чтобы доказать на базе нескольких текстовых примеров, во-первых, принадлежность Державина и Гоголя к одной поэтологической традиции, а во-вторых, интертекстуальную связь между текстами Гоголя и Державина, которая и должна показать трансформацию поэтики Державина в относящихся к поэтике романтизма текстах Гоголя.

Н.Д.Кочеткова (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ ДОБРА И ЗЛА В ПОЭЗИИ ДЕРЖАВИНА

Вечные проблемы добра и зла неизменно находились в центре внимания Державина, которого П.А.Вяземский очень точно назвал "мыслящим поэтом и поэтом-философом". В его поэзии предстает достаточно сложная и отчасти даже противоречивая система этических воззрений.

В этой системе нашли отражение нравственные представления целого поколения людей "Екатерининского века" и вместе с тем взгляды человека, осознающего свою "особость" по сравнению с другими, - поэта, наделенного даром обращаться не только к современникам, но и к грядущим поколениям.

Этика Державина формировалась под воздействием разных традиций. Важнейшие из них - с одной стороны, христианская этика, с другой - горацянская. Обе традиции, при всей их кажущейся противоречивости, органично сосуществуют в поэзии Державина.

Одно из лучших произведений поэта - знаменитое переложение 81 псалма ("Властителям и судиям") - в значительной степени является ключом к пониманию державинских критериев добра и зла. Добро предстает как действенная, активная сила, направленная на защиту обездоленных и карающая обидчиков. Зло - это не только угнетение слабых, но и глухота к страданиям других людей, сосредоточенность только на собственных интересах.

Подобные представления получают широкое развитие во всем поэтическом творчестве Державина ("Вельможа", "Возвращение графа Зубова из Персии", "Афинейскому витязю", "К Скопихину", "Урна" и др.).

Из горацянской этики Державину, как и многим другим поэтам XVIII века, оказывается очень близко противопоставление придворной жизни и городской суеты простой, спокойной жизни на лоне природы вдали от бушующих страстей.

Мотивом, сближающим гражданскую и горацянскую ли-

рику Державина, становится антитеза "правда" - "ложь" Ряду "зло" - "ложь" последовательно противопоставляется ряд "добро" - "истина" Злодеяния совершаются с помощью лжи и под ее покровом - одна из центральных идей стихотворения "Властителям и судиям". Вместе с тем только отказ от "лжи", ложных ценностей помогает человеку обрести независимость, уметь наслаждаться простыми радостями. Эти го- рацианские мотивы, пронизывающие все творчество Державина, освобождают его мораль от сурового ригоризма.

Показательно, что поэт неоднократно обращается к библейскому выражению "всякий человек есть ложь". Это изречение входит в текст "Фелицы" и в "примечания" Державина к его стихотворению "Похвала за правосудие" (1798). Стихотворение отчасти развивает идеи, высказанные в переложении 81 псалма, отчасти оспаривает их. Искусно отказывая царедворцу в похвале, которую тот хотел от него услышать, Державин отстаивает не только свою творческую независимость, но и право высшего суда, которым обладает поэт. Так представление о возмездии за содеянное зло и награде за добрые дела оказывается связано не только с волей Бога, но и волей творца, воспевающего лишь истинные заслуги. Одновременно возникает и другая нравственная проблема - ложь поэтического слова и ответственность за нее поэта.

В.Н.Крылов, А.Н.Пашкуров (Казань)

ИДЕЯ БЫТИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ ДЕРЖАВИНА

I. Вводный общий тезис

Державин - один из первооткрывателей русской философской поэзии, в творчестве которого ее основные тенденции уже отчетливо просматриваются.

II. Вводные теоретические тезисы

1 Ядром философской лирики, ее смысловым ступнем является Идея Бытия.

2. Оставаясь единым целым, эта идея как бы расслаивается, распределяется по трем звеньям:

- а) Полюс Жизни;
- б) Полюс Смерти;
- в) Звено Памяти.

3. Специфика двух первых звеньев заключается в том, что они воплощают в себе две крайние категории Бытия: Жизнь и Смерть, между которыми постоянно протекает сложное взаимодействие.

4. Третье звено, Звено Памяти, занимает промежуточное положение между этими крайними полюсами. Из этого положения и вытекает его особый синтетический характер: Звено Памяти соединяет в себе воспоминания о прожитой человеком жизни и неизбежные мысли о грядущей смерти.

III. Основная часть

1. Из поэтов-философов XIX века (и по творческой манере, и по самой поэтической сущности) Державину ближе всего П.А.Вяземский.

2. Сущностная специфика державинской философской лирики во многом выявляется через сопоставление с поэзией Вяземского.

3. В стихотворениях Державина и Вяземского, относящихся к классическому Полюсу Смерти, идет отчетливое размежевание на линии "философскую" и "бытовую".

а) Общность смыслового содержания первой линии - неизбежная Вечность Всепоглощающей Смерти, но философия Державина, хотя и более контрастная, - более оптимистична (переступив грань смерти, человек входит в Бессмертную Вечность).

б) Для второй линии характерны отход от абстрактной философии и конкретно ощущаемое, глубоко личностное восприятие смерти, чаще всего концентрирующееся в какой-либо конкретной, "материальной" детали (например, у Вяземского - халат).

4. Полюс Жизни в философской лирике обоих поэтов наиболее полно и многогранно раскрывается, будучи связан с символами первозданных природных стихий, соотносящихся с жизнью человека (наиболее показательная параллель - "Водопад" Державина - "Нарвский водопад" Вяземского).

5. Двухполюсная структура Звена Памяти и у Державина, и у Вяземского в общих чертах сохраняется, но вся индивидуальная специфика каждого из поэтов определяется степенью "перетяжки" либо к Полюсу Жизни, либо к Полюсу Смерти.

а) У Вяземского Звено Памяти более тяготеет к Полюсу Смерти, а Жизнь - лишь подведение печальных итогов.

б) У Державина архетип Звена Памяти тяготеет более к Полюсу Жизни, и в этот мотив вплетаются светлые воспоминания о прожитой жизни.

IV. Тезис-заключение

В философской лирике Державина впервые Идея Бытия вырисовалась как система, и были тем самым подготовлены базис и перспектива для дальнейшего развития философской поэзии.

Е.Д.Кукушкина (Санкт-Петербург)

ДЕРЖАВИН В СЕМЕЙНЫХ ПРЕДАНИЯХ

Простодушный добрый старик, подводящий итоги жизни и пожинаящий плоды своих прежних благодеяний - таков Державин в семейных преданиях. Они как бы противопоставлены анекдотам о служебной деятельности Державина, в которых

его сложный неоднозначный характер предстал иногда в комическом виде.

Семейные предания о Державине наглядно демонстрируют, каким образом фактический эпизод становится анекдотом.

Сюжет анекдота и его детали всегда определяются основными чертами характера персонажа, которые часто преувеличиваются. Уже в "Записках" П.Н.Львовой, которые она начала при жизни Державина в качестве упражнений во французском языке и продолжила вскоре после его смерти, постоянно подчеркивалась его доброта. Некоторые эпизоды "Записок" разработаны с театральной обстоятельностью и наглядностью и близки к анекдотам. Характерен описанный Львовой случай с булочками, испеченными к именинам Державина, от которых он вынужден был отказаться по настоянию жены.

А.П.Кожевников, дальний родственник Державиных, имение которого находилось в 30 верстах от Званки, в неопубликованных записках "Некоторые черты Званской жизни" этот же эпизод рассказал короче и в качестве подтверждения таких черт характера Державина, как горячность и отходчивость. Тот же эпизод, опубликованный в воспоминаниях М.Ф.Ростовской, внучатой племянницы Державина, отличается характерными чертами анекдота - ссылкой на свидетелей и созданием психологического портрета. М.Ф.Ростовская рассказала в анекдотической форме несколько эпизодов-из жизни Державина, чтобы "правда взяла свое и выставила его в точном свете". Некоторые ее анекдоты столь изобилуют подробностями, что близки к небольшим рассказам.

Анекдоты о Державине, возникшие в его семейном кругу, выявляют особенности этого жанра: детали сюжета определяются фактами подлинной биографии персонажа и устоявшимися представлениями о его характере, как правило, однозначными. Чем дальше рассказчик от описываемого факта, тем отчетливее в его рассказе установка на подлинность. При этом психологическая мотивировка, на которой строится анекдот, может несколько изменяться.

А.С.Курилов (Москва)

ДЕРЖАВИНСКИЕ КРИТЕРИИ НАРОДНОСТИ В "ЛИТЕРАТУРНЫХ МЕЧТАНИЯХ" В.Г.БЕЛИНСКОГО

Проблема народности литературы встала перед нашими писателями, когда они, точно так же как и их европейские собратья по перу, остро почувствовали необходимость вернуться к самобытному, самостоятельному творчеству, обратиться к национальным художественным традициям и источникам вдохновения. Это предопределило закат классицизма и положило начало романтизму, высоко поднявшему знамя именно народности литературы и искусства. (См: Методология совре-

менного литературоведения: Проблемы историзма. М., 1978. С.127-136).

Активное теоретическое осознание проблемы падает у нас на середину 20-х годов XIX в., когда, как заметил еще А.С.Пушкин, "вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы". (Пушкин А.С. Полн. собр.соч.. В 10 т. Л., 1978. Т.7. С.28). Решить проблему тогда не удалось лишь потому, считал Пушкин, что "никто не думал определить, что разумеет он под словом народность". При этом Пушкин имел в виду народность не вообще, как таковую, а собственно русскую, о чем и вошло "в обыкновение" говорить.

В вопросе о "разумении" самого слова "народность", а также понятия о народности литературы ("словесности народа", "поэзии народной") у наших писателей и критиков никаких разногласий в те годы не было. Достаточно обратиться к программной в этом отношении работе О.М.Сомова "О романтической поэзии" Под народностью как таковой тогда разумели своеобразие характера и душевного склада, те "черты народные", которые отличали один народ от другого. А под народностью литературы - отражение в ее произведениях этих "черт", проявлявшихся непосредственно в "нравах, обычаях и образе жизни" народов. (// Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С.264). Пушкин полностью разделял такое ее "разумение", что видно из его стремления обозначить свои позиции в этом вопросе: "Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу". (Полн.собр.соч. Т.7 С.28-29).

В то же время, действительно, мало кто думал определить, что он разумеет под словом "русская народность", какие собственно нравы, обычаи, привычки, поверья, какой "образ мыслей и чувствований" можно считать исключительно русскими, свойственными только нашему народу. "Исключительно русское" и было тем критерием, который позволял выделять "черты народные" в русской литературе, вести предметный, а не "в обыкновение", разговор о ее народности, предъявлять на этот счет конкретные претензии и требования писателям. И если уж "жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы", то ясно представляя себе, чего же этим произведениям недостает, чтобы быть народными, и что надобно сделать, осуществить, предпринять, чтобы они могли обрести такое качество.

Единственным, пожалуй, критиком, попытавшимся уже в те

годы выявить исключительно русские черты, был О.Сомов. "Но как же мы, - писал он, - смешаем в общих свойствах всех народов эту твердость духа, презирающую все опасности и самую смерть? Это безропотное повиновение властям законным и нетерпение ига чужого? Это радушное гостеприимство русских, прославленное даже иноплеменниками?" (Указ.соч. С.265). Однако приложить эти критерии к произведениям отечественной литературы и определить, отразились ли где отмеченные им или какие другие "черты народные" и если отразились, то как, каким образом, в какой форме, О.Сомов не сумел.

Первый шаг в этом направлении делает Н.А.Полевой, откликаясь на выход четырехтомного (Смирдинского 1831 г.) собрания сочинений Г.Р.Державина. "Гений Державина, - скажет он, - носит все отпечатки русского характера: увлекаемость, самодовольство, силу. В душу его не проникают ни испытующая отвлеченность..., ни отчаянная безнадежность... Также недоступна ему веселая беззаботность... в самом веселье это разгульность русская, которая не веселится, но хочет забываться". Н.Полевой особо отметит как характерно русскую черту "повсюдную унылость души", еще раз при этом подчеркнув "веселие забывчивости..., разгулье русское, прорывающиеся сквозь восторг и радость..." Присовокупив к ним "и добродушие насмешки, и русский гумор, и родную шутку в образах", неизменно присутствующих в произведениях поэта, Полевой назовет все это "русизмом", "национальностью", "русским духом", каковым "исполнены" сочинения Державина. (Полевой Н.А., Полевой К.А. Литературная критика. Л., 1990. С.179,182). Год спустя он подтвердит сказанное: "...Державин был полный представитель русского духа своего времени" (Там же. С.234).

Так начинается наполнение понятия "русская народность" реальным содержанием, одновременно намечая и критерии если еще и не народности нашей литературы, то уже национального ее своеобразия, "русскости", "национальности", по терминологии Н.Полевого. И творческая личность - "гений" - Державина, и его поэзия отныне становятся точкой отсчета, ориентиром в выработке представления о сущности "русского духа" - главной составляющей понятия о "русской народности", и формах отражения нашей национальной "физиономии" "в зеркале поэзии".

Н.Полевой нигде прямо не называет Державина народным поэтом и не пользуется этим словом при разговоре о его поэзии. Впервые это делает В.Г.Белинский в "Литературных мечтаниях".

Задавшись вопросом: чем была наша литература в XVIII в. - "выражением общества или выражением духа народного", -

он приходит к выводу об уникальности творчества Державина, в поэзии которого имело место и то и другое. Его "громозвучные песни" были выражением нашего общества того времени, "послания и сатиры" явились "выражением духа народного". Они представляли "мир, не менее прекрасный и очаровательный. В них, - замечает критик, - видна практическая философия ума РУССКОГО; посему главное отличительное их свойство есть НАРОДНОСТЬ, народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи". И заключает: "В сем отношении Державин народен в высочайшей степени" (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1953. Т 1 С.34, 47, 50).

Белинский выделяет два "державинских критерия" народности литературы: отражение в ней "сгиба ума русского" и "русского образа взгляда на вещи" Суть первого критерия раскрывается в его характеристике ума Державина: это "ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности.., его стихиею и торжеством была природа внешняя, а господствующим чувством патриотизм. " (Т 1 С.49). Второй критерий определялся отношением поэта к самой русской действительности, пониманием искусства, как художественной летописи жизни Отечества, "поэтической вести" о современниках и современности.

Именно в творчестве Державина впервые четко обозначилась поистине непостижимый "русский взгляд на вещи", и оно навсегда останется "живой летописью", "поэтической вестью" о том, "как велика была несравненная, БОГОПОДОБНАЯ ФЕЛИЦА КИРГИЗ-КАЙСАЦКИЯ ОРДЫ, как этот АНГЕЛ ВО ПЛОТИ разливал и сеял повсюду жизнь и счастье и, подобно Богу, творил все из ничего, как были мудры ее слуги верные, ее советники усердные.., как ЖИЛИ И БЫЛИ вельможи русские с своим неистощимым ХЛЕБОМ-СОЛЬЮ, с своим РУССКИМ СИБАРИТСТВОМ и русским умом..." и т.д. (Т 1, С.49).

"Державинские критерии" позволили молодому Белинскому оценить степень народности других русских писателей и увидеть, что "наша народность покуда состоит в верности изображения картин русской жизни" (Т.1, С.93). Выражением "русского духа", "образа мыслей и чувствований" нашего народа ей еще предстоит стать. Тогда она и обретет "истинную народность" (Т.1, С.93).

К.Ю.Лаптев-Данилевский (Санкт-Петербург)

ЭПИЗОД БИОГРАФИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

И КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА Н.А. ЛЬВОВА "МИЛЕТ И МИЛЕТА"

Комическая опера Н.А.Львова "Милет и Милета" ("Пас-тушья шутка для двух лиц и в одном действии с песнями", как

ее определил автор) была написана в 1794 году. Пьеса до сих пор не опубликована и фактически не изучена - лишь Е.Д.Кукушкина посвятила ей несколько страниц в своей кандидатской диссертации, причисляя это произведение к "идиллиям чистого типа". По мнению исследовательницы, Н.А.Львова более всего интересует зарождение чувства, психология влюбленности, поэтому драматург в качестве лейтмотива пьесы избрал анакреонтическое стихотворение Г.Р.Державина "Мечта", а своеобразие "Милета и Милеты" в значительной мере объясняется тем, что автор, как можно судить по ряду деталей, иронически относится к происходящему на сцене.

Присоединяясь к основным выводам Е.Д.Кукушкиной, нужно, как нам кажется, обратить большое внимание на аллюзионность комической оперы Н.А.Львова, тесно связанной с биографией Г.Р.Державина.

В "Объяснениях на сочинения Державина" стихотворению "Мечта", послужившему толчком к созданию "Милета и Милеты", посвящена одна фраза: "Мечта. Сочинено в Петербурге на сговор автора с его женою в 1794"; больше информации об истории сватовства к Д.А.Дьяковой содержат "Записки" Г.Р.Державина: "Причиною наиболее было сего союза следующее домашнее приключение. В одно время сидя в приятельской беседе, первая супруга Державина и вторая, тогда бывшая девица Дьякова, разговорились между собою о счастливом супружестве. Державина сказала: ежели б оная г-жа Дьякова вышла за г.Дмитриева, который всякий день почти в доме Державина и коротко был знаком, то бы она не была несчастна. "Нет, - отвечала девица, - найдите мне такого, каков ваш Гаврила Романович, то я пойду за него, и, надеюсь, что буду с ним счастлива". Посмеялись и начали другой разговор. Державин, ходя близ их, слышал отзыв о нем девицы, который так в уме его напечатлелся, что когда он овдовел и примыслил искать себе другую супругу, она всегда воображению его встречалась" (Сочинения Державина. СПб., 1871 Т.6. С.683-684).

Если "Мечта" - это монолог девушки, в сердце которой Амур заронил искру любви, в чем она признается возлюбленному, то сюжет "Милета и Милеты" еще в большей степени близок к воспоминаниям Г.Р.Державина - пастушка Милета внезапно понимает, что она влюблена. Это чувство передается Милету, который сначала не может разобраться в своем состоянии, но страсть его разгорается, и он, наконец, благодаря подсказке Милеты, понимает, что "надобно любить". Кроме того, отметим, что в стихотворении ("Одна тут искра отделилась, И на мою упала грудь..."), и в пьесе ("Это верно искра. Она и не сказывала, что с нею то же было, как она встретила в шалаше мальчика"), и в "Записках" Г.Р.Державина ("Но по-

селившаяся в сердце искра любви стала разгораться...) говорится об "искре" Амура, которая "возжигает сердца". Как представляется, именно сходство изображения любовного чувства в этих трех текстах позволяет утверждать, что все они связаны с одним и тем же событием.

Если сюжет, тематика арий, сценическое убранство мало отличают "Милета и Милету" от других пасторалей, то включение в пьесу песни на стихи Г.Р.Державина, столь тесно связанной с историей его сватовства к Д.А.Дьяковой, придают комической опере Н.А.Львова второй, аллюзионный план, делая ее одним из примечательнейших произведений львовско-державинского кружка.

И.Е.Меречин (Казань)

РАССУЖДЕНИЕ ДЕРЖАВИНА О ПОЭЗИИ

Литературные споры начала XIX века, вызванные становлением "самобытной поэзии", отражали особенности этого сложного и противоречивого процесса. В речах, письмах, рассуждениях, опытах, какие бы ни ставились вопросы: о языке или стихосложении, о "мужицкой пьесе" или гекзаметре, конечной целью предполагали определение национальной самобытности, следовательно, и таких составляющих ее принципов, как историзм и народность литературы, психологизм и типизм характера.

У историка литературы особый интерес к критическим материалам: они для него своеобразные летописи, документы эпохи, свидетельствующие о том, как писатели оценивали происходящий процесс и перспективы развития. Опубликованные части "Рассуждения о лирической поэзии, или об оде" (1811- 1815) представляют собой уникальный документ. Г.Р.Державин пишет его то как завещание, считая своим долгом передать в наследие "ветху лиру", то как размышление поэта о художественных достоинствах лирики, сопротивляясь художественной натурой законодательной силе правил, то как обобщение опыта лучших поэтов, сознавая свою ответственность за судьбы русской поэзии.

В научных работах о Державине "Рассуждение" называют трактатом. Настораживает здесь не само название, а то, что за ним стоит. Практическим целям автора соответствовала свободная форма изложения его взглядов, именно рассуждение как размышление поэта, но не как исследование ученого. Державин не согласился со своим рецензентом Е.Болховитиновым, который видел в "Рассуждении" трактат, почему советовал автору изменить расположение материала, отказаться от своего разделения поэзии и не отвергать как "школярное" все то, что принято наукой. М.Н.Муравьев называет рассуждением "совокупление идей". Но способ соединения может

быть логическим и поэтическим. Державин более следовал привычному для себя способу, почему композиция, на изменение которой настаивал Е.Болховитинов, не соответствовала логическому способу трактата как научной работы. Державин-поэт писал свое "Лирическое рассуждение" для молодых поэтов.

Как известно, замечания митрополита Евгения не переубедили Державина; однако, не желая восстанавливать против себя "ораву школ", он смягчил формулировки и "смолчал о своей нелюбви к "педантским разделам". Спор касался самого главного - трактовки поэзии, изложенной в разделе о вдохновении. Державинская концепция не была первой заявкой. Подобного взгляда придерживались Д.А.Голицын и М.Н.Муравьев. Новаторство Державина проявилось, однако, в том, что он предложил необычное разделение поэзии и решительно отстаивал предложенный принцип, вытекающий из практической роли вдохновения. Ошибочно думать, вслед за Е.Болховитиновым, будто Державин предлагает разделение поэзии "по песнопевцам", а не "по материям", "по гению их", а не "по метрам и расположению строф" Тем не менее взгляд оппонента сам по себе примечателен.

Лирическое произведение можно оценивать с внешней стороны, т.е. так, как оно представляется в письменной форме. Его содержание, размер стиха, расположение строф составляют достоинства, вполне удовлетворяющие поклонника изящного искусства. И Болховитинов обращает внимание Державина на этот традиционный подход. Тогда неизбежно читательское отношение возводится в критерий оценки и освящается традицией. Потому нет ничего особенного в том, когда говорят о чтении романа "Евгений Онегин", но по-особенному воспринимается, если кто скажет, что он прочитал оперу "Евгений Онегин". Поэзия не наука, не трактат, который можно читать и осмысливать. Она "огнь, жар, чувство," говорит Державин; голос поэта звучит словно музыка и выражает его вдохновение, в котором поэзия обретает свою живую действительность. Здесь уже не чтение, а только артистическое исполнение способно вызвать к жизни поэтическое произведение. Только оно дает возможность оценить проявление таланта в живой реальности оды или песни, элегии или романа.

Концепция Державина не была бы полной, если бы автор не выделил другой крупной темы, представляющей художественное родство поэзии и музыки. Настоятельность темы диктовалась, во-первых, двумя публикациями (1811-1812), которые обязывали рассмотреть жанры новейшей поэзии (оперу, ораторию, кантату, песню и т.д.), а во-вторых, спором о стихосложении, проявившим интерес к тоническому стиху и

античной метрике (А.Х.Востоков и др.). Практические разработки песенного и повествовательного размеров если не во всем, то в главном подтверждали концепцию Державина, который по-прежнему не соглашался с рецензентом и не признавал его формальной регистрации признаков, различающих жанры новейшей поэзии.

Публикуя два раздела из "Продолжения о лирической поэзии", Державин акцентирует внимание на художественной действительности лирического произведения. Опера потому, считает Державин, относится к лирической поэзии, что она изъясняет страсти и тайные изгибы человеческого сердца и музыкальным выражением действия глубоко проникает сердце, наполняет душу восхищением или состраданием. Музыкальный ансамбль действия требует искусного исполнения, что невозможно без превосходных дарований виртуозов.

С.М.Михайлова, Г.В.Мухаметзянова (Казань)

**Г.Р.ДЕРЖАВИН - ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН КАЗАНСКОГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**

Существенным фактором культурно-исторического развития России являлись университеты. Значительна роль Казанского университета в развитии науки, общественной мысли, в воздействии на просветительство, литературу, в целом на духовный потенциал России. Лучшие представители Казанского университета стремились развивать и направлять культурные запросы местного общества, повышать его интеллектуальный уровень. Университет был местом проведения публичных лекций, собраний, ученых диспутов, инициатором отклика общественности на крупные события политической жизни. Создание различных обществ было составной частью деятельности университета. Так, в 1806 году возникло "Общество вольных упражнений в российской словесности", которое просуществовало до 1834 г с перерывом на 7 лет с 1818 г в период реакции попечителя КУО Магницкого.

Основали общество три преподавателя словесности: Н. Ибрагимов, А. Васильев, Д. Богданов - и студенты: будущий академик, поэт В.Перевозчиков, и один из лучших впоследствии профессоров-экономистов П.Кондырев. Вокруг общества объединились склонные к литературно-художественному творчеству силы Казани и других городов, "действовавшие до сих пор вразброд, без необходимого между собой единения, без определенного плана, без ясно осознанного направления".

Душой и председателем общества был Н.М.Ибрагимов. Член этого общества еще в студенческие годы С.Т.Аксаков исключительно тепло отзывался о нем, считает его своим первым учителем на тернистом пути литератора. Ибрагимов

не только автор песни "Во поле березонька стояла". Он является пропагандистом творчества многих российских поэтов и писателей. Он выбирал на занятиях лучшие места из произведений Державина, Карамзина, Дмитриева, Ломоносова и Хераскова.

Секретарем общества был человек широких интересов П.С.Кондырев, с 1826 г. Г.С.Суровцев, из уст которого студенты познали "мощь и силу родной русской речи". Видную роль играл в обществе С.А.Москательников, страстный собиратель книг, поддерживавший связи с Лопухиным и Невзоровым, продолжателями идей просветителя Н.И.Новикова. К.Ф.Фукс был членом общества, *ходатайствовал как бывший ректор университета перед министерством народного просвещения о возобновлении деятельности общества в 1826 году. Активными членами общества были М.С.Рыбушкин, Г.Н.Городчанинов, И.И.Запольский, И.М.Симонов, поэты Е.А.Баратынский, Э.П.Перцов, Д.П.Ознобишин.

Как известно, Г.Р.Державин не только родился в Казани, жил в ней до 20 лет, но и всю последующую жизнь был связан с краем. При встречах с С.Т.Аксаковым на склоне лет подробно расспрашивал о земляках.

Почетное членство Г.Р.Державина и людей его окружения в одном из ведущих литературных обществ Поволжья - дань уважения его землякам к одному из известных поэтов XVIII - начала XIX веков. Среди почетных членов общества были Н.М.Карамзин, друг Державина В.В.Капнист, В.А.Озеров, Д.И.Языков и др. Попечители учебных округов. Казанского М.Н.Мусин-Пушкин, Московского - А.А.Писарев, Харьковского - А.А.Перовский, С.-Петербургского - К.М.Бороздин, Виленского - Н.Н.Новосильцев, Дерптского - Пален.

Количественный состав общества выглядит следующим образом. 1806 г. - 5 человек, в 1817 г. - 66, из них 20 казанцев, 30 иногородних, 16 почетных, в 1818 г. - 110, в 1828 г. - 97, из них 27 казанцев, 53 иногородних, 17 почетных членов. Как видно из вышеприведенного списка, Общество любителей российской словесности установило связи со всеми вузами страны, с подобными себе обществами, с видными общественными деятелями, вело книгообмен, имело собственные финансовые средства. На 1828 г. в библиотеке общества имелась первая часть изданных трудов членов общества "550 экземпляров, разных сочинений до 1000"

С первых дней существования общества его члены провозгласили необходимость изучения истории, фольклора, литературы, языка и быта различных народов Востока России.

По уставу, принятому обществом, оно поставило целью "делать изыскания относительно языков всех разноплеменных народов, кои или обитают в Казанском учебном округе, или прилегают к нему".

На заседании общества обсуждались оды Г.Н.Городчанинова "На возвращение ополчения" и "На смерть Державина", стихи братьев Панасвых, Каменова, Н.А.Ибрагимова, Д.Н.Богданова, А.И.Васильева и др. Пресобладающими в их творчестве были мотивы гуманизма и патриотизма, доминирующим стилем - сентиментализм и романтизм. На этом фоне тем ценнее социальные идеи, звучавшие, как это было в стихотворении студента П.И.Петрова "На золото", написанном в 1811 г. Поэт выступает с обличением реальной действительности, бюрократизм и коррупция которой продиктованы всесилием золота, способного "безмозглых ставить в воеводы", - а придворных "льстить своим царям"

Творческие поиски членов Общества любителей российской словесности во многом близки творчеству Г.Р.Державина, почетного члена общества.

• Н.А.Познякова (Львов)

ОБРАЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

1. Интерес ко времени как объекту художественного изображения постоянно занимал воображение Г.Державина. Раздумья о трагической необратимости времени, краткости человеческой жизни занимают центральное место в одах "Бог", "На смерть князя Мещерского", "Водопад", "Лебедь", "Властителям и судиям", "К первому соседу", "Памятник", "Река времени" и др.

2. Всемирный, даже вселенский размах отличает оду "Бог". В ней - соотнесение бесконечного временного плана вселенной с кратким мигом человеческой жизни. Движущая сила сюжетно-композиционной организации этого стихотворения - изображение эволюции отношений человека с вселенной. Ставится вопрос о назначении, месте и роли человека в мире.

3. Драматически напряжен и эмоционально насыщен сюжет оды "На смерть князя Мещерского", складывающийся из переживаний и размышлений поэта по поводу смерти друга. Время изображается как сила, враждебная не только человеку, но и всему в мире. Оно ассоциируется со смертью, все сокрушающей на своем пути. Такого всеуничтожающего времени русская литература не знала. В оде даются апокалипсические картины конца мира:

Без жалости все смерть разит:

И звезды ею сокрушатся,

И солнца ею потушатся,

И всем мирам грозит она.

В повествовательном строе стихотворения возникают образы часов века как меры движения времени:

Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели
И весь, как сон, прошел твой век.

4. Мысль о бренности не только каждой отдельной человеческой жизни, но и всей вселенной, прозвучавшую впервые в оде "На смерть князя Мещерского", Державин развивает в оде "Водопад"

Не зрим ли всякий день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?

Ода "Водопад" построена на сочетании двух временных планов: исторического и биографического. Оплакивая Г.Потемкина, поэт вспоминает основные вехи его эпохи. Художественный эффект движения времени передается шестистроичной строфой-секстиной. Всего в стихотворении 74 строфы. В них передается поступь времени, его поступительный ход и цикличность. В оде "Водопад" время активно в стиле, оно рождает интонации, строй повествования.

5. Сознание поэта не может примириться с временными ограничительными рамками, в которые поставлена человеческая жизнь. Возникает тема бессмертия, которая связывается с деятельностью человека, запечатлевшей борения его духа. К такого рода деятельности Державин относит искусство, поэзию. Приходит понимание, что поэзии дана великая власть остановить время. Вечная схватка всего сущего на земле со временем в поэзии завершается победой человека. Своей "бессмертной лирой" ("На взятие Измаила") она осуществляет связь времен. Поэзию "и времени полет не сокрушит" ("Памятник"):

Т.Г.Прохорова (Казань)

М.ЦВЕТАЕВА И Г.ДЕРЖАВИН

В творчестве М.Цветаевой имя Державина впервые упоминается в 1916 г. в стихотворении "Никто ничего не отнял...", посвященном О.Мандельштаму, где она называет последнего "молодым Державиным". Здесь не уточняется, какой смысл вкладывает автор в это определение. Ясно, что М.Цветаева имеет в виду державинскую поэтическую традицию, продолженную молодым О.Мандельштамом. Причем свой "невоспитанный стих" в этом раннем стихотворении она не только связывает с этой традицией, но даже противопоставляет ей.

К проблеме державинского литературного влияния на творчество своих современников и свое собственное М. Цветаева обратилась вновь в период эмиграции в критической статье "Поэт-альпинист" (1934), посвященной трагически погибшему молодому русскому поэту Николаю Гронскому. Поводом к ее написанию послужила посмертная публикация его

поэмы "Белладонна" Это поэма о горах, и написал ее альпинист. Для М. Цветаевой всегда было характерно противопоставление Бытия быту, Гор - долу, духовного "я" поэта - низменному миру мещанства. Романтик по натуре, она стремилась, сбросив иго быта, выйти к Бытию, к вершине. Она сама была "альпинистом", и эту родственность душ М. Цветаева, автор "Поэмы Горы", ощутила в авторе "Белладонны"

В критических статьях М. Цветаевой творчество того или иного художника, к которому она обращается, обычно служит материалом для обоснования собственных взглядов на искусство, размышлений о судьбе Поэта. Поэтому и в статье "Поэт-альпинист" основная причина ее обращения к поэме Н. Гронского связана с тем давним спором, который она уже в течение 12 лет вела с бытовавшим среди русской эмиграции мнением, что "Поэта в эмиграции быть не может, ибо нет почвы, среды и языка. Нет - корней" Внутренняя полемика с этой точки зрения является одним из основных организующих начал статьи. Она определяет и цветаевское решение проблемы литературного влияния.

Национальные корни Гронского, который как поэт родился в эмиграции, критик видит в поэзии Державина. Причем в отличие от молодого О. Мандельштама, который, по мнению М. Цветаевой, продолжил Державинскую традицию "на словесном и даже словарном" уровнях, Н. Гронский "не пишет, как Державин, он дышит, как Державин, тем же вохдухом, и на ту же глубину вдоха". Примечательно, что, анализируя поэму "Белладонна" с точки зрения ее поэтического содержания, характера образных средств, способов рифмовки, М. Цветаева не проводит никаких аналогий с конкретными произведениями Державина. Творчество Державина она оценивает здесь не столько как явление собственно литературное, сколько как национальный "первоисточник", который сродни природной стихии.

Между Державиным и Гронским М.Цветаева ощущает духовную связь. При этом кровная связь поэта с собственным временем, со своим поколением представляется ей несущественной. Эта духовная связь, по мысли М.Цветаевой, предполагает "преодоление собственного возраста, всего соблазна и всех самообманов современности", а потому это не влияние-давление и тем более не подражание. Такую духовную связь М.Цветаева называет "сыновностью" (это "именно влияние: реки в реку, отца в сына"). И сама она ощущала подобную духовную связь с родной национальной почвой, которая питала ее поэзию. Творчество Державина для нее было почти синонимом этой национальной питательной среды. ("Я [...] узнаю себя в державинском "Водопаде" - во всем, вплоть до разумности замечаний о безумии подобных видений"). Эта "физика

духа" не предполагает внешних примет сходства, это родство душ, творческое родство. Позиция М.Цветаевой четко и ясно сформулирована в финале статьи: "Корни поэта - в самой поэзии, суть корни самой поэзии. Всемертные, всевременные, бессмертные."

Ш.А.Садретдинов (Казань)

ТАТАРСКИЕ СТИХИ В АРХИВЕ ДЕРЖАВИНА

Известно, что Г.Р.Державин происходил от древнего знатного татарского рода мурзы Багрима (XV в.). Вызывает любопытство непривычное имя внука Багрима - Держава. Существует гипотеза, что это имя также было связано с исторической памятью семьи. В частности, татарский поэт Ахмед Адиль утверждает, что имя Держава происходит от древнетатарского "дер-эдждаб" - содержатель казны (букв. карма-на), министр финансов.

Как отмечал Я.К.Грот в своем труде "Жизнь Державина..." (СПб, 1880), татарское происхождение поэта "льстило его воображению и доставляло ему любимую поэтическую красоту"

Будучи учеником Казанской гимназии, Державин лето 1761 г. провел с несколькими товарищами в древнем Булгаре. Как писал сам поэт, он пробыл там до глубокой осени, привез в Казань описание развалин ханского дворца, бани, каланчи с подземными ходами, план бывшего города, рисунки остатков некоторых строений, надписи гробниц, монеты, золотые и серебряные предметы.

В своих произведениях нередко сам поэт и современники называли его мурзой. В стихотворении "Видение мурзы" он писал:

Я пел, пою и петь их буду,
И в шутках правду возведу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу.

В "видении" поэта описывается, как "сошла с облаков жена" и очутилась богиней, "одежда белая струилась на ней серебряной волной". Богиня наставляла поэта. "Видение" Державина очень напоминает легенду о "видении" крымско-татарского поэта Ашика Умера (1621-1707). Ф.Домбровский в статье "Ашик Умер. Крымскотатарское падение" ("Современник", 1848, т.IX, ч.IV) передает легенду о том, что, когда молодой Ашик Умер уснул на кладбище в Евпатории, ему вдруг показалось, что свод небесный раскрылся и полился поток ослепительного света, в основании которого вскоре простерлось тонкое, прозрачное облако. Из этого облака постепенно выходил образ прелестной женщины. Наконец видение спустилось на землю. Это была гурия. "Как утренний туман, ис-

чезающий при первом появлении лучей солнца - такая тонкая ткань облекала ее прелестные формы. Из чудных глаз лились потоки ослепительного света (...). В правой руке она держала саз" (музыкальный струнный инструмент). Она вручила этот саз юному поэту и наставляла его петь "божественные песни"

В стихотворениях Державина можно встретить некоторые татарские слова (улус - область, регион; каймак - сметана и др.). Стихотворение "Арфа", посвященное Казани, заканчивается строкой: "Отечества и дым нам сладок и приятен". Эти слова стали поговоркой. Державин мог заимствовать это выражение из римского поэта Горация. Некоторую параллель можно привести и из татарского языка, где существует крылатое выражение "туган жирнен тотене дэ тэмле (татлы)", которое можно перевести так: "у родной земли и дым вкусный (сладкий)".

Знал ли Державин татарский язык, в точности неизвестно. Однако имеются некоторые факты, свидетельствующие о том, что он интересовался татарской поэзией. В фондах Пушкинского дома, в архиве Державина (Держ. 84) хранится анонимная рукопись под названием "Перевод с татарского языка. Песни светские". В ней всего девять четверостиший. Тексты написаны по-татарски русскими буквами (кириллицей). Рядом с каждым куплетом написан подстрочный перевод на русский язык. Некоторые татарские литературоведы считают, что эти стихи принадлежат перу татарского поэта XVIII в. Габдессаляма. В последнее время исследователем М. Ахметзяновым обнаружена рукописная тетрадь с его стихотворениями, которая характеризуется как одно из начал татарской поэзии нового времени (светское содержание, любовная лирика, использование изобразительных средств как традиционной письменной поэзии, так и живой разговорной, народной речи, фольклора). Тексты, находящиеся в архиве Державина, носят любовный характер. Приведем некоторые из них, сохраняя стиль и орфографию подлинника:

2. Дюшим ичря курдум сяни,
Буйларың буйдин зифа,
Юзляренга назыр улдум,
Джаным кылдум фида.
4. И нигарюм! пястя азган,
Ляблярун бадям итяр,
Гай дишлярун инджуя нисбят
Гуль юзюң шемсюкамер.
8. Кузюм карасы, джанум парасы,
Бу пимарем нен сен сен дауасы.

2. Во сне видел я тебя, талия
Стройнее всех твоя.

- С взгляду на лице твое
жертвую душой себя.
4. О, мила ты моя, как устами ты
Фисташка, зубки жемчугу подобны,
Лицем и красотой не меньше
Солнечной и лунной.
8. Чернь глазной, ты зрачик мой,
И частица ты души также моей.

С нашей точки зрения, необходимо провести тщательную графологическую экспертизу, чтобы установить, кем могли быть написаны эти переводы.

Живой интерес к личности Державина вызвало среди татарской общественности открытие памятника поэту в Казани 23 августа 1847 г. Однако основная масса татар, даже более или менее образованная часть ее - духовенство, муллы, мало знала о нем. П.И.Пашино в своих очерках "Волжские татары" ("Современник", 1860, т.81-82) писал: "С открытием памятника Державину на дворе Казанского университета явился муллам-историкам новый неисчерпаемый источник для споров и ученых разысканий. Длинные зимние вечера посвящались спорам, бессонные ночи проводились в соображениях и предположениях"... Одни считали его татарским богатырем, другие сомневались, третьи говорили, что он русский мурза, построивший много каменных зданий в Казани.

Интерес к личности и творчеству Державина среди татарской научной и творческой интеллигенции велик. Однако татарское державиноведение делает пока только первые шаги.

Л.А.Сапченко (Ульяновск)

ЭМБЛЕМА И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЕРЖАВИНА И КАРАМЗИНА

"... Оказавшись современниками, хотя и принадлежавшими к разным поколениям, Карамзин и Державин совместно действовали на поприще русской литературы и, как это ни покажется парадоксальным, действовали в одном направлении", - писал П.Н.Берков в статье, открывающей сборник "Державин и Карамзин в литературном движении XVIII - начала XIX века" (Л., 1969). Тем не менее в материалах сборника, посвященного прежде всего различиям в позициях двух писателей, почти не отразилось то, что могло бы объединить их "в одном направлении".

Однако общее в их творчестве, несомненно, существовало: в произведениях Державина и Карамзина отразилась важнейшая ступень развития эстетического сознания - использование и преодоление эмблематической структуры образа, культуры готового слова.

Смысл эмблемы существует заранее, а реальное явление

лишь подтверждает этот смысл, делает его наглядным. Эмблематическому мышлению свойственна формулировка значения отдельно от изображения. Это свойство проявлялось как в поэзии, так и в прозе. В "Письмах русского путешественника" Н.М.Карамзина и в одах Державина традиционно-эмблематический образ разложим на составные части: изображение-истолкование. Так, "птички" для путешественника "изображали веселие и беспечность" Здесь Карамзин вкладывает в слово "изображать" тот же смысл, что и Державин, написавший: "Не жизнь ли человеков нам Сей водопад изображает?" Закат для обоих авторов становится "изображением" бренности земного существования и т.д. Картина природы сопровождается отдельно сформулированными нравственно-философскими комментариями обобщающего характера. Державина и Карамзина интересуют "Натура и человек в целом"

Преодолевая законы эмблематического построения образа, оба автора шли также близким путем.

Карамзин, подобно Державину, мог передавать какие-либо явления действительности во всей их конкретности, наглядности. У обоих писателей изображение могло разрастаться, представлять ярким и живописным, обретать самостоятельный эстетический смысл, выраженный не эмблематическими, а специфически художественными средствами. Карамзинские пейзажи, как и державинские, могли быть видимыми и слышимыми, и в этом смысле закономерна цитата из Державина в "Письмах русского путешественника" ("Гремящим громом..").

Деэблематизация образа могла происходить также благодаря расширению интерпретирующего момента структуры. Традиционная эмблема, включенная автором в создаваемую им картину мира, могла приобретать дополнительные, нетрадиционные, собственно авторские смыслы, хотя само внимание к объекту возникало у художника в том случае, если он имел за собой длительную эстетическую историю.

Кроме того, привычный эмблематический образ мог утрачивать свою специфическую двучленную структуру и превращаться в образ символический.

Таким образом, опора на эмблематический словарь и его переосмысление, преодоление, осуществлявшееся сходными способами, - то общее, что могло бы объединить Державина и Карамзина "в одном направлении".

Я.Г.Сафиуллин (Казань)

РОМАНТИКИ ОБ "ОСОБОМ ПУТИ" ДЕРЖАВИНА

В истории русской критики самый высокий и продолжительный интерес к Державину был проявлен в первую треть

XIX века, в эпоху расцвета романтизма. Нечто подобное повторится лишь в начале XX века, когда русская литература вновь окажется на переходном этапе.

Романтики первыми начали говорить о Державине как свободной личности и поэтической индивидуальности. Они вывели его из списка античных классиков (Гораций, Пиндар, Анакреонт), из общего ряда отечественных писателей (Ломоносов, Сумароков, Петров, Дмитриев, Жуковский...), в которые он почти автоматически включался нормативной критикой. Они "открыли" Державина.

Одно из повторяющихся романтиками определений - "особый путь" Державина. Оно было высказано самим поэтом при анализе своего творчества. Романтики (Вяземский, Плетнев, Н.Полевой, А.Бестужев и др.) сделали его исходным принципом при оценке личности и творчества Державина.

Развертывая тезис "особый путь" Державина, пытаясь обосновать и объяснить индивидуальное, неповторимое в его творчестве, романтики обратились к новым идеям и критическим приемам.

1. Поэзия Державина, с точки зрения романтиков, интересна и ценна сама по себе и не нуждается в теоретическом оправдании. Непосредственные впечатления от нее, эстетическое наслаждение, доставляемое ею, имеют для них значение самоценных фактов, которые не обязательно переведены в теоретические понятия. Романтики освободили, "демократизировали" непосредственное восприятие поэзии Державина. В широкой известности, которой пользовался Державин в первую четверть XIX в., значительна и заслуга романтиков.

2. Романтическая оценка Державина тяготеет к таким формам, в которых простое описание, изображение непосредственных впечатлений, выходит на первый план. Державину посвящаются многочисленные стихотворения, о нем идут дискуссии в письмах, его имя постоянно встречается в дневниковых записях, в журналах печатаются материалы о нем, организованные не в традиционные формы.

3. Одной из основных идей, призванных объяснить "особый путь" Державина, было отождествление его вдохновения, таланта с творческими потенциями самой природы. Именно эта идея позволила романтикам (Н.Полевому, А.Бестужеву и др.) настаивать на естественном праве Державина быть свободным в своем творчестве.

4. Отказавшись от типичного для классицизма принципа оценивать индивидуальное через обязательное соотнесение его со всеобщим, романтики стали говорить о проблеме, "тайне" Державина, понять, осмыслить которую они стремятся через сущность и противоречия личности и творчества поэта. Вопросы стиля, слога Державина, своеобразия содержания и

жанров его произведений впервые были поставлены романтиками.

5. Романтики активно сопоставляли Державина с Ломоносовым, Жуковским, Пушкиным и некоторыми другими поэтами. Тезис "особый путь" Державина способствовал тому, что это сопоставление проводилось на основе равенства, выявления неповторимого, своеобразного.

6. Будучи убежденными в том, что индивидуальное в творчестве Державина ценно в самом себе, неповторимо, то есть в подлинном смысле слова есть творческое, романтики рассматривают Державина как момент, этап в истории русской литературы. Они были правы в том, что история русской литературы не может быть представлена как преодоление индивидуального, неповторимого в Державине.

М.М.Сидорова (Казань)

ДЕРЖАВИН В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.Н.БУЛИЧА

Взгляды Н.Н.Булича - историка русской литературы, профессора Казанского университета в 60-80-е гг. XIX в. - на Державина интересны как один из аспектов в системе изучения и преподавания творчества русского поэта в Казанском университете, которое, безусловно, имело свое особое значение и традиции и было связано не только с вкладом Державина в развитие русской литературы, но и с непосредственным отношением его к Казанскому краю.

Глубокий и неподдельный интерес Н.Н.Булича к Державину нашел отражение в его переписке с критиком В.П.Гаевским (Рукописн. фонд РНБ ф.171, ед.хр.44) и обнаружил огромную осведомленность Булича в мельчайших деталях биографии Державина, его работ - опубликованных и неопубликованных, писем и даже творческих замыслов. Свидетельством такого интереса является и большая книжная коллекция, посвященная Державину, в личной библиотеке Булича и, вероятно, уникальные материалы из собственного архива, которые Булич предоставил Я.Гроту для издания Академического собрания сочинений Державина.

Существует вероятность того, что Булич готовился написать отдельную работу о Державине, но как и многое из его трудов она не была своевременно опубликована и утрачена вместе со всем архивом.

Тем не менее, отношение Булича к Державину, его литературной деятельности и личности в целом реализовалось в таких работах казанского профессора, как "Значение Пушкина в истории русской литературы" (1855) и "Очерки по истории русской литературы и просвещения с нач. XIX в." (1892). В первой Булич, не соглашаясь с Пушкиным в оценке Державина, отстаивает "утверждать за Державиным право на звание

Поэта-художника" и определяет место и значимость Державина в развитии русской литературы. В "очерках" Булич посвящает Державину целую главу, в которой он в свойственной ему манере одного из ярких представителей культурно-исторической школы русского академического литературоведения показывает Державина в контексте эпохи, делая акценты на его отношении к царствованию Александра I, его служебной деятельности, особенностях характера и общественном мнении вокруг Державина.

В целом, изучение темы "Державин в оценке Булича" является перспективным и, надеемся, внесет свой вклад в разработку общей проблемы "Державин в Казанском крае".

А.А.Смирнов (Москва)

ОТ АНАКРЕОНИКИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА К АНАКРЕОНИКЕ А.С.ПУШКИНА: О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ПРЕДРОМАНТИЗМА НА РУБЕЖЕ XVIII - XIX ВВ.

1. В "Анакреонтических песнях" Державина впервые в истории русской поэзии утвердился культ частного существования человека, находящегося в согласии с окружающей природой и сельским бытом. Державинская любовь к деревенскому уюту не только факт биографический, но и форма отношения к высшей городской и придворной знати, особенно "вельможам в случае" В стихотворении "К самому себе" свобода и покой деревенской усадьбы протекают в сфере семейных удовольствий в противовес бесплодности придворной службы. Анакреонтика Державина была прежде всего формой раскрепощения поэзии от жанровых принципов классицизма, а основное внимание он уделяет предметному миру, в том числе и зримым приметам национальной русской жизни. В центре оказывается русская национальная характерность, а знаки античности используются как средство поэтизации национальных представлений о прекрасном. Само же мироощущение лирического "я" у Державина остается автономным по отношению к античному объекту изображения, позиция "овнешвляется" с помощью конкретики предметных деталей. Идеал Державина всецело выводится из русской действительности - и национально, и предметно, и биографически. Выделение национального аспекта внутри анакреонтики - важнейший вклад в формирование принципов русского предромантизма.

2. На пути от Державина к Пушкину анакреонтика обогащается сентименталистской лирикой Карамзина и "легкой поэзией" Батюшкова. Карамзин чрезвычайно обогащает идею превосходства частного бытия человека над его общественным статусом, которая в своих истоках питается державинской традицией. Идеалы Карамзина лишаются, однако, гедонистического содержания и почти целиком погружаются в сферы

моралистической проблематики. Карамзин стремится решить острые проблемы индивидуального сознания в пределах этической характеристики лирического героя - чистые сердцем покидают порочный круг лицемеров и стоически гордо презирают мир зла. Батюшков также отказался от конкретного биографизма державинских образов, но главное достижение его "легкой поэзии" стало значительное усложнение внутренних чувств героя при сохранении значительной доли условности в его передаче, что было столь характерным для XVIII века.

3. Пушкин не сразу овладел батюшково-карамзинскими принципами воссоздания мира условной идеальной анакреонтики. В его ранних посланиях "К Наталье", "К сестре" преобладали традиции державинского биографизма, и только в 1815 году в послании к Юдину мы встречаемся с признаниями в верности иному типу эпикуреизма. Атрибутика анакреонтического миропонимания раскрывается в тех стихотворениях, где поэт обращается к предельно простым и наглядным образам, лишенным таинственности и исключительности. Идеалы "легкой поэзии" доступны всем желающим, воспринимаются естественно и однозначно. Приобщение многочисленных поклонников анакреонтического идеала к первоисточнику беспечного веселья носит игровой характер - все оказывается предельно легким и абсолютно доступным. Благодаря игровому поведению героев жизнь и поэзия становятся неразличимыми. Эпикурейский гедонизм лежит в основе большинства камерных жанров лицейской лирики "арзамасского" типа: романса "Певец", элегии "Уныние", мифологической картины "Фавн и пастушка", мадригала "К Маше", песни "Заздравный кубок", послания "К Пущину", "К сестре".

Д.В.Туманов (Казань)

ДЕРЖАВИН И ПУШКИН: ПОРА УЧЕНИЧЕСТВА

Тема "Державин и Пушкин" возникла не случайно. Еще Николай Полевой в статье 1833 года о пушкинском "Борисе Годунове" отметил: "Сколько найдем точек, на коих Державин и Пушкин сходятся совершенно!" Однако за полтора столетия исследования этой темы ограничивались в основном периодом формирования поэтического слога молодого Пушкина и хронологически вмещались в рамки с 1814 по 1825 год.

Вместе с тем возможен и несколько иной ракурс изучения. И если разрушить канонически повторяемую формулу - конкретные проявления "живой связи" пушкинской поэзии с поэзией Державина по типу преемственности, - можно увидеть и их общее ученичество в пору становления "забавного русского слога".

Шутка - главная стилистическая особенность новой поэзии Державина. Именно "забавный русский слог" помогал ему

раскрывать во всем, о чем бы он ни писал, свою личность. В этом же одно из проявлений пушкинской реформы стихосложения. Разрушая традиции, смешивая жанры и стили, они стояли у истоков нового жанра.

В результате подобного смещения возникал жанровый контраст, тот самый "забавный русский слог", использование которого ставил себе в заслугу Державин ("Памятник").

Александр Сумароков, Василий Майков, Михаил Чулков, - те, кто начал освоение нового жанра "смешных героических" поэм, - объединяя обыденную тематику с торжественным стилем, все же не стремились к пародической двуплановости, к созданию иронического осмеяния. В этом они отступили от образцов, оставленных в литературе скандально известным мастером бурлескных поэм Иваном Барковым, чье 225-летие со дня смерти недавно отмечалось.

Будучи переводчиком Горация, Федра и Эзопа, Барков впервые в русской литературе предпринял смешение жанров и стилей для создания отечественных пародийных сатир, сознательно противопоставлявших им "высокой литературе".

Издевка над отрешенной от жизни литературой, выражаясь подчас в крепком, соленом русском слове, раскрывала в Баркове блистательно образованного человека, отлично знавшего все тонкости осмеиваемой им поэтической системы. В этой двуплановости, утраченной Сумароковым, Майковым и Чулковым, Державин и Пушкин нашли истоки нового жанра - "сатирических перепевов".

В первом же дошедшем до нас произведении Пушкина 1813 года - незаконченной поэме "Монах" - мы встречаемся с именем Баркова. Среди "билетов" - сатирических двустиший Баркова - таится и образ, использованный Державиным в стихотворении "Шуточное желание" с сохранением барковской рифмы "птицы-девицы".

Выворачивание наизнанку античных мифов и героических поэм древнего мира использовалось Барковым как грозное оружие в литературной борьбе конца XVIII века. Именно с этих позиций подходили к "сатирическим перепевам" Державин и Пушкин. Державин посвящает оды и стихи мифологическим персонажам, но, следуя бурлескной традиции, он дерзко снижает образность творений, очеловечивая богов, шутя и балагурия ("Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока", "Желание Зимы", "Осень во время осады Очакова", "Зима" и др.). Пушкин, преодолевая традиционную инерцию, тяготеет к использованию пародии как приема в художественных структурах более многозначных, чем просто пародия ("Руслан и Людмила", "Кавказский пленник", "Повести Белкина", "Евгений Онегин" и др.).

В этом Державин и Пушкин - блистательные ученики пе-

риода освоения "смешных героических" поэм и созидания нового жанра "сатирических перепевов".

О.И.Федотов (Москва)

СОНЕТЫ ДЕРЖАВИНА

Оригинальных сонетов в творческом наследии Г.Р.Державина всего два: 1) Блаженство супруги ("Блаженна та жена, которая из круга...", (1807) и 2) На торжество, бывшее в Петербурге 19 марта 1816 года. На память взятия Парижа (1816). Сумароковский сонет "Не трать, красавица, ты времени напрасно..." (1755), с небольшими изменениями записанный в черновой тетради Державина и включенный Я.Гротом в III том его сочинений, разумеется, не в счет. Также неправомерно квалифицировать как безголовые сонеты 10-стишия "К изображению императора Павла I-го при вступлении его на престол" (1797) и "Разноцветные журналы" (аБба ВгВ гДД; АБАБ ВВг гДД); скорее всего это варианты децимы. Кроме того к популярной в русской поэзии конца XVIII-начала XIX вв. жанрово-строфической форме поэт обращался еще трижды - в переводных сонетах из цикла Франческо Петрарки "На жизнь Мадонны Лауры" (IX, XIX и XXXV), присвоив каждому - по тематическому принципу - соответствующее название: 3) Посылка плодов ("Когда делящая часы небес планета..."); 4) Прогулка ("Находятся с таким в природе твари зреньем...") и 5) Задумчивость ("Задумчиво, один, широкими шагами..."). Переводы выполнены в 1808 году.

Упомянут сонет и в теоретическом трактате Державина "Рассуждение о лирической поэзии или об оде": "восставшие" на исходе XIV столетия "в Италии славные поэты: Дант, Петрарк и Бокаций", по его мнению, "могут беспрекословно называться возродителями древней и отцами новой поэзии в так ими названных: Канцонах, Сонетах, Балладах, Стансах, Мадригалах и других песнях, известных в Европе"; (Сочинения Державина (с объяснительными примечаниями Я.Грота, 2-е академическое издание. СПб, 1878, т.7. С.604); от их подробной характеристики, однако, автор "Рассуждения" уклонился, опасаясь наскучить читателю.

Все 5 сонетов написаны 6-стопным ямбом с цезурой после 3-й стопы; конфигурация рифмовки - французская: АБАБ АБАБ ВВг ДДг (во втором оригинальном сонете катрены имеют автономную рифмовку). Как свидетельствует статистика, это самый распространенный тип русского сонета в период его становления (в антологиях В.Совалина и Б.Романова 6-стопный ямб составляет приблизительно 87%, французская модель - 100% и перекрестная рифмовка в катренах - 55%. Из индивидуальных особенностей стихового строя сонетов обращают на себя внимание: демонстративно неточные рифмы

(тельцом-теплом-ХОЛМ-лучом; МЕСТ-след-свет-чет; холмы-жегомы), единообразно заданная рифмовка терцетов: ВВг, ДДг, напоминающая о концовке излюбленного Державиным одического 10-стишия (АБАБ ВВГ ДДГ), а также синтаксическая нерасчлененность катрена и терцета в "Посылке плодов" и терцетов в "Блаженстве супруги", что в известной степени повторяет опыт всей той же децимы (зыблющегося строя).

Таким образом, державинский вариант сонета есть не что иное, как удлиненная на катрен децима: АБА + АБАБ ВВг ДДг (АБА + ВгВг ДДг ЖЖе). Естественно, что уже апробированный одический стиль поэт переносит на новое для него жанрово-строфическое образование, включающее в себя дециму как базовую составную часть. (Ср.: "Разнообразя одическую строфу, он вносит и в другие виды строфы строфическую практику ломоносовского канона...") (Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр) (Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, С.247)).

Поэтическая концепция Державина одоцентрична. Характерные признаки оды он распространял на лирическую поэзию в целом, хотя и стремился отличить ее от "песни": "Песня имеет один напев, или мелодию, в рассуждении единообразного ее куплетов расположения и меры стихов, которые легко могут затверживаться наизусть и вновь возвращаться в памяти своим голосом; а ода, по неравным своим строфам и разносильным выражениям, в рассуждении разных своих предметов, разною гармониею препровождаться долженствует и нелегко затверживается в памяти" (т.7, С.610); "Песня во всяком куплете содержит полный смысл и окончательные периоды; а в оде нередко летит мысль не токмо в соседственные, но и последующие строфы" (С.609); кроме того, по наблюдениям Ю.Н.Тынянова, "Державин противопоставляет системе неточных рифм оды точные рифмы "песни"; "пятнам" оды - стилистическую непогрешимость "песни"; "славенскому языку" оды - "ясность и искусственную простоту песни" (С.248).

Сущностные признаки одического стиля, как нетрудно убедиться, в еще большей степени экстраполируются на сонет в державинском исполнении. Опыт Державина впитывает в себя молодой Пушкин, в результате чего русский сонет принимает более вольную и органическую форму по сравнению с европейскими образцами.

Г.А.Фролов (Казань)

ДЕРЖАВИН В ГЕРМАНИИ

В исследуемой проблеме два явления заслуживают особого внимания: выход в Германии первого сборника стихотворений русского поэта и многочисленные переводы на немецкий язык оды "Бог".

1. Стихотворения были переведены и изданы 200 лет назад в Лейпциге известным немецким драматургом, государственным и театральным деятелем А.фон Коцебу (1761-1819). Книга состоит из 11 од, предисловия переводчика, его собственного стихотворения; многие оды снабжены сносками и примечаниями.

В тематическом плане большинство стихотворений обращено непосредственно к императрице (фелицинский цикл), к царской семье и ее окружению. При отборе произведений Коцебу исходил не столько из литературно-творческих интересов, сколько личных: ему хотелось польстить влиятельному придворному лицу, а через него - Екатерине II, чтобы занять более высокое положение. Это помешало глубокой и эстетической результативной работе переводчика с текстами державинских од.

Качество перевода страдает многими недостатками (сокращение, дробление, изменение строки, упрощенный, прозаический пересказ, устранение образных эпитетов, обедняющее державинский стих, неспособность проникнуть в смысл оригинала, его искажение, неточность перевода). Лейпцигский сборник не удовлетворяет прежде всего тем, что переводчику не удалось "схватить" оригинально-образное наполнение державинской поэзии; он "подстриг" и подровнял Державина, в котором трудно разглядеть поэтический размах, смену стилей, переходы и контрасты, красочную образность.

В предисловии к книге Коцебу говорит о своих намерениях (звучащих вполне достойно): ознакомить Германию с богатством русской музыки, показать прогресс русских на крутой тропе к поэтическим вершинам. Однако он (в этой оценке единодушны современные немецкие исследователи) не выполнил этой задачи. Перевод получился поверхностным, бесцветным, а Державин - безликим, припудренным.

Издание Коцебу, конечно, является звеном русско-немецких литературных связей и не может быть вычеркнуто из их истории. И все же неудовлетворительный перевод стал, пожалуй, главной причиной того, что "русский Клопшток" никакого заметного влияния в Германии не оказал" (А.Раммельмейер).

2. Лейпцигский сборник сочинений Державина не способствовал его подлинному знакомству с немцами. Важную роль в этом процессе сыграла ода "Бог", переведенная почти на все языки Европы. В Германии она выходила отдельными изданиями и в сборниках в Берлине, Лейпциге, Штутгарте. Переводчиками выступали известные поэты и ученые (А.Коцебу, Ф.Боденштедт, В.Вольфсон и др.). В этом проявилось вполне понятное желание иностранцев, живших в России, друживших с русскими писателями, познакомить Германию и Европу с

лучшими образцами русской поэзии. Ода "Бог" энергично участвовала в пропагандировании русской литературы за пределами России. Философская глубина оды отвечала немецкой склонности к рассмотрению универсальной формулы человеческого бытия в его космической протяженности, немецкой классической традиции с ее ориентацией на гармоническую вписанность жизни отдельного индивида в универсум.

Немецкие издатели и переводчики обычно не подвергают сомнению оригинальность державинского "Бога". И все же переводы на немецкий язык (из всех иностранных языков Державин знал лишь его, в оригинале читал произведения Галлера, Клопштока, Хагедорна) осуществлялись не без мысли обнаружить творческую перекличку русского и немецких поэтов. Отсюда слова о "русском Клопштоке", отсюда попытки обнаружить в оде влияние А.Галлера ("Вечность") или Й.Г.Гердера ("Бог").

Неслучайным кажется тот факт, что большинство переводов "Бога" на немецкий появилось в 40-е годы XIX века, когда исполнилось 100 лет со дня рождения его автора. В создателе оды немцы видели одного из строителей мостов между Россией и Германией.

В творчестве Ломоносова русская литература (таково мнение одного из немецких издателей XIX века) еще импортирует европейскую литературную моду, правила, нормы. В творчестве Державина русская поэзия уверенно демонстрирует свою литературную независимость. Поэтому (по мнению немецкого переводчика XX века) "его можно назвать первым русским поэтом, произведения которого стали достоянием всего мира".

А.Х.Халиков (Казань)

Г.Р.ДЕРЖАВИН И ЕГО ТАТАРСКИЕ ПРЕДКИ

1. Г.Р.Державин в одной из своих автобиографических повестей, озаглавленной "Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриилы Романовича Державина", писал: Державины происходят "от рода Багримы мурзы, выехавшего из Золотой Орды при царе Иване Васильевиче Темном, что явствует в Бархатной книге с вообще родами Нарбековыми, Акинфовыми, Кеглевыми и прочими". Хотя в этой записке есть и неточности (не Золотая, а Большая Орда, не Иван Васильевич, а Василий Васильевич, не Кеглевы, а Теглевы), но в основе это родословие правильное, ибо оно подтверждается и официальными документами.

2. Так в генеалогических источниках, особенно в "Общероссийском гербовнике дворянских родов" (IV, С.46) под фамилией Державиных записано, что "предок рода Нарбековых мурза Абрагим (Ибрагим), а по крещении названный

Ильею, выехал к Великому князю Василию Васильевичу из Большой Орды и пожалован многими вотчинами. Сын сего Ильи Дмитрий Нарбек имел сына Алексея по прозвищу Держава, от коего пошли Державины. Потомки Дмитрия Ильича Нарбекова многие Российскому престолу служили и пожалованы были от государей в 7059/1551 и других годах поместьями”.

3. Итак, следует полагать, что род Державиных, как и Нарбековых, происходит от ордынского мурзы Ибрагима (искаженно Багрим) Нарбека (с персид. счастливый бек), вышедшего из Большой Орды на службу к Василию Васильевичу Темному, правившему в 1425-1462 гг. Выход этот скорее всего был совершен в 1440 г., когда в Большой Орде происходили смуты, вызванные нападением одного из последних золотоордынских ханов Кичи-Мухаммеда на хана Большой Орды Сеид Ахмета. ПСРЛ (XIII, С.31) сообщает, что тогда “много татар избиены бысть в Орде не точию же тамо, но и в иных ордах мятеж бысть и межиусобныя брани и рати”.

4. Мы не знаем, где были помещены первоначально эти выходцы на Русь, возможно и в северо-русских землях, т.к. в конце XV века близкие родственники Державиных Теглевы отмечены как помещики под Новгородом. После завоевания Казани Державины, ставшие дворянами с 1551 г., очевидно, получили земли в Предкамье, т.к. здесь находились и земли предков матери Гавриила Романовича, урожденной Козловой, с которой отец Гавриила Роман Державин познакомился в Казани.

5. Некоторые из Козловых, в том числе испомещенные в Казанском крае, имеют также выход из казанско-ордынской среды, например, Карачура Козлов, дворянин с 1573 г. Возможно, он тогда и получил землю с бывшим казанско-татарским селом Кармачи-Сокуры под Казанью (ныне село Сокуры Лаишевского района Татарстана). Здесь 3 июля 1743 г и родился будущий Гавриил Романович Державин. Таким образом мы можем считать, что не только по отцовской, но и по материнской линии Державин имел предков татарского, а может быть и казанско-татарского происхождения.

6. Г.Р.Державин помнил о своем татарском происхождении, ибо об этом он писал не только в упомянутых выше записках, но и в одной из поздних исторических пьес-трагедий, где повествуется о боярине Багриме и его отроке Державе. Известна также и его любовь к Казани, казанскому краю, казанским татарам и их предкам булгарам. Примечателен в связи с этим такой факт, как его посещение и длительное пребывание с лета до поздней осени 1761 г в Болгарах, где Державин, будучи студентом Казанской гимназии, по поручению директора гимназии Веревкина сделал “Описание, план и виды раз-

валин некоторых строений, то есть ханского дворца, бани и каланчи, с подземельными ходами... и списки с надписей гробниц, также монету медную, несколько серебряной и золотой, кольца ушные и наручные, урны глиняные или кувшины... собрал".

Воистину для Державина был "Отечества и дым нам сладок и приятен".

Г.А.Шестопалова (Москва)

Г.Р.ДЕРЖАВИН И Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Ф.М.Достоевского с Г.Р.Державиным связывают прочные "биографические" нити, поэзия классика сопровождала писателя в детстве. Еще в юношеские годы московского периода Достоевский выявил для себя круг наиболее почитаемых произведений поэта, читал наизусть оду "Бог". Образы поэзии Державина нередко служили своего рода опорными конструкциями некоторых тем в творчестве Достоевского. Обращение к темам Державина обогатило поэтику рассказа "Господин Прохарчин", повести "Белые ночи", "Зимних записок о летних впечатлениях", романа "Преступление и наказание", статей "Дневника писателя". Державин присутствовал в раздумьях Достоевского о сюжетах последних романов, о чем свидетельствуют подготовительные материалы и рукописи к "Бесам", "Подростку", "Братьям Карамазовым".

Поэтическое творчество Достоевского никогда не получало самостоятельной характеристики, а упоминалось лишь как часть какой-то крупной прозаической работы, в которой ему придавалась роль психологической иллюстрации образа героя, испытывающего "творческие" состояния. Однако опыты Достоевского представляют большой интерес с точки зрения идейно-художественного, иронико-комического взаимодействия с поэзией Державина, творческими приемами его лирики. Анализ од Достоевского "На Европейские события в 1854 году", "На первое июля 1855 года", "На коронацию и заключение мира" позволяет делать выводы о преемственном усвоении поэтики классицистского стиля одописания Державина. Обращение к "творчеству героев" Достоевского в "Униженных и оскорбленных", "Идиоте", "Бесах", "Братьях Карамазовых" касается некоторых проблем жизни и индивидуальных, человеческих характеристик Г.Р. Державина.

Глубокая историческая правда, изображенная Достоевским на большом фрагменте повествовательного времени от 1830-х до 1870-х годов, включает верные бытовые приметы, так мастерски запечатленные в поэзии Г.Р.Державина, что является истинным свидетельством непреходящей эстетической ценности творчества последнего классициста.

Я З Ы К О З Н А Н И Е

Л.Р.Абдулхакова (Казань)

ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ В СОЧИНЕНИЯХ

Г.Р.ДЕРЖАВИНА

1 В XVIII в. происходило постепенное становление единых грамматических норм русского литературного языка в процессе сложного взаимодействия старых и новых форм. Для деепричастий, выделение которых в качестве самостоятельной категории относилось лишь к XVI-XVII вв., это было время грамматической стабилизации. На смену былым отношениям, связанным с их происхождением, приходит зависимость от видовой принадлежности производящего глагола. Происходит закрепление определенных формантов за глагольными основами совершенного (СВ) или несовершенного (НВ) вида. Вместе с тем продолжает сохраняться и разнообразная синонимия деепричастных форм, образованных от одного и того же глагола с помощью разных аффиксов.

2. Г.Р.Державин - выдающаяся личность, соединившая век XVIII и XIX, когда на смену ломоносовского периода в истории русского языка приходит новый этап формирования национального литературного языка. В языке Г.Р.Державина осуществляется явное "снижение" высокого слога, приближение его к нормам разговорного языка как в области стилистики, так и в отношении отдельных грамматических категорий и форм.

3. В поэтических и прозаических сочинениях Г.Р.Державина широко представлены различные глагольные формы, в том числе причастия и деепричастия, придающие повествованию выразительность и динамизм.

Деепричастные формы свободно образуются от глаголов различной семантики и разной стилистической окраски. При этом не наблюдаются ограничения фонетического или структурного характера.

В поэтическом языке значительно преобладают формы с суффиксом -а(-я), которые могли быть образованы как от глаголов НВ, так и СВ, причем формы на -а возможны, как правило, от глаголов СВ II спряжения на -ить. Некоторые из таких глаголов имеют синонимичные деепричастия на -в.

Г.Р.Державин довольно свободно употребляет в своих произведениях образования с суффиксами -вши, -ши, -учи (-ючи), допуская пестрое смешение разностильных элементов и достигая тем самым большей выразительности и экспрессивности. Поэт не избегает использования самых неожиданных форм, даже вызывающих трудности при их образовании, например: явя, чув, уклоншись и др.

О.Г.Акташева (Казань)

ЗВУКО-АССОЦИАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРИРОДНОЙ СТИХИИ В ПОЭЗИИ

Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Известно, что через образы природы национальная специфика литературы прослеживается наиболее отчетливо. Г.Р.Державин открывает в русской поэзии жизнь природы, ее динамику, ее гармонию с людьми, их отношения. Он обращается к ней как к объекту восхищения, поклонения. Державин один из первых стал вводить те мотивы, те образы, которые будут впоследствии разрабатываться великими преемниками - Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом.

Нас интересует в произведениях поэта динамика природной стихии и ее звуковое воплощение. Благодаря Державину в русскую литературу проник "бурный пейзаж" (термин М.Н.Эпштейна), когда все природные явления сдвинуты со своего места, "реки, облака, деревья - все рвется за свой предел буйной силой". За всем этим нам нетрудно увидеть тот век, полный бурных событий. Вот отчего и сюжеты элементарны - чтобы читателю было яснее, что угадывается под тем или иным явлением, тем более, когда мысль воплощена в великолепную конкретно-чувственную форму, где звуки наделяются особой фоносемантической содержательностью.

Нам хотелось проследить, какие приемы звукоподражания и звукописи характерны для поэта в так называемых "бурных стихах", изображающих буйные природные и человеческие события, где природные образы служат аналогией ратным подвигам русской армии (как известно, Державин был своеобразным поэтом-летописцем русских военных походов). Поэт пользуется теми звуками природы, которые может услышать и узнать ухо проницательного читателя. Мы отметили использование приема паронимической аттракции (разумеется, с современных позиций) и стремление придать звуковой палитре определенную звуко-смысловую гамму.

Державин пытается показать натуру естественными и конкретными средствами, а именно сообразными с ней звуками. Г.А.Гуковский указывает, что "впервые в русской поэзии воспринимается и выражается в слове мир зримый, слышимый, плотский мир отдельных, неповторимых вещей. Радость

обретения внешнего мира звучит в державинских стихах"

Показывая раскаты грома, бурю, молнии, мрачные тучи, поэт, преклоняясь перед человеческой силой, подчеркивал богоподобность Природы. И для этого ему необходимо было ввести в план выражения своих поэтических видений явь и гайну человеческого голоса (звуков души)..

М.А.Алексеев (Львов)

НОВАТОРСТВО ПОЭТИЧЕСКОГО ИДИОЛЕКТА Г.Р.ДЕРЖАВИНА

1. Поэтический идиолект Г.Р.Державина, завершающий XVIII и открывающий XIX столетие, оказал огромное влияние не только на развитие русской поэтической речи, но и художественного мышления того времени. Следуя канонам классицизма и одновременно разрушая их, Державин выработал новый "забавный русский слог" - свою индивидуальную поэтическую систему. По-новому осозная ценность материала, из которого создаются поэтические произведения, неразрывную связь этого материала с человеком и окружающим его миром, поэт утверждает свое творческое кредо - поэзия есть "истинная картина природы". С Державина реальная объективная действительность начала свое вторжение в высокую поэзию. Традиционные условность, риторичность, отвлеченность заменяются державинской "невыдержанностью", конкретностью, объективностью, автобиографичностью.

2. Единицы всех уровней языка органически включаются в художественную систему идиолекта Державина, каждая выполняя свое функциональное назначение и совместно моделируя (материально и имплицитно) в поэтическом тексте личность автора, время и пространство, в которых он находится, его страсти и переживания, специфику его опыта и мирозерцания. На фонетическом уровне сумароковское требование "гремящих звуков", реализующее высоту тем, сочетается в державинском идиолекте с объективной разноголосой звукописью. Ср.: Грохочет эхо по горам, Как гром гремящий по громам; Сверкнул, взревел, ударил гром... - Себя собою составляя, Собою из себя сияя, Ты свет, откуда свет истек; Шум снопов, бег телег, оси скрипучи, Стук цепов по токам. и под.

3. Мифологизмы, аллегорические образы, как обязательная принадлежность высокой образности оды, связаны у Державина с подлинной русской жизнью, "низкой" действительностью. Они очеловечены, изображены в бурлескно-шутливой манере: Борей на Осень хмурит брови; Небесный Марс оставил грома И лег в туманы отдохнуть; Засыпали нимфы с скуки; Амур без перьев нетопырь.

4. Лексическое новаторство идиолекта Державина не в

смешении высоких и низких слов (в " крупном слог" по Гоголю), а в отказе от такого давления, мотивированного необходимостью реалистического самовыражения поэта как самобытной личности. Все слова равны у Державина, но различаются своими выразительными свойствами и способностью реализовать авторский замысел. Поэтому в державинском тексте контактно или дистантно соседствуют выражения с церковнославянской, архаической лексикой и бытовизмами, народно-разговорными словами. Ср.: Возжгу куреньи благовонны; Сомкнулись алчны к трону вежды...- Бояра понадули пузы; Ползет, как черепаха; Молоть языком всякий вздор и под. Достаточно широко вторгается в державинский стих разговорная и народно-поэтическая фразеология: мотать на ус, мухи не обидит, задать перцу, нос повесить; белые руки, живая/мертвая вода, удала голова, пир горой и др. Этот синтез знаменовал становление реалистического начала в русской поэзии.

5. Идиолек Державина ярко колористичен. Державин - "цветной" поэт. Специфика его колористики заключается в: а) чрезвычайном многообразии красок, в том числе новых для поэтической речи того времени (лиловые ковры, коричневые волосы); б) сложности цветовой гаммы (взор черно-огненный, черно-пламенные очи, сапфиристо-светлые очи, лазурно-сизы-бирюзовы... тенисты круги); в) активной динамике цвета (То черн, то бледн, то рдян Эвксин; Румяный потемняют зрак; Кровавой пены полн Дунай, Пучина черная багрится). Цветовое число Державина выше, чем в лирике Пушкина, в прозе Гоголя. Цвет у Державина не поглощается предметом, имеет самостоятельный смысл.

6. Новаторский идиолек Г.Державина явился предтечей русской поэзии XIX века. Многие незавершенные или потенциально содержащиеся в его художественной системе, "в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи" осуществилось, получило развитие или завершение в поэзии Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, в прозе Гоголя, Достоевского. "Забавный русский слог" оказался исторически продуктивным.

Н.А.Андромонова (Казань)

НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

XVIII век характеризуется как период становления русского литературного языка в его письменной разновидности, период стабилизации норм русского литературного языка и перехода от "пишущегося разговора" к книжной - "органической фразе" (К.С.Аксаков). Органическая, логизированная фраза, по наблюдениям Г.Н.Акимовой, нашла свое полное

воплощение в языке произведений М.В.Ломоносова, его научных сочинениях, одах и деловой переписке.

Органическая фраза в отличие от неорганической, разговорной дает возможность в пределах единого целого максимально реализовать синтагматические потенции входящих в нее лексем предметного и глагольного характера, эксплицитно и развернуто представить подчинительные отношения, осуществить раздельную передачу диктумных (объективных) и модусных (субъективных) блоков информации.

Г.Р.Державин как поэт своего времени не мог не продолжить те традиции в употреблении языковых форм, которые были установлены М.В.Ломоносовым, ..."его чутью, - писал В.Г.Белинский, - делает большую честь, что он решился подражать только одному Ломоносову" (Сочинения Державина. Собр.соч. в 9 т., т.6, М, 1981, с.25). Поскольку "поэзия того времени страх как любила выводы и заключения" (В.Г.Белинский), то сочтено возможным сосредоточить внимание на заключительных, итоговых компонентах стихотворных произведений Державина, нравственно-философических, торжественно-похвальных, созерцательно-дидактических.

Заключительные фрагменты од и других стихотворных жанров носят, как правило, обобщающий характер и включают структуры афористически-сентенционный плана. В них господствует семантика императивности в ее некатегоричных проявлениях (совет, пожелания, предостережение). Обычно они сопровождаются накладываемыми на них ограничениями объективного характера. "- Доколь текут часы златые и не прispели скорби злые, пей, ешь и веселись, сосед". ("К первому соседу"). Оттенки категоричности более редки, они связаны с неприятием Державиным каких-то нравственных критериев, поступков, мыслей.

Семантика обусловленности проявляется в конечных компонентах также своеобразно: не столько в конструкциях, специально предназначенных для этого, сколько в структурах местоименно-соотносительного типа, имеющих обобщающий характер и передающих отношения обусловленности как внутреннюю необходимую взаимосвязь. - "А слава тех не умирает, кто за отечество умрет..." ("На взятие Измаила").

Семантика предположительности, достаточно широко представленная в одах Державина, реализует ситуацию выбора, альтернативы при противопоставлении - "Коль с невинных снял железы, Ускорил коль правый суд, Коль отер сиротски слезы, Не брал лихвы, не был плут, Делал то, что делать должно, И без чина ты почтен" ("Время").

Семантика контраста и уступительного противопоставления позволяет утверждать мысли поэта, акцентировать его позиции - Меня ж ничто вредить не может. Я злобу твердо-

стью сотру. Врагов моих червь кости сглохнет. А я Пиит - и не умру ("На смерть графини Румянцевой").

Заключительные компоненты текста отличаются наличием бессюзной связи частей, модальным лексическим наполнением, использованием риторических фигур. Они противопоставлены другим частям текста не столько по дидактическому содержанию (последнее нередко имеет место и в предшествующих отрезках стихотворений и од), а по семантике обобщенности.

Таким образом, отдавая дань органической фразе, ее логизированности и разветвленности, Г.Р.Державин отходит от нее в заключительных компонентах поэтических произведений, насыщая их модусно-прагматическими смыслами "добродушного морализма", и тем самым в определенной степени расшатывает сложившиеся традиции книжной речи, обеспечивая переход к поэтическому языку А.С.Пушкина.

Л.С.Андреева (Казань)

ЭВОЛЮЦИЯ МОРФОЛОГИИ ПРОИЗВОДНОГО ИМЕНИ В "ЗАПИСКАХ" Г.Р.ДЕРЖАВИНА

"Записки изъ извъстныхъ всёмъ происшествіевъ и подлинныхъ дѣлъ, заключающіе в себѣ жизнь Гаврилы Романовича Державина" - один из наиболее значительных источников русского литературного языка XVIII века. В них отчетливо отразилась языковая специфика указанного периода: многообразие грамматических форм, интенсивное проникновение в письменность множества просторечных образований.

На близость языка "Записок" Г.Р.Державина к народно-разговорному обратил внимание в свое время еще Я.Грот, впервые подготовивший к публикации их текст в 1871 году. Он писал: "Нельзя впрочем не заметить, что как скоро рассказ его, под влиянием самого предмета, оживляется, то у него бессознательно срываются с пера целые страницы более стройной речи, запечатленной оригинальною простотою и характером чисто русскаго языка, близкаго к народному" (Я.Грот. От издателя. - 1870.- Державин Г.Р. Соч.- 1871.- Т.VI.- С.411).

Текстовые фрагменты "Записок" позволяют проследить морфологическую историю слов и прежде всего отношение словообразовательных типов к грамматическим процессам.

Для "Записок" Г.Р.Державина характерно обилие форм на -у у существительных мужского рода нулевой суффиксации, соотнесенных с глаголом, типа удару, выходу, указу, ропоту, и т.д.: "Отець его служилъ въ армии и, получивъ отъ конскаго удару чахотку, переведень в петербургскіе полки премьер-майоромъ". - Державин. - 1871. - С.414; "...а для того мать, чтобъ какое гдѣ-нибудь отыскать правосудіе, должна была съ

малыми своими сыновьями ходить по судьямъ, стоять у нихъ въ переднихъ у дверей по нѣскольку часовъ, дожидаясь ихъ выходу". - Державин. - 1871. - С.417; "...а на Государя ропоту не будет". - Державин. - 1871. - С.814. Чаще всего генетивные образования на -у приглагольных имен наблюдаются в предложениях с отрицательными конструкциями ("...не дал им никакого повода к своеволю". - Там же. - С.828), в сочетании с предлогами причины, цели: "...съ умыслу умедлено донесение". - Там же. - С.511; "...для сыску". - Там же. - С.519.

В отличие от конкретных имен они функционируют на глубокой структуре текста, выступая в качестве предиката, либо выполняют функцию второй зависимой предикации, являясь функциональным эквивалентом деепричастий.

Вариантные формы на -а возможны в тексте у генетически отглагольных имен, утративших живую соотнесенность с мотивирующим вербальным словом: "...выбрали они себѣ его артельщикомъ, прѣпоручивъ ему артельные деньги и заказку нужныхъ вещей и припасовъ для похода". - Там же. - С.428. Наблюдаются они и в словосочетаниях с определениями. Например: "...не могъ иметь свободного хода". - Там же. - С.441.

Число форм на -у значительно сокращается во второй части "Записок" за счет употребления отглагольных форм на -а в канцелярских штампах типа: "Касательно же созыва дворянскихъ представителей". - Там же. - С.815; "...относительно наряда войск, крѣпостей, оружія и тому подобное". - Там же. - С.828.

В предложном падеже ед. числа окончание -у преобладает лишь у односложных приглагольных образований: "Меньшой из братьевъ Окуневыхъ поссорился, бывъ на конскомъ бѣгу...". - Там же. - С.539.

Народно-разговорная языковая стихия отразилась и в усвоении производными отглагольными существительными на -ие в родительном падеже множественного числа окончания -ев: "...из извѣстныхъ всѣмъ происшествіевъ". - Там же. - С.413. Заметим, что формы множественного числа на -а выявлены только у производных имен: "...суда останавливались, а знатные граждане устрашены надписью, что ихъ дома ломать будутъ, то и уважали болѣе давшаго такое страшное повѣленіе". - Державин. - 1871. - Т. VI. - С.422.

Развивающаяся вариативность элементов грамматической (субстантивной) системы свидетельствует об органическом единстве традиций и новаторства в языковой практике Г.Р.Державина.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОДЫ Г.Р.ДЕРЖАВИНА "ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДЬЯМ"

В 1780 году Г.Р.Державин пишет переложение 81 псалма под названием "Властителям и судьям". Ода предельно точно передает содержание псалма и выражает кредо самого поэта, его независимое мнение о пороках и недостатках современной ему жизни.

В центре оды - "властители", недостойные с точки зрения Державина правители страны: цари, вельможи, "земные боги во сонме их". Они пренебрегают высоким долгом, который возложен на них саном, погрязли в пороках.

Если сопоставить содержание 81 псалма и державинской оды, то бросается в глаза предельно близкая к оригиналу передача основных мотивов псалма в оде, использование той же лексики, композиционных приемов, фразеологии. И вместе с тем поэт развивает и углубляет библейский текст, высказывая эмоциональную реакцию на происходящее вокруг, настраивая читателей на тот высокий суд, который должен осуществиться над "земными богами"

Державин привносит в текст псалма дополнительные детали, как бы мотивируя его содержание той реальной обстановкой, в которой приходится жить и действовать самому поэту. Отсюда призыв в оде к властителям "сохранять законы", "сирот и вдов не оставлять без помощи", "подать покров несчастливym" и т.д. Говоря о злодеяниях этих властителей, поэт прибегает к намеренной и образной гиперболизации: неправда, по законам которой они живут, "зыблет небеса", злодеяства "потрясают землю", но глаза "земных богов" покрыты мздою.

Перекладывая 6-ю и 7-ю строки псалма, Державин подчеркивает важную мысль о том, что между царем и простым человеком существует своеобразное равенство - равенство людей, сознательно выполняющих свой долг во имя общей пользы.

Перекладывая содержание псалма, Державин достиг того, что редко удается переводчикам: он оживил и обогатил библейский текст, передав средствами "высокого стиля" призыв к справедливости и добру. Державин значительно обогащает сам жанр переложения псалмов, столь популярный у поэтов XVIII века и прежде всего - Ломоносова. Псалом 81 привлек внимание и этого великого поэта и стал основой 12-й и 13-й строф его оды 1757 года. М.В.Ломоносов обыгрывает лишь основную тему этого псалма, давая его достаточно вольный перевод и вводя в его содержание даже мифологические образы. Ломоносов сохраняет тот же "высокий стиль", используя разнообразные лексические средства для создания

высоко торжественного строя "украшенной" речи. Несмотря на вольность переложения, обращение к властителям и судьям с назидательной речью передается Ломоносовым точно и эмоционально.

Державинский текст не только ближе к источнику, но и более насыщен "якобинским" содержанием. Сам поэт выступает здесь в роли не столько призывающего, сколько обличающего пророка. Не случайно Н.В.Гоголь отмечал, что у Державина "есть что-то еще более исполинское и парящее, нежели у Ломоносова". В оде Державина можно обнаружить не только дань классицизму, но и зародыш нового отношения к слову. Это проявляется, в частности, в употреблении субстантивов, четко противопоставленных по семантике и ярко характеризующих два полюса общества: неправедные, злые, лукавые, сильные и с другой стороны бедные, невинные, бессильные, несчастливые. Этот выразительный словесный прием неизвестен строгим канонам классицизма.

Таким образом, ода "Властителям и судьям" выгодно отличается как от библейского текста, так и от ломоносовского переложения, хотя и является образцом поэтики классицизма. Одновременно это произведение глубокого гражданского содержания, передающего библейские истины в высокохудожественной форме.

А.В.Бастриков, Л.М.Салмина (Казань)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЭЗИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Уже в конце XVII века обнаруживается "открытие ценности человеческой личности". Одним из критериев оценки становится деятельность, полезная обществу и государству. И если в эпоху Петра I на первый план выдвигаются собственные качества и достоинства человека - человека Нового времени, то в литературе личность становится объектом пристального внимания и изучения лишь в середине века (сама лексема ЛИЧНОСТЬ в языке закрепляется именно в это время).

Одним из первых поэтов, обратившихся к изображению конкретного человека, его внутреннему миру, был Г.Р.Державин. Впервые в литературе появляется образ автора, поэт значительно расширяет объект поэзии - "истинная картина натуры", строго фиксирует адресата поэзии (к кому обращается), создает лирику индивидуального. Безличностная лирика, зажатая рамками классицизма, устаревает

Сложная человеческая судьба поэта позволила ему сформировать собственные критерии оценки личности. В первую очередь, доверие к собственному опыту, вера в разум и в нравственные достоинства человека. Прославляя героев России, Державин показывает, что истинно великим человека делает его деятельность, направленная на защиту Отечества,

правды, долга и справедливости ("Снигирь", "Осень во время осады Очакова"). Поэт на русской почве и в новое время утверждает возрожденческий идеал человека.

Свое назначение Державин видел в исполнении долга поэта-гражданина. Утверждая особое положение Поэта (не "шута" при дворе, "пиита" при государыне, а поэта, стоящего и над обществом, и над царями), он напрямую обращается к царям ("Цари! Я мнил вы боги властны... Но вы, как я подобно, страстны, И так же смертны, как и я"), к богу (ода "Бог"). Личность поэта, его опыт дает право на отражение того, что он хорошо знал, давал оценки, что возмущало его. В связи с безграничностью в объектах изображения поэт обращается к различным языковым средствам. Державин не просто отражает тот или иной фрагмент действительности, а интерпретирует его. Все, что становится объектом изображения, должно быть названо. Отсюда и лексика различных стилистических пластов. Слова у Державина не закреплены строго за тем или иным жанром, они для него равны как средства наиболее точного наименования и большей выразительности. Поэт сознавал, что истинной поэзию делает неповторимость слога, передающего индивидуальность автора.

Все это требовало от Г.Р.Державина особых языковых приемов, и он пользуется различными типами языковой игры. Так, например, поэт создает "Объяснения" - прозаические подкрепления к тому, что он называл "забавным слогом" своих стихов. Создание разрыва между стихом и примечанием к нему - вовлечение в данную игру читателя. Это своего рода комментирование, интерпретация, хотя и скрытая (автор поясняет только то, что имело признаки времени и места).

Другим приемом является шутка, которая выявляла склад ума автора, его манеру понимать вещи, своеобразный взгляд на мир. При этом используются просторечные, диалектные, инвективные слова и выражения (баба, девка, вздор, пхнуть, перехерять, шашни, с ума рехнуться - "Кружка", "На счастье", "На умеренность", Переписка).

Наконец, Державин намеренно вводит игровое начало в серьезную оду ("Фелица"). При обращении к Императрице автор прибегает к маске *enfant terrible* - "ужасного ребенка", которому прощительно все, даже дерзость (что на фоне куртуазного XVIII века было неслыханной поэтической вольностью).

В поэзии Г.Р.Державина нашел отражение собирательный образ личности XVIII века. Создав многоликую личность, он поистине Человек XVIII столетия, "герой своего времени".

НАБРОСКИ О ПОЭТИКЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА И Б.Л.ПАСТЕРНАКА

"Таких поэтов XX в., как Маяковский, Пастернак, Цветаева..., не сопоставляют с поэтами пушкинской эпохи. В творчестве названных поэтов мы найдем мощные отзвуки поэзии Ломоносова, Хераскова, Державина..." (Кожин В.В. Как пишут стихи. О законах поэтического творчества. М., 1970, С.77).

Г.Р. ДЕРЖАВИН. По словам С.Аксакова, Г.Р.Державин "гнул на колено синтаксис, слоударение и само словопотребление". Ему не хватает самых редких форм просторечия, и он вступает в область словотворчества. В средствах стихотворной выразительности Г.Р.Державин - один из самых ярких экспериментаторов своего времени (например, опыты в области звуковых повторов).

Разнообразная ритмика Г.Р.Державина: поэт находит различные сочетания размеров в силлабо-тонике, а также обращается к стиху вольному, белому, стремится создать новые размеры. В области рифмы Г.Р.Державин также прибегал к исключениям. Одним из немногих поэтов XVIII в. он использовал не вполне точные и неточные рифмы, которые в XX в. стали обычными.

Г.Р.Державин мыслит человека в личном, а не в социальном плане.

Б.Л.ПАСТЕРНАК. Б.Пастернак вводил в свои стихи слова, от которых напрочь отказывались поэты предшествующих поколений. Чем менее литературным и употребительным было слово, тем оно лучше для Б.Пастернака, который решительно стирает границы между языком поэзии и языком прозы. Однако Б.Пастернак никогда не был сочинителем слов, его словарь - это и новые, введенные жизнью слова, и архаизмы, и редкие топонимы, и многочисленные имена собственные. Но, будучи обычными, слова, выпадая из привычных синтаксических и ассоциативных гнезд и занимая новые места, производят тем самым необычное, ошеломляющее впечатление, приобретают глубокие и яркие понятийные краски, не имеющие аналогов по своей красоте и зримости.

Б.Л.Пастернак отказывается от всего привычного в поэзии, открывая читателю всю сложность человеческой психики, ее многогранность, нераздельность внутреннего мира личности и явления внешнего мира, через которые чаще всего и определяется человек.

Для выражения восхищения, восторженности перед миром Б.Пастернаку не хватает обычной рифмы в конце стиха, он вводит свою звуковую систему, благодаря которой стихотворение воспринимается как одно напряженное "образно звуковое поле" (З.Паперный).

В своем стремлении передать "живое мгновение", единство мысли, картины и чувства в динамике поэт выработал раскрепощенный синтаксис, в котором выразилась речь человека, благоговееющего перед чудом жизни во всей ее стихийности и озаренности.

С.Г.Васильева (Казань)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЛЕКСЕМ "СОЛНЦЕ", "ЛУНА", "ЗВЕЗДА", "МЕСЯЦ" В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Поэтическая семантика - это тот смысловой континуум, который является результатом художественного восприятия стихотворного текста. А под вербальной семантикой следует понимать смысловой континуум - результат буквально словарного его восприятия. По нашему мнению, процесс диалектического взаимоперехода поэтической и вербальной семантик осуществляется на основе определенных лингвистических средств, "общих" для читающего и пишущего в тот или иной исторический период, сами же эти языковые средства должны быть объектом собственно лингвистического анализа. С этих позиций было проанализировано использование Г.Р.Державиным таких традиционных поэтических средств, как лексемы "солнце", "луна", "звезда", "месяц", при этом проводилось сравнение с тем, как данные лексемы функционируют в современной поэзии (материалом послужили лирические произведения А.Ахматовой, М.Цветаевой, О.Берггольц, Л.Татьяничевой, Р.Казаковой, Ю.Друниной, М.Володиной, Ю.Мориц и других).

Как показал наш анализ, эти лексемы являются языковыми элементами, формирующими поэтическую семантику стихотворного текста. Это происходит благодаря тому, что они выполняют две принципиально различающиеся лингвостилистические функции: а) моделирующую; б) заместительно-кумулятивную.

Моделирующая функция заключается в том, что анализируемые лексемы, сохраняя первичное значение "небесное тело", создают переосмысление всего поэтического текста или его части. Заместительно-кумулятивная функция состоит в том, что эти лексемы, используя во вторичных словарных или контекстуальных значениях, создают максимально точное представление об описываемой поэтом реалии, при этом подразумевается, что поэт и читатель могут понять друг друга, имея одинаковый опыт познания действительности.

Нами установлено, что моделирующая функция лексем "солнце", "луна", "звезда", "месяц" реализуется на основе следующих четырех способов: а) включение этих лексем в пейзажное описание; б) актантное их использование при сло-

вах с процессуальным значением, при этом они в своем первичном значении "переводят" обычное, реальное значение процесса в другой семантический план; в) семантическое "переключение" дистантных с ними лексем; г) семантическое "переключение" всего микротекста.

Г.Р.Державин отдавал предпочтение первым двум способам моделирования поэтической семантики при помощи анализируемых лексем, что создает поэтическую двуплановость его стихов. Самой активной моделирующей лексемой у него является слово "солнце". В современной же поэзии, наряду с первыми двумя способами, широко используются третий и четвертый способы, создающие поэтическую многоплановость стихотворных текстов, лексема "звезда" обладает наивысшим моделирующим потенциалом.

Заместительно-кумулятивная функция лексем "солнце", "луна", "звезда", "месяц" реализуется на основе следующих двух способов: а) образное представление описываемой реалии; б) семантическое стяжение емкой содержательной структуры.

Оба способа и в поэзии Г.Р.Державина, и в современной поэзии приблизительно одинаково значимы. Но интересно, что если в творчестве Г.Р.Державина заместительно-кумулятивную функцию выполняет лексема "звезда", то в современной поэзии это лексема "солнце".

В целом можно сказать, что лингвостилистические функции таких традиционных поэтических средств, как лексем "солнце", "луна", "месяц", "звезда", исторически изменчивы. Если в творчестве Г.Р.Державина они выполняют в основном заместительно-кумулятивную функцию и меньше моделирующую, то в современной поэзии эти лексем являются главным образом моделирующими. Таким образом, формирование поэтической семантики лирического произведения не должно рассматриваться с точки зрения лингвистики как нечто статичное.

Л.В.Владимилова, О.П.Костецкая (Казань)
**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ
В ЯЗЫКЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА**

(НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ)

Каждый период развития языка подразумевает специфическую систему словообразовательных средств. XVIII век традиционно считается веком классицизма с присущими ему языковыми особенностями. Однако творчество Г.Р.Державина приходится, главным образом, на последнюю треть XVIII в., которая характеризуется нарастающим кризисом классицизма, неуклонным распадом ломоносовской системы "трех стилей". Этот процесс, проявляющийся в непрерывном стирании

границ между "высоким" и "низким" жанрами в литературе, а параллельно и в смешении в одном и том же произведении лексики "высокого слога" с просторечием, может быть прослежен и в творчестве Г.Р.Державина.

Предметом нашего исследования стали отглагольные имена существительные, извлеченные из автобиографических "Записок..." Г.Р.Державина. Проанализированный нами инвентарь словообразовательных средств подтверждает указанную тенденцию к "усреднению" стиля русской прозы рассматриваемого периода. Данное явление проявляется, в частности, в параллельном функционировании в языке прозы Г.Р.Державина стилистически противопоставленных словообразовательных морфем. Наиболее характерно в этом аспекте противопоставление отглагольных имен со значением действия (процесса) с аффиксом -ние, определяющим принадлежность данных имен к книжным жанрам, именам с суффиксами -ка и -о как общеязыковым образованиям.

Приведем некоторые примеры:

- суффикс -ние

"...он губернатором весьма был доволен как по ОТПРАВЛЕНИЮ его настоящей должности, так и по ПРИЛАСКАНИЮ общества и его самого." (С.343; цитаты даны по изданию: Г.Р.Державин. Сочинения. Л., 1987);

"...а для того и упражнял только детей ТВЕРЖЕНИЕМ наузусть вокабол и разговоров и СПИСЫВАНИЕМ оных..." (С.276);

- суффикс - о

"...отпросил в отпуск к матери в Казань, где он под ее ПРИЗОРом осенью ... кончил жизнь и погребен на Проломной улице, у церкви Вознесения Господня". (С.299)

суффикс -ка

"...проводил он свою жизнь,... ходя... во все случающиеся в роте работы, как-то: для чищения каналов, для ПРИВОЗКИ из магазейна провианту..." (С.282).

Важно подчеркнуть тот факт, что среди рассмотренных нами имен в количественном отношении значительно преобладают субстантивы с суффиксом -ние (в нашем материале аффиксы -ка/ (-о)/ -ние примерно соотносятся как 1:1.4). Видимо, тенденция к частичной стилистической нейтрализации аффикса -ние, результаты которой наблюдаются в современном русском языке, не затронула язык прозы Г.Р.Державина. Это может быть свидетельством того, что, несмотря на новаторский характер языка Г.Р.Державина, он все-таки находился под влиянием языковой традиции классицизма и оставался сыном своей эпохи.

К.Р.Галиуллин, Р.А.Сабиров,
Р.А.Юналеева (Казань)

ОРИЕНТАЛИЗМЫ И РЕГИОНАЛИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Одно из направлений исследований по Turco-Rossica, проводимых в Казанском университете, - изучение особенностей функционирования тюркизмов (ориентализмов) в произведениях русской литературы. Анализ литературы XVIII века, в силу ее малой изученности в этом плане, представляется особенно важным. Особое место среди авторов второй половины XVIII - начала XIX века принадлежит Г.Р.Державину.

В произведениях Г.Р.Державина, как показывает анализ, отражен значительный пласт ранних заимствований, относящихся к различным сферам и достаточно освоенных в русском языке: алмаз, анбар, арбуз, аркан, барыш, бахрома, башмак, богатырь, булат, деньги, епанча, изумруд, камыш, караул, кисея, кистень, колчан, саранча, слон, табун, товар, туман, чердак, шалаш, шаль, шатер, яшма и мн. др. Немало в текстах и экзотизмов. алкоран, кадий, калиф, мурза, орда, султан, улус, факир, хан и др.

Особенно ценны материалы произведений Г.Р.Державина для характеристики вхождений XVIII века и слов, получивших распространение в этот период.

Целый ряд восточных (тюркских) заимствований, зафиксированных у Г.Р.Державина, являются регионализмами или межрегиональными элементами в составе современной русской лексики (в том числе и на территории Татарстана; см. материалы регионального Словаря татаризмов (тюркизмов).

Интересными для характеристики державинского словоупотребления являются объяснения Г.Р.Державина к своим сочинениям, в которых, в частности, содержатся толкования широкого круга слов; см., например: "Кардой называется в понизовых провинциях зимняя загородка для скота, куда в красный день выпускают скотину" (к стихотворению 1798 г.; ср. с материалами СРНГ); "Салма - татарское кушанье" и др.

Материалы произведений Г.Р.Державина позволяют уточнить и дополнить различные характеристики целого ряда тюркизмов, содержащиеся в исследованиях по тюркско-русской контактологии (см., например, хронологические характеристики слов "каймак" и "салма" в Словаре тюркизмов Шиповой - 1847 г. и 1852 г. (по лексикографическим фиксациям); ср. с материалами произведений Державина - 1795 г. и 1796 г.; см. также данные для формально-грамматической, семантической, функциональной и др. характеристик заимствованных лексем).

Более глубокому осмыслению особенностей функционирования ориентализмов и регионализмов в произведениях

Г.Р.Державина (а также в русском языке второй половины XVIII - начала XIX века) будет способствовать и Словарь языка Г.Р.Державина, работа над которым ведется в Казанском университете.

О.Ф.Жолобов (Казань)

**"ГРОМ ПОБЕДЫ, РАЗДАВАЙСЯ!"
(О ТОПОСАХ ПОЭЗИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА)**

1. В апреле 1791 г после взятия Измаила фельдмаршал Г.А.Потемкин устроил празднество, которого до тех пор не видел Петербург. Хоры для торжества были сочинены Гавриилом Державиным:

"Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрес."

Первая строка знаменита тем, что Василий Жуковский назвал ее "выражением века Екатерины" Нет оснований в этом суждении не довериться Жуковскому. Однако строка эта в меньшей степени важна и интересна своей внутренней стороной. Эта строка близка внутреннему строю державинского поэтического языка.

Слово "гром" (см. первую строку) было чрезвычайно любимо Державиным и употреблялось им очень часто. Немало произведений, в которых это слово встречается даже неоднократно. Такое положение еще более усиливается высокой суммарной употребительностью однокоренных слов "греметь", "громовой" и под., среди которых есть и авторские (оказиональные) слова - "Гремислава", "громовержный". Наконец, логическое, естественное развитие эта словесная линия получает в самостоятельном произведении, названном "Гром".

2. Все отмеченные факты, по-видимому, объясняются тем, что слово "гром" в державинском словаре было "отягчено" анаграмматической формой, авторское сознание связывало с ним зашифрованное имя.

Анаграмматические очертания слова, без сомнения, подтверждаются обильными аллитерациями на [г], [р], [м]. Звуковые повторы могут усиливаться еще и корневыми удвоениями:

"Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам"
("Водопад")

3. Употребление слова "гром" лишено семантической однородности, оно освоено в массе оттенков. В некоторых случаях значения не могут быть поняты без обращения к державинским "Объяснениям" "Гром жолн" Державин комментирует: "Или отголоски их, когда они долбят деревья и про-

изводят звук". Словарь русского языка XVIII в. допускает здесь неточность и иллюстрирует державинской строкой значение "громкое пение птиц" (при том, что "жолн" - это "дятел"). Так же неточна дефиниция и к значению слова "гром" в приведенной в заглавии строке. Это значение точно представлено в строке из другого сочинения: "Гремит музыка, слышны хоры".

Вообще державинское употребление слова шире словарных определений. В поэтической речи Державина слово "гром" становится родовым обозначением самых разнообразных звуковых проявлений.

Наиболее важным для Державина является сакральный смысл слова, за которым видится и имплицитная словесная величина - имя самого поэта. Существует несомненная связь между следующими строками:

"Труба величья сил верховных,
Вития бога и посол!
О ГРОМ! гроза духов тех гордых,
Кем колебался звезд престол!"
("Гром")
и

"Ареопагу был он ГРОМОМ многократно"

Последняя строка взята из эпитафии, написанной Гавриилом Романовичем самому себе.

4. Образ, запечатленный в державинском "Лебеде", несомненно отсылает также и к имени поэта - "софийному человеку", по определению С.Булгакова. Имя предлагает пучок возможностей. "Верхний полюс имени - чистый индивидуальный луч божественного света, первообраз совершенства, мерцающий в святом данного имени", - отмечает П.Флоренский. Державин наречен был по имени Гавриила - одного из семи архангелов. Темы державинских од, его творчество было удивительным служением своему славному тезоименитству

Е.Булгарелли (Италия)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКСПРЕССИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОПРОСА В ДЕРЖАВИНСКОМ СТИХЕ

Читая стихотворения Державина, невольно обращаешь внимание на обилие в них вопросительных предложений. Вчитываясь в содержание стихотворений, включающих вопрос, все более отчетливо сознаешь значимость этих вопросов в передаче поэтом чувств, мыслей, выражающих, в конечном итоге, его отношение к действительности, к событиям частного и государственного уровня, к друзьям и сотоварищам, которые, впрочем, тоже нередко являются его знакомыми.

Вопрос в стихотворении Державина является художест-

всненным средством, служащим усилению восприятия читателем поэтической мысли, большей степени концентрации его внимания на том, что наиболее волнует самого поэта.

В докладе на материале поэтических произведений Державина разных жанров будут проанализированы эстетическая функция, смысловые и экспрессивные оттенки, формы выражения риторических вопросов, вопросительных предложений; предложений, предваряющих утверждение; вопросов-поисков, других различных по цели высказывания и структуре вопросительных предложений.

Т.П.Зайконникова (Ижевск)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА И СТИЛЯ "АНАКРЕОНТИЧЕСКИХ ПЕСЕН" Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Г.Р.Державин как автор самого полного собрания ранней русской анакреонтики почти не изучен. До сих пор не дано должной оценки новаторству его лирики в целом, искажено представление о наиболее зрелом периоде его творчества. "Анакреонтические песни" сосредоточили в себе основные итоги развития русской поэзии (в том числе и ее стиля и языка) XVIII в., воплотили наиболее интересные и продуктивные направления будущего ее расцвета (от Ломоносова - к Пушкину).

Язык поэзии Державина изучался фрагментарно, лишь в частных его проявлениях. Державинская анакреонтика как ЦЕЛЬНАЯ языковая и стилистическая система, в которой реализованы принципиально новые эстетические представления поэта о человеке, окружающем его мире и их взаимодействии, вообще не была объектом лингвистического рассмотрения. Мы попытались определить, в чем своеобразие языка и стиля державинских переводов и переложений знаменитых од Анакреонта, взяв за основу анализ 4-х конкретных текстов: "К лире" (ода 1), "Купидон" (ода 3), "Богатство" (ода 22), "Старик" (ода 11). Языковые и стилистические особенности державинских произведений выявляются в процессе сопоставления их с соответствующими анакреонтическими стихами предшественников поэта М.В.Ломоносова и Н.А.Львова.

Последовательный построчный анализ 3-х разных "переводов", восходящих к одному оригиналу, обнаруживает заметное и весьма симптоматичное различие сопоставляемых текстов. Каждый из поэтов самостоятелен в отношении к источнику "переводов", и языковая ткань "песен" (лексический состав, фразеология, синтаксические особенности, формы словоизменения; размер стиха, его звуковая и акцентная организация) в полной мере отражают это своеобразие. Если Львов стремится к максимальной языковой близости перевода и оригинала, к "музейности", то Ломоносов и Державин в боль-

шей степени передают дух, мысль, настроение Анакреонова стиха, не подражая слепо языку и стилю шаблонной антологической поэзии (ср., напр., состав собственных имен в 3-х соответствующих переводах оды 1, оды 3, оды 22). Несмотря на то, что в качестве основы для своих переложений Державин использовал переводы Львова, ему несомненно более близким оказывается Ломоносов. Общим для Ломоносова и Державина было стремление РУСИФИЦИРОВАТЬ, сделать более конкретно-национальным язык переложений, оживить его за счет включения неклассических слов, оборотов, конструкций из народно-разговорного языка. Сравните, например, безликие строки Львова и яркие державинские стихи в переложениях оды 22: Львов. ...Рачительно б старался Я золото копить На то, чтоб откупиться Тогда, как смерть явится; Державин:...Копил бы для того я злато, Чтобы, как придет смёрть сражать, Тряхнуть карманом таровато И жизнь у ней на откуп взять. Сопоставляя эти (как и многие другие) строки, мы можем обнаружить еще одну особенность державинского стиха - гораздо большее соответствие используемых в нем морфологических и синтаксических элементов СОВРЕМЕННОЙ литературной норме (ср.: копить на то, но - копить для того; или далее: Львов: в пирах с друзьями жить, но Державин: не лучше ль в пиршествах приятных с друзьями время проводить...).

Новаторство Державина проявляется и в том, что его т.н. переводы из Анакреонта отличаются максимальной СУБЪЕКТИВНОСТЬЮ, АВТОБИОГРАФИЧНОСТЬЮ Он сам - и автор, и герой своих произведений, изображаемый как реальный человек во всем многообразии его связей с действительным миром. Это открытие Державина, весьма значимое для развития всей русской поэзии, сказывается, например, в такой конкретной языковой особенности, как обилие грамматических форм, связанных с обозначением лица (ср. 3 соответствующих переложения оды 11).

Своеобразие державинского языка и стиля проявляется и в той свободе, естественной логичности, с которой он вводит новые строки, слова и обороты, не имеющие соответствий ни в оригинале, ни в переводах других поэтов (ср., напр., стихотворения "Купидон" и "Старик" с параллельными текстами Ломоносова и Львова).

Слог державинских "Анакреонтических песен", выразительный, поэтически афористичный (ср., напр., 4 последние строки в стихотворении Державина "К лире" с окончанием соответствующих стихотворений Ломоносова и Львова) во многом стал предвестием пушкинского слога. Тщательный, всесторонний языковой и стилистический анализ его необходим.

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ФОРМАНТОМ "ПУСТЬ" ("ПУСКАЙ") В ПОЭЗИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

ПУСТЬ и ПУСКАЙ в роли модально окрашенных уступительных союзов в поэзии Державина - стилистически и семантически влиятельная грамматическая категория, зафиксированная еще Я.К.Гротом в "Словаре к стихотворениям Г.Р.Державина".

Державинские поэтические тексты отражают стремление языка к формированию определенной системы сложных предложений, ориентирующихся на союз-частицу "пусть" ("пускай").

В поэзии Державина наиболее частотны конструкции, выражающие допустительно-противительный и допустительно-сопоставительный типы отношений.

Предложения допустительно-противительного типа могут быть рассмотрены в русле собственно-уступительной семантики.

В них представлен один из частных видов уступительного парадокса, в основе которого безрезультатность действия допускаемой, но нежелательной причины.

Семантика допущения в придаточной части коррелирует в данных предложениях с семантикой безуспешности, тщетности, бесполезности в главной части, которая может быть выражена: а) через лексемы (краткие прилагательные, наречия, вводные замечания), включающие данные семы; б) через прием риторического вопроса, который выступает неопровержимым аргументом, подчеркивающим "тщетность" констатации.

ПУСТЬ позлащенна медь блистает,

НО блещет ли она собой?

ПУСТЬ ухищрение прельщает -

НО чем? - лишь истины корой. ("На коварство");

в) через использование антонимов при синтаксическом параллелизме частей.

II группа предложений связана с выражением несобственно-уступительной семантики. Это конструкции уступительно-сопоставительной разновидности, в которой уступительные отношения оказываются на втором плане, а ведущими становятся отношения сопоставления. Частотность данных конструкций связана с излюбленным принципом поэзии Державина - принципом контраста. Сопоставляются две сферы жизни, две модели поведения, две точки зрения. Эта разновидность предложений связана с непосредственным выражением авторской позиции.

Семантика модели такова: констатируя, допуская, признавая право на существование ситуацию придаточной части,

субъект высказывания предпочитает ситуации главной части (предлагает свою модель поведения). Значение предпочтения во II части коррелирует со значением безразличия в I части. Сопоставление идет по линии грамматических или логических субъектов предложения. В поэзии Державина в данном типе предложений не употребляются антонимы, а отношения контраста базируются на противопоставленности глубинных смыслов семантики частей в целом.

ПУСТЬ вожди в боях дерутся,
В думах баре брань ведут;
Алых уст ея коснуться -
Вся моя победа тут. ("Гитара")

Для исследуемого материала в равной мере характерно одиночное употребление союза-частицы "пусть. ., но...". Лексемы все равно, все же, все-таки; зато, выступающие в современном русском языке аналогами союза но в противительном комплексе форманта "пусть. ., но. "; в этой роли в поэзии Державина нами не отмечены.

Отсутствие формантов противительного комплекса восполняется лексико-грамматическим наполнением, синтаксическим параллелизмом частей, интонацией; многообразием используемых Державиным пунктуационных знаков. Части (чаще блоки полипредикативных структур) отделяются друг от друга точкой с запятой, тире, двоеточием, точкой.

Функционирование сложных предложений с "пусть" ("пускай") как категории экспрессивного синтаксиса обусловлено тем, что формант "пусть" ("пускай") выступает как актуализатор семантики придаточной части конструкции за счет обогащения коммуникативного пласта высказывания, внесения в предложение элемента волеизъявления субъекта. Использование предложений с "пусть" ("пускай") в плане усиления выразительности державинского текста связано также с организацией на основе данных конструкций больших синтаксических структур. Расширение предикативности идет как за счет подчинительной, так и за счет главной части. Аффектация достигается анафорическим построением фраз синтаксического периода.

Е.Ф.Киров (Казань)

ГЛУБИННО-РЕЛЯТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОДНОГО ЧЕТВЕРОСТИШИЯ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Наметим контуры синтеза квантовой теории фонемы Бодуэна и теории значимости Соссюра без устранения ментального представления о фонеме Бодуэна.

1. Следует исходить из двух взаимосвязанных объектов - языка общества и языка индивида (последний подразделяется на язык говорящего и язык слушающего).

2. Используя принцип парадигматики Н.В.Крушевского и Соссюра, следует принять, что языковые единицы, в том числе и фонемы, способны к изолированному представлению как в педагогической, так и коммуникативной ситуации в сильной позиции или позиции между паузами.

3. Интеллектуальная модель звукотипа - это ментальная фонема, звукопредставление (И.А.Бодуэн де Куртенэ), которое существует в идиолекте пользователя языком.

4. Ментальные фонемы, как и другие единицы языка, образуют системы, построенные на основании тождеств и различий (Ф.де Соссюр). Основание тождества или различия - это различительный признак фонемы или любой другой языковой единицы идиолекта. Из анализа систематики единиц идиолекта выводится корпус различительных признаков, которые понимаются как предельно верхние единицы идиолекта и предельно нижние единицы социолекта.

5. На базе релятивных РП, выведенных из соотношения единиц в системе, моделируется образ второй ступени абстракции - фонема языка как значимость или любая другая единица языка - лексема как единство значения и значимости, предложение как единство смысла и значимости. Такую методологию моделирования языковой единицы можно назвать квантово-реляционной. Для синтаксической иллюстрации рассмотрим четверостишие Г.Р.Державина из стихотворения "Властителям и судьям":

"Восстал всевышний Бог да судит
Земных богов во сонме их,
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?"

Ситуация высказывания может быть описана с точки зрения воображаемой логики Н.А.Васильева и семантики воображаемых миров Яако Хинтикки. В зависимости от подробности логико-семантической сети, с которой мы подойдем к анализу этого высказывания, можно выделить в нем разное количество пресуппозиций и как минимум три пропозиции: (1) 'Бог восстал, судит людей и утверждает' с глубинной структурой (qial A - PR1 - PR2 - PR3 - Pac PLUR), т.е.-актор- предикаты 1,2,3 - множественный пациенс; (2) 'Вы щадите неправедных и злых людей' (A - PR - Pac1PLUR - Pac2PLUR), т.е. актор - предикат - пациенсы 1,2 множественные; (3) 'Я осуждаю ваши действия' (A - PR - posO), т.е. актор - предикат - possessивный объект, сводимый к субстантивированной предикативности. Как видим, глубинная структура пропозиции (3) не совпадает с поверхностным уровнем предложения в вопросительном наклонении. Рассмотрение пропозиции (3) с точки зрения теории речевых актов приводит к локутивной парадигме: 1) вопрос на уровне локуции; 2) осуждение на уровне иллокуции;

3) запрет на уровне перлокуции.

Элементы глубинного уровня предложения (падежи Ч.Филлмора или синтаксические кванты Л.Теньера) представляют собой эквиваленты РП фонем и устанавливаются по аналогичной методологии. Анализ отрывка из Державина свидетельствует о большом мастерстве использования имплицитной информации глубинного уровня языка, свойственного поэту

Р.Б.Козлова, Л.К.Байрамова (Казань)

**ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ОДЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА
"К ПЕРВОМУ СОСЕДУ" И ЕЕ АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ
"TO A NEIGHBOUR"**

Исследователи отмечали, что основные изменения в направлении языковых контактов русского языка прослеживаются следующим образом:

- первая половина XVIII века характеризуется притоком в русскую лексику немецких слов, что было обусловлено политическим альянсом России с Австрией и господством при русском дворе авантюристов из различных германских княжеств;

- с середины XVIII века для русского языка наступил период галломании, что явилось следствием галломании в политике и общественной жизни дворянских кругов, для которых законодателем мод являлась Франция;

- с начала XX века происходит переориентация на языковые контакты с английским языком, чему способствует возрастание международного престижа Америки и ее роли как авангарда НТР.

В советский период развития русского литературного языка наиболее сильный приток английских слов ощущался в конце 20-х - 30-х годов, в начале 60-х годов, середине 70-х годов и в 90-е годы (Кононенко О.А., Крысин Л.П.).

Соглашаясь в целом с приведенной выше хронологическо-исторической классификацией заимствованных слов в русском языке, отметим, однако, некоторую условность ее. Действительно, "потоковое" заимствование происходит в приведенных выше рамках, а подготовка почвы к восприятию заимствованных слов, психологическая адаптация к ним наступает, видимо, намного раньше. Последнее обстоятельство связано с переводами. И один из многочисленных примеров тому английский перевод оды Г.Р.Державина "К первому соседу" - "To a neighbour" в переводе Дж. Бауринга (London, 1823).

Сравнение оригинала и его перевода показывает, что в обоих текстах имеются общая заимствованная лексика: ваза - англ. vase (из лат. vas - ваза, сосуд), вино - англ. wine (из лат. vinum - вино), роза - англ. rose (из лат. rosa - роза) и др.

В то же время в английском переводе представлена и такая лексика, которая в современном русском языке активно употребляется как иноязычная, но которая в "державинское" время не была еще заимствована. Ср. грот - англ. grot, у Державина - вертеп (от старославянского вѣртьпъ - пещера, сад): "В вертепе мраморном, прохладном..." - "In a cool grot..."; фонтан - англ. fountain, у Державина - "водоскат": "...В котором льется водоскат .", " whose fountain flow ..".

Таким образом, можно предположить, что перевод стал своего рода толчком к заимствованию определенной лексики, которое произошло позднее. Наряду с другими лингвистическими и экстралингвистическими факторами, перевод подготовил носителей русского языка к фонологическому и семантическому восприятию этой лексики. Так, в английском переводе только одной оды Г.Р.Державина можно назвать более 10 слов, которые позднее вошли в русский язык как заимствования: tent - тент, tone - тон, contribute - контрибуция, grot - грот, fountain - фонтан, bust - бюст, ecstasy - экстаз, display - дисплей, scene - сцена, meteor - метеор, storm - шторм и др.

С этой лексикой русские читатели английского перевода познакомились намного раньше, чем она пришла в русский язык. Некоторые из них и в английском языке претерпели семантические изменения и только после этого были заимствованы русским языком. Ср.: англ. display - русск. дисплей: 1) в переводе Дж.Бауринга: "...Of countless wealth a rich display" (букв. великолепный показ несчетного богатства); 2) в современном английском языке display - показ, демонстрация; выставка; выставление напоказ, хвастовство; выделение особым шрифтом (полигр.); воспроизводящее устройство; 3) в современном русском языке "дисплей" - электронное устройство с экраном для зрительного отображения вводимой алфавитно-цифровой информации.

Р.Э.Кульшарипова (Казань)

ЗВУКОВАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ
Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Исследования звуковой формы стиха показали, что понимание звуко-смысловых связей в поэтическом тексте важно для восприятия эмоционального подтекста произведения, семантизированной звукописи, поэтической техники автора, художественной компетенции читателя. Поэзия Г.Р.Державина для современных читателей не всегда понятна, образно информативна. Изучение поэтической формы стиха Г.Р.Державина не просто приблизит нас к его поэтической технике, раскроет перед нами тайны поэтического видения, воображения. Многие поэты серебряного века отмечали актуальность звуко-

вой формы стиха Державина в понимании поэтических ассоциаций. Попытаемся на анализе анакреонтической поэзии проследить за фонографической содержательностью стиха Державина.

Звуковой колорит стихотворения "Цыганская пляска", построенный на моделировании консонантно-вокалических блоков, соотношения низких-высоких звуков, способствует созданию особой тональности текста; семантизация звуковых структур работает на передачу страсти, вдохновения в танце. Фоника стихотворения "Распускающаяся роза" также небезынтересна для изучения поэтического стиля Державина; доминирование звуков высоких, семантические поля которых вызывают яркие ассоциации при виде цветка - царицы цветов, рождают в душе поэта, читателя трепетные, нежные чувства жизненной радости. "Водомет", "Кузнечик", "Лебедь" - в этих текстах семантизация звуковых повторов, ресурсов фоностилистики русского стиха достигла своих вершин; изучение звуковой изобразительности поэтической техники Державина прекрасно передает тот приподнятый, возвышенно-торжественный настрой жизненной силы поэта. Систематизируя элементы звуковой изобразительности текста, мы должны отметить, что секрет поэтического мастерства Державина в том, что он весьма тонко, скрыто относился к возможностям использования звука (об этом говорят редакции и варианты текстов) для воссоздания того поэтического мира, основные мотивы которого - земные радости, любовь.

Поэтические символы стихотворений Державина этого цикла требуют активного понимания как эстетического содержания текста, так и участия в концептуально-художественной информации; поэтому семантизация звуковой формы обретает зачастую особую рельефность и может быть использована как ключ поэтического кода автора, так и шифр, декодируя который мы постигаем тайны поэтических символов Державина: это семиотика текста, фонографические структуры, их расположение в рамках строки, стилистика знаков препинания.

С.П. Лопушанская, Н.А. Тупикова (Волгоград)
**ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
В ПОЭЗИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА**

Выявление оригинальных приемов художественного воплощения действительности реформаторами русской литературы актуально для решения проблемы литературно-языковой преемственности в общей многовековой истории русского литературного языка и в значительной степени способствует углублению представлений о процессе формирования языковой нормы.

Новое поэтическое мышление, естественность выражения

личностных чувств и ориентация на народно-поэтические традиции повествования связаны с именем и деятельностью Г.Р.Державина, в творчестве которого был реализован отказ от привычных жанровых и стилистических стереотипов. Смысловой доминантой поэтического текста становилась неповторимая индивидуальность человека во всем богатстве его собственных пристрастий, своеобразие восприятия мира, приверженность нравственным ценностям.

В докладе показано, как трансформация традиций создания целостного текста обуславливала изменение основных принципов отбора и организации языковых средств, что нашло выражение в обновлении содержания, стиля, привычной системы образов, в преодолении штампов поэтической речи.

Использование глагольной лексики в лирике Г.Р.Державина, как показал анализ материала, отражает умение писателя вести изложение в нескольких содержательных планах, а это способствует созданию необычной для канонов классицизма смысловой доминанты художественного текста.

Сопоставление традиционных контекстов (гедонистическая, утверждающая наслаждение в качестве высшего блага жизни, нравственно-философская, панегирическая направленность) с контекстами, воспроизводящими простоту авторского самовыражения (непосредственное, красочное описание обычных предметов воспринимаемого мира и окружающей действительности как источника, достойного вдохновения), позволило выявить различную текстообразующую функцию глагольных словоформ.

Соотнесение модальных планов высказывания и лексико-стилистической характеристики глаголов дало возможность обнаружить способы создания как единой эмоционально-эстетической окрашенности контекста, так и его стилистической "двуплановости" в условиях свободного использования простонародных выражений в высокой по тематике и жанру поэзии.

Установлено, что одним из средств создания смысловой доминанты различных контекстов являются глагольные словоформы, которые в наборе с другими единицами языка способны выражать степень участия субъекта действия в описываемых событиях, степень его активности (см. об этом: С.П.Лопушанская. Развитие и функционирование древнерусского глагола. - Волгоград, 1990. - С.95 и сл.). Рассмотрены возможности глагольных словоформ синтезировать действия субъектов различной степени активности, входя в разнообразные функциональные парадигмы; реализовать свой семантический потенциал полностью либо частично в зависимости от словесного развертывания темы художественного описания, особенно в позднем творчестве Г.Р.Державина.

Анализ системных связей, возникающих как результат фун-

кционирования лексем в тексте и не свойственных им на уровне парадигматики, позволил определить позиции "двойной актуализации", совмещение прямого и переносного, конкретного и обобщенного значений в словоформе, порождающее богатство ассоциаций, смыслов, оттенков, необходимых автору для противопоставления оптимистически-светлых, хвалебных, торжественных тонов и саркастически-льстивых, конкретных, бытовых характеристик (см.: Н.А.Тупикова. Функции глагольной лексики в форме инфинитива в русской демократической публицистике середины XIX в. - Торунь, 1988. - С.73 и сл.). Выявлены принципы комбинаторного соотношения функций воздействия и сообщения в одах Г.Р.Державина, которые впоследствии были обогащены и развиты в русской литературе, в различных функциональных стилях русского литературного языка.

В докладе подробно охарактеризованы случаи обогащения смысловой структуры глагольной словоформы под влиянием личных, временных, модальных значений, как эксплицитованных, так и выраженных имплицитно, с целью изменения функциональной нагрузки ключевых компонентов смысловой доминанты одического или лирического стихотворений. Определены индивидуально-авторские приемы разрушения канонов жанра оды и утверждения "малых жанров" в качестве равноправных в русской поэзии.

В.М.Марков (Ижевск)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗНОВРЕМЕННЫХ РЕДАКЦИЙ СТИХОТВОРЕНИЙ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

1. Задача данного сообщения заключается в том, чтобы, основываясь на гrotовском издании сочинений Державина, выявить важнейшие варианты, обусловленные правкой текста, обнаружить определенные речевые установки, которые могут иметь какое-то историко-лингвистическое значение.

2. Говоря о лексических заменах, мы обнаруживаем две тенденции, соответствующие позднее устоявшейся норме. С одной стороны, устраняются заведомые поэтизмы, с другой - диалектные и просторечные слова, не отвечающие требованиям жанра. Вместо ЯКО используются КАК БЫ, вместо ГРЯДИТЕ - ПРИЙДИТЕ и т.д., а также вместо ТАУРИТ ВЗОРЫ - НАХМУРИЛ БРОВИ, вместо СТРУСИТЬ - РОБЕТЬ и т.д.

3. Исследованный материал позволяет обнаружить значительный ряд исправлений, касающихся словообразовательных форм. Все отмеченные замены отражают становление того, что представлено в современном русском литературном языке: вместо раннего СИНЕТА находим СИНЕВА, вместо ЖНЕЯ - ЖНИЦА, вместо ПОТУХЛЫЙ - ПОТУХШИЙ, вместо ПРЕРЫВЧИВЫЙ - ПРЕРЫВЧАТЫЙ и т.д. Общее направление

указанных замен характерно и для рассмотренных грамматических форм.

4. Исправления, касающиеся форм именного склонения, представляют отдельные свидетельства все большего распространения номинативного окончания -А (ЛУГА вместо первоначального ЛУГИ), отмирания генитивного окончания -ЕВ в формах существительных среднего и женского рода с основой на йот (ТОМЛЕНИЕВ - ТОМЛЕНИЙ, СТИХИЕВ - СТИХИЙ), сокращения области употребления генитивного окончания -У (СТРАХА вместо первоначального СТРАХУ) и т. д. Местоимения обращают на себя внимание случаями устранения архаических форм МЯ и ТЯ, а также единичными случаями замены СЕЙ и ЭТОТ.

5. Для глагола характерно полное устранение инфинитива на -ТИ, ограничение употребления деепричастий на -А от глаголов совершенного вида, а также исправления, касающиеся глагольного (предложного и беспредложного) управления. Любопытна замена предлога У при обозначении непосредственной близости к одушевленному предмету: ВОЗДРЕМЛЕТ У ТЕБЯ, но - ВОЗДРЕМЛЕТ БЛИЗ ТЕБЯ.

6. Рассмотренные варианты и разночтения показывают нам, как удивительно чутко улавливает Державин те живые языковые тенденции, которые характерны для конца XVIII - начала XIX века. Последнее прижизненное издание 1808 года, положенное Я.К.Гротом в основу его публикаций, несет на себе следы самой тщательной, самой придирчивой правки, находящейся в прямом соответствии с формирующейся пушкинской нормой. То немного, что сказано выше, в какой-то степени пополняет наши знания относительно преемственности и творческой близости двух великих поэтов.

Г.А.Николаев (Казань)

ДЕРЖАВИН - ПУШКИН: ПОЭТИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ (ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Отзвуки державинской поэзии исследователи отмечают в творчестве А.С.Пушкина от первых его поэтических опытов ("Воспоминания в Царском Селе") до зрелых шедевров ("Памятник"). Если в ранних произведениях эти реминисценции отражают скорее влияние великого предшественника на становление творческой манеры юного Пушкина, то в его поздних творениях они используются для возможности сопоставления (и противопоставления) их идейной наполненности.

По замечанию В.В.Виноградова, реминисценции из державинского стиля в пушкинской поэзии даются обычно через поэтические формулы, выработанные Батюшковым и Жуковским (В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, С.124). Это хорошо видно на примере стихотворений о Кавказе: держа-

винский образ низвергающихся со страшных гор "в мрак бездн сердитых рек", "рождения молний и громов", которые наблюдатель видит "во мгле спокойно под собою" ("На возвращение графа Зубова из Персии"), трансформируется через образную систему Жуковского ("К Воейкову") - "Утесов мощные громады, Бегущи с ревом водопады Во мрак пучин с гранитных скал" - в известный пушкинский "Кавказ ПОДО МНОЮ", "Отселе я вижу потоков рожденье И первое грозных обвалов движенье. Здесь тучи смиренно идут ПОДО МНОЙ; Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады; Под ними утесов нагие громады" (ср.. К.Н.Григорьян. Пушкинская элегия. Л.,1990,С.178 -183). Пушкин усиливает этот образ ("ПОДО мною.., стою НАД снегами.., со мной НАРАВНЕ") и развивает его в реалистической манере.

Реминисценции из поэзии Державина (отдельные поэтические образы, стилистические тропы и фигуры, поэтическая фразеология, аллитерация и т.п.) могли проявляться в творчестве Пушкина и непосредственно. Примером этого могут служить художественно-образные параллели в стихотворении Державина "На выздоровление Мецената" и в пушкинском "Вадиме", написанных одним размером - четырехстопным ямбом:

Кровавая луна блистала
 Чрез покровенный ночью лес,
 На море мрачном простирапа
 Столбом багровый свет с небес,
 По огненным зыбям мелькая.

(Державин)

Свод неба мраком обложился;
 В волнах Варяжских пунный луч,
 Сверкая меж вечерних туч,
 Столпом неровным отразился.

(Пушкин)

Реминисценции видны здесь невооруженным глазом: Пушкин использует державинский образ отражения "столбом" луны в морских водах. Параллелизм наблюдается и в дальнейшем сюжетном развитии: 1) лодка в море (Д.: "Я видел, в лодке некто плыл", П.: "Но вот по темной глубине Стремится белое ветрило"); 2) старик в лодке (Д.: "На брег из лодки вылезает Старик угрюмый и седой"; П.: "Плывут... "Причаливай, старик! К утесу правь"); 3) описание непогоды (Д.: "...и лес завыл; Из бездн восстали пенны горы"; П.: "...мятежный бьется вал И пена плещет; сосны с шумом Качают старые главы"); 4) успокоение погоды (Д.: "Утих шум рощ, умолк рев водный"; П.: "Все тихо: море почивает", "брега в покое"); 5) утро (Д. "Но вдруг средь облака златого На крыльях утренней зари..."; П.: "На полусветлый небосклон Восходит утро золотое") и др.

С нашей точки зрения, эти стилистические (внешние) реминисценции вызваны "идейной" (внутренней) связью стихотворений: образ моря (реки), служащий в поэтике предромантизма и романтизма идее разделения земной и загробной жизни,

использован Державиным для создания мистико-символической картины перевозки стариком Хароном умерших душ в загробный мир. В художественной системе пушкинского "Вадима" этот образ, не утрачивая символического значения, наполняется реальным содержанием: Вадима перевозит через реальное море реальный старик, но герой, по преданию, через некоторое время падет от руки Рюрика. Эта связь поддерживается и языковой реминисценцией (Д.: "Богач и нищ, рабы с царями, Все равно оставляют свет"; П.: "Все мертво...нет гостей веселых, Застольны чаши не гремят"). В докладе рассматриваются и другие поэтические параллели этих двух произведений.

Т.М.Николаева (Казань)

НОВОЕ В ЯЗЫКЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ОДЫ

Вероятно, можно говорить о том, что Г.Р.Державин выдвинул новый критерий отбора языковых средств: совмещение "высокого" и "низкого" в одном произведении при условии сохранения каждым из них своих стилистических свойств: высокая тема - высокая лексика. Этот принцип остается неизменным, хотя реализуется по-разному. "Итак, гимн или ода заимствуют свое наречие, свои краски, свою силу от воспеваемого ими предмета, но никогда площадных или простонародных слов себе не дозволяют, разве в таком роде будут писаны" (Г.Р.Державин. Сочинения, изд.2, Спб, 1878, т.VII, С.536). "В таком роде" Г.Р.Державин писал оды не всегда. Большинство их выдержано в одной стилистической тональности, что определяется их единым содержанием: отвлеченно-философские и морально-этические оды - "На смерть князя Мещерского", "Водопад", "На смерть графини Румянцевой", "Бог" последовательно выдержаны в традициях высокого стиля.

Анализ языка политически острых, общественно-злободневных, обличающих од: "Фелица", "На счастье" - убеждает в том, что в них представлена вся атрибутика низкого стиля: фамильярно-просторечные слова и выражения: "рожи", "тузят", "лажу", "понадули пузы", "и в грош не ставлю никого", "и так и сяк"; элементы фольклора: "Нельзя ни в сказках рассказать, Ни написать пером красивее"; употребление тех глаголов в страдательном значении, которые, по Ломоносовским указаниям, "сего отнюдь не терпят" ("Российская грамматика", параграф 506): "ищуся", "рассердился", "сражалось"; формы деепричастий на -учи, -ючи от лексем высокого слога: "блистаючи", "побеждаючи", "являючи"; просторечные формы: "в пламе", "от бремя дел", "сын время"; недопустимые в высоком стиле формы родительного падежа от существительных среднего и женского рода: "здани-

ев", "стихийев", "фуриев", "кикиморов"; разговорные формы числительных: "на сорок двух стопах" и др.

С другой стороны, традиции высокого стиля поддерживают церковнославянизмы: "престать", "вратиться", "зреть", "ночь"; формы причастий типа "седающ"; архаичные прилагательные: "живый" и сложные эпитеты: "лучезарное", "великодушная"; дательный самостоятельный: "владеющим твоим перстом", инверсионное построение фраз.

Столкновение разностильных лексических пластов и грамматических форм послужило основанием для утверждений о разрушении стилистической теории М.В.Ломоносова, о снижении высокого слога, приспособлении его к нормам разговорного языка.

Безусловно, подобное совмещение нарушает одно из требований классической оды - ее стилистическую однотонность и замкнутость. Однако более пристальное изучение материала приводит к мысли о том, что использование различных стилистически маркированных средств, как и разной степени экспрессивности, обусловлено неоднородностью содержания оды, ее тематики, благодаря чему переход от высокого стиля к низкому подчас оказывается возможным в пределах одного текста. Так, в "Фелице" восхваление "богоподобной царицы" изобилует такими сочетаниями, как: "мудрость несравненна", "добродетель обитает", "укрощать страстей волнение", "прошу великого пророка", "праха ног твоих коснусь". Слог оды меняется, когда автор осмеивает вельмож: "то ею в голове ищуся", "то с ней на голубятню лажу", "то в жмурки резвимся порой", обличает порядки, господствовавшие при предыдущем царствовании: "вельможи въявь им не хочут и сажей не марают рож", создает картинку жизни Фелицы или описывает свое времяпрепровождение: "почасту ходишь ты пешком", "сидя дома, я прокажу, играю в дураки с женой". Использование бытового просторечия модифицирует язык, придает ему образность, экспрессивность.

На основании проведенных наблюдений можно сделать вывод о том, что благодаря Г.Р.Державину изменилась тематика ломоносовской оды - традиционного жанра классицизма, следствием чего стало нарушение некоторых правил теории "трех стилей". Однако это отнюдь не означало разложения, ниспровержения стилистической системы в целом, т.к. Г.Р.Державин использовал языковые средства в четком соответствии с содержанием, а это означает, что автор не выходил за рамки традиционных предписаний "трихотомии".

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В ПОЭЗИИ ДЕРЖАВИНА (ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ)

1. Во второй половине XVIII в. повышается интерес к личности, к духовной жизни человека. Многие поэты размышляют об истинном предназначении человека. В творческом наследии Г.Р.Державина гражданские стихи занимают большое место. Поэт славит прежде всего дела человека, а не знатность, не "породу" В представлении Державина истинный гражданин подчиняется общественному долгу. Державин поэтизирует мораль деятельной жизни, подвига, мужества. Вместе с тем поэт привлекает внутренний мир человека, его психический склад, те душевные качества, которые даны человеку природой и впоследствии формируют его как гражданина.

2. В поэтическом языке Державина можно выделить два тематических поля "общественное" и "личное", которые, тесно переплетаясь, дают представление о нравственном идеале поэта. Каждое из этих полей представлено, главным образом, предметно-атрибутивно. Существительные, за исключением имен лиц, являются абстрактными как производными, так и непроизводными. Следует отметить, что в поле "общественное" преобладают непроизводные существительные (ср.: закон, правда, слава, истина, польза и др.), а в поле "личное" группируются производные имена существительные со значением отвлеченного качества, свойства, признака (ср.: добродетель, премудрость, непорочность, благородство, честность, умеренность, искренность, милосердие, чистосердечье и др.).

3. Субstantивы в поле "общественное" послужили производящей базой для адъективов этого поля, напр.: правда - правдивый, польза - полезный и др. В тематическом поле "личное" наблюдаем: адъективы выступают в качестве производящих основ субstantивов, напр.: умеренный - умеренность, милосердный - милосердие, щедрый-щедрота, мудрый-мудрость и др. Образуется, таким образом, двойной ряд предмет - признак, что способствует наиболее полному выражению оценочной характеристики.

4. Как известно, Державин в своих стихотворениях активно использовал эпитеты, которые помогли ему передать цветное ощущение мира. Традиционно этот художественный прием встречается при описании природы, быта человека. Но в одном из стихотворений ("Альбаум", 1808) мы наблюдаем цветное видение (каждый цвет - определенный символ) свойств, качеств, деяний человека. Мы листаем альбом, в котором каждая страница имеет свой цвет и соответствующее свойство, состояние человека: желтый - надменность, синий - скупость, белый - вера, любовь, добродетель, последнее слово является наиболее часто употребляемым для выраже-

ния идеала человека в поэзии Державина, именно в этом слове соединяются "общественное" и "личное": ДОБРОДЕТЕЛЬ - "положительное нравственное качество, высокая нравственность", добро, которое отдают людям. В еще более позднем стихотворении поэта читаем:

...я жил, сколь мог, для общего добра.

(На гробы рода Державиных в Казанской губернии и уезде, в селе Егорьеве, 1810).

З.А.Пахолук (Луцк)

КОНТАКТНЫЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

В поэтической системе Г.Р.Державина наряду с различными повторениями звуков по их качеству (ассонанс, аллитерация, повтор звуко сочетаний) и по месту (анафора, единоначалие, эпифора, концовка, кольцо, стык) широко использовался контактный лексический повтор, который состоял в повторении слова без изменения в начале строки. Поэт применял контактный лексический повтор как ритмико-организующее средство, с помощью которого выделялось главное, наиболее существенное.

Стилистический способ усиления экспрессивной и эмоциональной нагрузки слова с помощью контактного лексического повтора характерен для таких самостоятельных и служебных частей речи: имени существительного, имени прилагательного, местоимения, глагола, наречия и частицы.

Повторение имен существительных тесно связано с природой побудительной модальности, когда сам факт удвоения способствует категоричности побуждения.

Повторение качественных имен прилагательных в полной (реже краткой) форме, обозначающих признак предмета, его качество, использовалось поэтом для выражения субъективно-оценочного значения высшей степени качества.

Повторение местоимений, определительных и обстоятельственных наречий и частиц передает усиление значения, выраженного исходной единицей.

Самыми многочисленными являются повторения глаголов. Они передают значение способа действия в изъявительном наклонении - длительность, непрерывность процесса или интенсивность. В повелительном наклонении повторение обозначает категоричность, обязательность, побуждение к продолжению действия и используется для настойчивого приказа. Основными семантическими группами глаголов, которые повторяются, являются глаголы физического состояния, движения, звучания и проявления речи.

ГРАММАТИКА ПОЭЗИИ ДЕРЖАВИНА (ГЛАГОЛ)

1. Лингвистический анализ поэтического текста предполагает рассмотрение в нем семантико-стилистических функций лексико-грамматических классов и разрядов слов, грамматических категорий и форм. Как и в общем языке, в системе поэтического текста основную роль играют три лексико-грамматических класса, обозначающих предмет, качество, действие, - существительные, прилагательные, глаголы. Наиболее изученными в языке поэзии являются имена прилагательные - эпитеты. Известна оценка А.Н.Веселовского роли эпитета в поэзии: "Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании, то это не будет преувеличением" [Веселовский А.Н., Историческая поэтика. - Л., 1940. - С.73]. Не оспаривая эту очевидную истину, отметим, что своеобразие поэтического стиля в значительной мере определяется не только эпитетами-прилагательными, но и другими лексико-грамматическими разрядами, и глагол играет в этом не последнюю роль.

2. Удельный вес глаголов в поэзии Державина очень значителен. Стих Державина в высшей степени динамичен, и динамика его связана с широким включением в ткань стиха глаголов. Пейзаж Державина полон движения, он редко бывает статичен, причем обычны в таком пейзаже наиболее ярко и полно выражающие идею движения формы настоящего времени несовершенного вида ("крылаты кони летят и рассекают мрак", "бегут толпами тени черны", степи "струятся, седым волнуясь ковылем", "тучи журавлей стадятся").

3. Чувственная картина мира выражается в поэзии Державина глаголами, связанными с зрительными, звуковыми, обонятельными представлениями ("в дали начнет синеться лес", "ковыль сребрится по степям", "гремели струны", "рой жуужающих пчел вокруг", "надгробные там воют клики", "благоухают травы").

4. В систему эпитетов Державина широко включаются неспрягаемые глагольные формы - причастия, передающие идею непрерывности движения, изменчивость пейзажа, чувств, переживаний лирического героя. Обращает внимание большое число действительных причастий настоящего времени, отличающихся особенно сильной процессуальностью ("ангелов поющих лик", "источник,... текущий с горной высоты", "драхлеющая вселенная").

5. С коммуникативным аспектом поэзии Державина связано прямое обращение автора к читателю. Ср. глагольные формы повелительного наклонения, 2-го лица единственного числа, 1-го лица множественного числа. Этим достигается эффект доверительности, близости автора к читателю-собесед-

нику ("подай, Фелица! наставлень", "кого толь славно угощаешь, и для кого ты расточаешь сокровищи казны твоей?", "скользим мы бездны на краю, в которую стремглав свалимся").

6. Новаторские художественные приемы Державина органически сочетаются с традиционными. Приметы высокого стиля находят свое выражение в церковнославянских и книжнославянских глаголах и глагольных формах ("создавший все единым словом", "он сильны Орды пхнул ногой", "мир дарует царствам", "огонь очаковские стены жрет"), в применении книжно-славянских словообразовательных моделей (глаголы с приставками из-, низ-, воз-: "изшвенны на одеждах рясны", "взор низводит", "лучи златые низпустились", "возтрепещи, Мурза несчастный", "возкипела бранна кровь").

С.И.Снопкова (Казань)

ГЛАГОЛЬНЫЕ РАРИТЕТЫ В ПОЭЗИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

С именем Г.Р.Державина связано становление не только русской литературы, но и русского литературного языка. Творивший на рубеже двух эпох, поэт явился своеобразным связующим звеном между эпохой классицизма времен Ломоносова и эпохой реалистического направления в литературе, эпохой Пушкина ("Старик Державин нас заметил..."). В поэзии Державина органически сливается возвышенный одический стиль и живая разговорная, диалектная речь и просторечие.
Ср.:

В ЗЛАТОМ СОСУДЕ сок врачевный,

КРОПЯ тебя, РЕКЛО: будь здоров!

("На выздоровление мецената")

Цветочные венки пастух пастушке вьет,

А мы на них и ПЯЛИМ взоры.

("Жизнь Званская").

С точки зрения современного состояния языка многое в поэзии Державина осознается как архаичное, раритетное, в том числе и в глагольной лексике. Среди глагольных раритетов находим архаичные лексемы (чаять, минуть, лобзать и под.), диалектизмы (В садах; бывало, средь прохлад И жены с нами КУЛИКАЮТ), просторечные слова (Тут кофе два глотка, СХРАПНУ минут пяток), авторские новообразования (ФРАНЦУЗИТЬ нам перестать пора, Но Русь любить...).

Однако наибольший интерес представляют раритетные глагольные формы. Мы не ставим своей задачей установить происхождение этих форм (причины могут быть разные: закон рифмы, стилистическая заданность и т.д.). Важен сам факт возможности образования необычных с точки зрения современного сознания форм. К таким раритетным глагольным

формам можно отнести, например: возвратные глаголы в необычном для них страдательном значении:

И звезды СОКРУШАТСЯ,
И солнца ею ПОТУШАТСЯ.

("На смерть князя Мещерского").

Характерно употребление возвратных глаголов с постфиксом -СЯ, вместо -Сь, что обусловлено влиянием диалектной речи и просторечия. Ср.:

Я ПРОЩАЮСЯ с тобой,
ОБЛИВАЯСЯ слезами...

("Разлука").

С точки зрения современного русского языка нормой считается употребление этих глаголов с постфиксом -Сь (прощаюсь, обливаюсь).

Необычны в ряде случаев формы причастия, деепричастия, личные глагольные формы, формы времени, наклонения, вида. Ср.:

И мнится мне, кричат долины, реки, холмы,
Каким огнем мой дух и чувства ЖЕГОМЫ.

("Задумчивость");

Чтоб шел, природой лишь ВОДИМ...

("Тончию");

...МЕЩЕТ яхонтные взоры.,

Тихий свет и огонь живой

ПРОНИЦАЕТ тверды горы...

("Портрет Варюши");

Сизы, юные дельфины,

ОБЛЕЛСЯ табуном...

("Рождение красоты") и т.д.

"Пестрое смешение форм" (В.В.Виноградов), необычное их образование - все это свидетельствует не только о переходном этапе в развитии русского литературного языка времен Державина, но и своеобразных потенциях глагольного слова, которые в современном русском языке наших дней или утрачены, или еще не востребованы языком, и, возможно, придет время, когда они вернуться в нашу речь и не будут осознаваться как "раритеты". В любом случае заслуга Державина заключается в том, что он показал все многообразие и богатство языковых форм и возможностей их использования даже, если зачастую их "не сыщешь ни в каком словаре" (Н.В.Гоголь).

Т.П.Трошкина (Казань)

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ЛИРИКЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

В двуединстве язык писателя - литературный язык (язык Державина - литературный язык XVIII века) одинаково интересны обе формы отношения: то, что писатель берет из ли-

тературного языка, и то, что может дать последнему, т.е. как воздействует на общий литературный язык.

Лирику Державина (включая все жанры) с известной долей условности можно назвать "разностильной", не следующей жанровому закону, что доказывает также соотношение в ней производных и производных языковых единиц, в том числе и прилагательных.

Лирика Державина воплощает все возможности, представленные в русском языке XVIII века, что достаточно ярко прослеживается на примере прилагательных. Имена прилагательные демонстрируют единство противоположных тенденций в языке XVIII века, совмещая черты "славянского" и "русского" начал, и показывают взаимодействие этих начал как в разных жанрах, так и в пределах одного жанра (нередко в одном и том же произведении: золотые дни - золотые дни, "К лире", золотые волосы - золотые ризы, "Царь-девица").

Все основные темы и мотивы творчества Державина находят свое выражение в эпитете. Большинство слов новой семантики - эпитеты, прилагательные, они отличаются особым лексико-семантическим составом, особой стилистикой и экспрессией, поскольку темы произведений Державина получили новое звучание, где говорится не о родовых сущностях в категориях прежнего классического искусства, а об отдельных конкретных и единичных фактах окружающей действительности, определяемых его чувственными признаками, признаками цвета, формы, мгновенного впечатления.

В произведениях Державина отмечены новообразования, которые выдержали проверку временем: купольный, несовратимый, хватский, школярный и др.

В.Г.Фатхутдинова (Казань)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ПОЭЗИИ ДЕРЖАВИНА

1. Как известно, в языке и стиле поэзии Г.Р.Державина нашли отражение основные правила, нормы, условности господствующих в то время литературно-эстетических направлений - классицизма и нарождающегося на рубеже XVIII - XIX веков сентиментализма. Но Державин известен нам и как своего рода "разрушитель" традиционного слога: "для выражения своей поэтической мысли обращается с языком самовластно" (Я.К.Грот); "творит свободно, непринужденно и не на заданную тему" (В.Истомин). Уже во второй половине XIX века ряд литературных критиков и языковедов довольно резко отзывались о языке и стиле державинской эпохи: "слог, слышший недавно высоким, в наибольшей части случаев был в сущности напыщенный, высокопарный слог, которого законность уже опровергнута и теоретически и практически"

(В.Классовский. Стилистика. СПб.1866). В.Истомин определял "Главнейшие особенности языка и слога произведений М.М.Хераскова, А.П.Сумарокова и Императрицы Екатерины II" (Варшава, 1898) как "испорченный ломоносовский язык высокого штиля", называя его также в других своих работах "ложноклассицистическим".

2. Поэтический стиль Державина включает в себя "довольно значительный подбор слов вновь составленных" (В.Истомин, 1893), что сегодня мы называем индивидуально-авторскими неологизмами или окказионализмами. Наряду со значительным пластом имен существительных (приятство, улыбанье, отличность, безначальство, безнравье), отвлеченная семантика которых способствует их стилистической дифференциации, особый поэтический образ в одах и лирических стихотворениях Державина создают сложные прилагательные, выполняющие роль очень ярких и величественных эпитетов. Одной из причин появления окказиональных определений служит "всегдашнее превосходство мысли над средством словесного выражения" (В.Классовский), что без тени сомнения можно отнести и к языку Державина. Обычно в основе такого рода эпитетов лежит сравнительная семантика: агатовоокая дева (Полигимнии) - очи как агаты, ср. солнцеокой осетр (Фонарь); снеobleщущи власы (Шествие по Волхову Российской Амфитриты) - блещущий как снег, ср. снегоподобная рука (К Н.А.Львову); глас тихострунный (К Лире); олень роговетвистый (Утро). Следует признать, что многие из этих определений довольно тяжеловесны и неудобопроизносимы: стальночешуйчатый, серпокогистый (Персей и Андромеда), а семантика уподобления некоторых вообще вызывает сомнения - орехокурчаты власы (Явление). Довольно просты эпитеты с сочинительной связью: милосизая птичка (Ласточка) - милая и сизая, глубокоумудрый взор (Явление) и др.

3. Новаторство Державина в области глагольного словообразования проявилось прежде всего, как нам кажется, в сфере употребления глаголов с префиксами воз-/вос-, вз-/вс-. Использование в поэзии этих номинаций - прежде всего дань церковно-книжной традиции русской литературы. Глаголы с префиксами воз- и вз- являются в большей части старославянизмами и придают речи стилистически приподнятый, патетический тон. В текстах од и лирических стихотворений Державина можно встретить как новые индивидуально-авторские образования с этими префиксами, так и специфическое контекстное употребление уже известных, например, вспляшет младость, вострубит богатство (Альбаум), "ничто им путь не воспящает" (Взятие Измаила), "дым воскурился, алый луч восколебался" (Утро), "все крылами всплескали" (На рождение в севере порфиородного отрока). Державин не ограничива-

ет употребление такого типа глаголов рамками высокого стиля, довольно часто одни и те же лексемы используются как в величаво-торжественном, так и в обычном разговорном стиле речи, например: "светил возжженных миллионы" (Бог), ср. "в мороз каминны возжигает" и "возжгу куреньи благо-вонны" (На счастье).

4. Глаголы с префиксами воз- и вз-, будь то лексемы, свободно заменяемые синонимическими конструкциями с префиксом за (семантика начала действия): "Екатерина возрыдала" (Водопад) - зарыдала, или же со значением результативности: "воспой же бессмертие, лира" (Ласточка), несут в себе символический смысл движения вверх, знаковую символику "вертикали". Причем под этим "верхом" подразумевается какая-либо нравственная, идеальная субстанция, величие души, возвышенность, красота, высший суд и высший разум, олицетворением чего является сам Бог. При этом словообразовательные структуры представляют собой яркие стилистические вкрапления и как нельзя лучше способствуют иллюстрации той или иной мысли поэта: "я милость воспою и возгласу хвалу я Богу" (Праведный судья). Безусловно, глаголы воспеть, возгласить, воссесть, взнестись, возвысить (ся) не являются результатом словотворчества автора, но употребление их в "вертикальном контексте" является ярким стилистическим приемом: "велит - я возвышаюсь, речет - я понижаюсь" (Фонарь); ср. также "как роса взнесись, ... как зефир спустишь" (Любителю художеств).

К.К. Филиппенко (Казань)

ТРИХОТОМИЧНОСТЬ СИНТАКСИСА СТИХОВ

Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Трихотомичность синтаксиса русского языка очевидна. Предложения с несколькими главными членами не могут быть причислены к простым ни в семантическом, ни в структурном, ни в функциональном отношении. Относим их к составным на трихотомической оси всех предложенческих структур: простое - составное - сложное.

Обе разновидности составных предложений - односоставные предложения с несколькими сказуемыми и многосубъектные предложения с одним или несколькими сказуемыми - широко представлены в стихах Г.Р. Державина (Что первый я дерзнул в забавном русском слоге О добродетелях Фелицы возгласить, В сердечной простоте беседовать о боге И истину царям с улыбкой говорить. Памятник. ...Ни зависть потаенным вздохом, Ни гордость громогласным смехом Не жмут, не гонят со двора. К Н.А. Львову).

Частотность составных предложений в стихах Г.Р. Державина так высока, что есть стихи, где половину стихотворного

пространства занимают составные предложения. Так, в стихотворении "Любушка" - 25 строчек. 12 из них - составные предложения.

Среди трех типов предложений - простых, составных и сложных - составное предложение - наиболее компактная единица, описывающая богатый набор реалий. У Державина составное предложение передает нередко целый сюжет (... Зеркалом в уборной только Быть у Любушки моей: Чтоб она с умильным взором Обращалась ко мне. Иль бы, сделавшись водою, Я ей тело омывал; Вдруг монистою златою Руки блеском украшал; В виде благовонной мази Умачал бы ей волосы, На грудях в цветочной вязи, Оттеняя ее красы. Любушка).

В пользу утверждения о трихотомичности, а не дихотомичности синтаксиса говорит сопоставление предложений простых, составных и сложных по денотативному, смысловому, структурному и функциональному объему.

Составное предложение перекрывает денотативное содержание простого предложения, равного иногда по набору денотатов сложному предложению (Ср.: Как за серебряной плотицей Линь златой по дну бежит... Параше. Предложение простое, денотативно - 1 действующее лицо; ...кричат долины, реки, холмы. Задумчивость. - предложение составное, денотативно - 3 действующих лица; Веселье коль прошло, грусть обладает нами, Зол внутренних печать на взорах всякий чет - Задумчивость. Предложение - сложное - 3 действующих лица).

Семантически составное предложение универсально, оно может отразить всю палитру сочинительных и подчинительных отношений (см. книгу К.К.Филиппенко "Односубъектные предложения с несколькими сказуемыми". Казань, 1985). У Державина преобладают сочинительные отношения в предикатном ряду, современный же материал указывает на синтетический характер семантики составных предложений. В простом и сложном предложении субъект простой, т. е. он характеризуется со стороны одного действия или признака, субъект же составного предложения может быть сложным, т.е. не одномерным, характеризующимся со стороны действия и признака одновременно. Такая логическая плотность составных предложений отмечается в стихах Державина (Ты чист и восхищаешь взоры, ты быстр и утешаешь слух... Ключ).

Структурный и номинативный минимум составных предложений также оригинален. Не загружая предложение неконструктивными членами, Державин создает стихи при минимуме второстепенных членов (...Пусть сидели бы и пели, Вили гнезда и свистели, Выводили и птенцов; Никогда б я не сгибался, Вечно ими любовался, Был счастливей всех сучков. Шуточ-

ное желание). Именно энергетика предикатного ряда заставляет стихи литься. Время рваной поэзии ещё далеко. В структурном отношении показательна длина предикатного ряда. Державин чаще использует ряд средней кратности (Щипли ж веселие сердечно С тех роз, на кои мы глядим; Красуясь для сего благим, Пей чашу радости теперь; Не льстись горами золотыми и будущему дню не верь. Не во-рожби).

Темперамент стиха определяется во многом и бессоюзным нанизыванием компонентов ряда, последний из которых присоединяется одним из эталонных союзов, чаще союзом и.

Функция составных предложений - это полное отражение действительности менее громоздкими средствами, чем в случае использования сложных предложений, передать все средствами одной структурной схемы, хотя и расширенной, а не через соотношение ряда структурных схем. Актуальное и в XVIII веке, это средство становится необходимым сейчас, когда ценится экономность в речи. Задействованность именно этих типов предложений обеспечивает поэзии Державина большую контактность с читателем (...Приди от дел попрохладиться, Поеть, попить, повеселиться, Без вредных здравию приправ. Приглашение к обеду Так! Будем жизнью наслаждаться И тем, чем можем, утешаться, По платью ноги протягать. Там же.)

Менее распространены в стихах Г.Р.Державина многосубъектные предложения с одним или несколькими сказуемыми как одна из разновидностей составных предложений (Какие пурпур огнисты и розы пламенны, горя, С паденьем вод твоих катятся! Ключ). Еще реже в стихах многосубъектные предложения с несколькими сказуемыми (И снег, и мраз, и иней сыплет И воды претворяет в льды... Осень во время осады Очакова).

Таким образом, составные предложения - особый тип предложений со своей семантикой, структурой, функциональной характеристикой, входящей в трихотомическую систему синтаксиса. Г.Р.Державин - мастер в использовании наиболее классических образцов таких предложений.

Т.Г.Фомина (Казань)

РУССКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ПОЭЗИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

В "Философии имени" А.Ф.Лосев писал: "... В имени - средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер... В имени - какое-то интимное единство разъятых сфер бытия, единство, приводящее к совместной жизни их в одном цельном..." (Лосев А.Ф. Философия имени.- М., 1990, С. 33, 49).

Имена собственные, в частности антропонимы, в поэтическом тексте обладают еще большей интимностью и магией соединения предметной, денотативной основы слова с его внутренней жизнью - экстенциональной семантикой, отражающей отношение автора и читателя к носителю имени.

Характеристика денотата исследованных антропонимов свидетельствует о выборочном включении лиц в поэтическое общение Г.Р.Державина: царские особы (Петр, Екатерина, Павел, князя Олег, Рюрик, кн. Ольга) и особы, принадлежащие к царской семье (Константин, Лев); именитые придворные (Дашкова, Зубов, Потемкин, Мещерский, Шувалов), крупные военачальники (Суворов, Бибииков, Репин, Румянцев-Задунайский, Голицын), лица разных сословий, послужившие отечеству (Пожарский, Минин, Шелехов, Демидов, Ломоносов, Шереметьев, Феофан, Филарет), литераторы (Кантемир, Дмитриев, Капнист, Карамзин, Княжнин, Жуковский, Херасков, Хемницер, Крылов, Сумароков, Захарьин), близкие друзья и члены семьи Державина (Вельяминов, Оленин, Храповицкий, Дьяков, Львов, Даша, Катерина Яковлевна, Лиза, Багрим).

Наблюдается определенная социологизация антропонимов, проявляемая в употреблении имен только по отношению к царским особам, священнослужителям, близким женщинам и в широком использовании фамилий большинства лиц дворянского сословия.

Этимология использованных антропонимов разнообразна: некалендарные славянские имена (Добрыня, Лель, Лада), скандинавские имена (Рюрик, Олег, Ольга), христианские (Петр, Павел, Евгений, Филарет, Феофан), смоделированные псевдославянские имена (Гремислав, Решемысл, Пленира). Отражено завершившееся в XVIII в. становление дворянских фамилий: патронимы (от имени - Захарьин, Демидов), (от прозвищ и некалендарных имен - Голицын, Ломоносов, Ярцов, Долгоруков), (тюрк. происхождения - Дашкова, Бибииков, Карамзин), (по вотчинам и побежденным землям - Мещерский, Пожарский, Задунайский); матронимы: Княжнин, Оленин; нерусского происхождения: Капнист, Кантемир, Хемницер. Выражая негативное отношение к лицу, Державин обычно использует смоделированные антропонимы, в корневую основу которых он вкладывает коннотативную окраску - Скопихин, Скрыплев, Терентий Облаевич Цербер.

Включение антропонимов в поэтический текст создает удивительную сочетаемость характеристики лица, семантики имени и его поэтизированного образа. Так, например, Потемкин не обладал данными великого полководца, и попытки Державина представить его "Российским Марсом, вождем, покровителем, героем" диссонируют с семантикой имени (Потема -

скрытый человек), имеющей негативную коннотативную окраску. Использование для хвалебного прославления фаворита смоделированного Екатериной псевдославянского имени Решемысл наложило окраску ложности всей характеристики героя ("мил, любезен, полезен, мухи не обидит, не празден, не ленив, не подл, не труслив, народным нуждам внимлет"). И только в оде "Водопад", написанной на смерть Потемкина, его фамилия как бы сливается с ассоциативным полем смерти ("Чей труп, как на распутьи мгла, лежит на темном лоне ночи?.. Здесь труп Потемкина сокрыт"), приобретая положительную оценку.

Идеальна сочетаемость личности, семантики имени и поэтического восприятия Петра I: Петр (библ.) - камень, основа церкви. У Державина Петр I - "великий, бог, герой, отечества подпоры тверды, венец оливный и лавровый, работа, рубище, хижина-храм нетленна, любовь граждан".

Гражданственность и долг перед отечеством, составляющие основу поэзии Державина, явно присутствуют и в семинарской фамилии предка автора (Держава - государство), что постоянно подчеркивает сам поэт: "...я жил, сколь мог, для общего добра". (См. Державин Г.Р. Сочинения. Л., 1987, С.70, 80, 111, 105, 129, 272).

Г.А.Хайрутдинова (Казань)

ОПИСАНИЕ И ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ КАК ОДИН ИЗ ЕГО СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА)

1. В работах лингвистов, занимавшихся изучением языка Г.Р.Державина, затрагивается довольно большой круг вопросов: лексико-фразеологический состав одического слога поэта; использование областной, народно-разговорной, книжной лексики, вариантных беспредложных и предложно-падежных форм существительных; употребление причастий и деепричастий и т.д. (см.: работы В.Н.Айдаровой, Л.А.Войнова, В.И.Кузнецова, В.М.Фонштейн, Т.Н.Перегудиной, Г.Д.Зелинской и др. Особое место в этом ряду принадлежит многоплановой работе Я.К.Грота "Язык Державина"). Однако еще не достаточно исследованной остается проблема структуры описания и функционирования в нем глагольных форм.

2. Следует отметить, что наряду с рассуждениями, описания в поэзии Державина занимают значительное место, что во многом обусловлено тематикой его произведений. Однако несмотря на отмечаемые многими критиками конкретность, яркость, многоцветие, некоторые описания Г.Р.Державина являются довольно абстрактными, условными, имеют чересчур широкие временные рамки (см., например, "Изображение Фелицы" и др.). Нередко описательные элементы тесно пере-

плетаются с элементами рассуждения, повествования, диалогической речи.

3. Существенную роль в описаниях Державина играют полные и краткие прилагательные; сочетания прилагательных, причастий и (иногда) местоимений с существительными в пре- и постпозиции. Необычным для норм современного русского языка является употребление усеченных прилагательных, причастий и местоимений, которые изредка как пережиточные формы встречаются даже в поэзии А.С.Пушкина.

4. Глаголы, главным образом несовершенного вида (НСВ) настоящего и прошедшего времени (вместе с прилагательными или без них), также выступают в качестве важного структурного компонента описания. Названные глаголы НСВ чаще всего имеют неограниченно-кратное, конкретно-процессное и - реже - постоянно-непрерывное значения вида. При этом для форм НСВ прошедшего времени характерно имперфектное временное значение, а для форм настоящего времени - значения актуального настоящего или настоящего абстрактного. Довольно частотны глаголы совершенного вида (СВ) с конкретно-фактическим видовым и перфектным временным значениями. Меньше используются формы прошедшего времени НСВ с обобщенно-фактическим видовым и аористическим временным значениями. В отличие от описательных текстов, созданных поэтами XIX - XX вв., очень редки глаголы СВ с наглядно-примерным видовым значением и временным значением абстрактного будущего. Единичны глаголы СВ с потенциальным значением вида. Совершенно отсутствуют глаголы НСВ с потенциальным видовым значением. Однако имеются случаи переносного употребления временных форм (например, глаголов настоящего времени с частицей "бывало" при описании действий и состояний, относящихся к плану прошлого).

5. Непривычным для структуры описания представляется широкое введение в ткань текста глаголов сослагательного и повелительного наклонений со значением ирреального действия. Они свидетельствуют о пышности, вычурности, громоздкости стиля, назидательной интонации некоторых произведений Державина, что, впрочем, соответствовало определенным особенностям поэзии той эпохи.

Анализ структуры описаний Г.Р.Державина показал, что в плане употребления глагольных форм почти все особенности их функционирования, характерные для более позднего времени, уже представлены в его поэтическом творчестве. Однако то, что у Державина обнаруживается в виде новых свежих ростков, обогащавших русскую стилистику (например, использование глаголов СВ с наглядно-примерным и потенциальным значениями вида) в дальнейшем приобретает боль-

шую значимость и актуальность с точки зрения структурного оформления описания.

Г.К.Хамзина (Казань)

ВЫРАЖЕНИЕ ПОЗИЦИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ В ТЕКСТАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Проявление / не проявление позиции наблюдателя в тексте относится к ряду тех языковых характеристик, которые лежат в основе дифференциации текстов художественных и нехудожественных. Оно связано с принципиальным различием роли говорящего по отношению к излагаемому (и к адресату) в этих текстах. В художественных текстах позиция автора-наблюдателя означает "я видел и слышал", в нехудожественных она означает "это известно" (Г.А.Золотова, 1982, С.347). Такое различие обусловлено отнесенностью художественных текстов к изобразительному регистру (с описательным и повествовательным подрегистрами), а нехудожественных - к информативному регистру речи (Там же, С.349-355).

Позиция наблюдения - это не просто средство "техники" построения текста. Дифференциация способов выражения позиции наблюдателя связана со способом художественно-эстетического отражения действительности в произведении художественной литературы, последний же, в свою очередь, связан с развитием различных художественно-эстетических школ и направлений. Необходимость учета историко-литературного контекста заставляет нас обратиться к диахроническому срезу рассмотрения текстовой категории позиции наблюдателя, к произведениям Г.Р.Державина, являющимся наиболее достоверным языковым источником, воплощающим типичные черты языка и стиля русской XVIII века докарамзинской эпохи.

Для текстов поэтических произведений Г.Р.Державина характерна языковая эксплицитность, фиксированность позиции наблюдателя, причем в этой роли выступает в большинстве случаев автор (в связи с чем в них доминируют местоимения первого лица единственного числа "я", "мне" и глаголы первого лица настоящего времени изъявительного наклонения: зрю, вижу, слышу - особенно частотные в одах). Типично также авторское обращение к адресату с призывом занять позицию наблюдателя (чем продиктовано употребление глаголов повелительного наклонения второго лица: зри, смотри, виждь, внемли, внемлите). Имеет место и объединение автором в позиции наблюдателя себя с адресатом (адресатами). Позиция наблюдателя передается и формами слов, не являющихся его прямой номинацией и предполагающих субъект наблюдения лишь своим денотативным значением (видно, вид, видение, зрелище, картина). Косвенное указание на "присутствие" субъекта-свидетеля события осуществляется и

языковыми единицами с аксиологической, оценочной функцией. Мы склонны расширить объем понятия "субъект наблюдения", отнеся к последнему и наблюдателя-персонажа ("Он смотрит, как ..." и т. п.). Категория позиции наблюдателя очень активно используется Г.Р.Державиным в композиционных целях как текстообразующее средство, чем достигается "единоначатие" многих строф в его произведениях (прием, характерный и для языка произведений Капниста, Богдановича и других авторов того периода).

Обнаженность, эксплицитность позиции наблюдателя в подавляющем большинстве произведений Г.Р.Державина объясняется, на наш взгляд, спецификой художественных принципов и традиций классицизма, жанров оды и так называемой анакреонтической лирики.

В то же время в языке поэтических произведений Г.Р. Державина, особенно в фрагментах - бытовых зарисовках, можно усмотреть предпосылки некоторых последующих качественных изменений синтаксической структуры художественного текста, связанных с иным - имплицитным - характером выражения позиции наблюдателя в языке современной художественной литературы.

А.Г.Хорошавина (Казань)

СЕМАНТИКА ОЦЕНОЧНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ПЕРЕПИСКЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

За два минувших столетия о языке Г.Р.Державина написано и сказано достаточно много. Но его поэзия и проза продолжают привлекать внимание ученых, ибо новые подходы и новые взгляды в науке о языке дают очередной импульс исследованиям наследия Державина.

Весьма интересным, на наш взгляд, является вопрос о реализации оценочной семантики в державинских текстах. В качестве материала мы выбрали переписку поэта, которая является довольно обширной и позволяет сделать любопытные наблюдения. Выбор именно такого материала неслучаен, т.к. при рассмотрении проблемы оценочности всегда затрагивается вопрос о факторе адресата (Н.Д.Арутюнова). В этом смысле тексты писем являются идеальным объектом изучения.

Оценка представляет собой один из видов модальности, которая имеет специфическую структуру и особенность которой состоит в том, что она наслаивается на основную семантику высказывания. Создаются так называемые дополнительные смыслы. Именно они способствуют возрастанию экспрессивности текста, эмоционально обогащают его. Создавая текст, адресант, как правило, так или иначе выражает свое отношение к целому ряду явлений: к событиям, предметам,

личностям, к информации или стилю изложения и, наконец, самому себе. Все это легко сводится к трем группам оценки: 1) оценка предметно-личностного характера (предметы, личности); 2) оценка событийного характера (события); 3) оценка стиля изложения.

В текстах писем Г.Р.Державина оценочность очень широко представлена на лексическом уровне. Это выражается в использовании лексем с резко отрицательной эмоционально-экспрессивной семантикой (злодей, сволочь, бестия, подлец, хвостун, дура и т.д.). Причем отрицательный оценочный элемент заключен в их собственно-лексическом значении. В соответствие с этими существительными приводятся прилагательные и глаголы, т.е. используются те из них, которые содержат в своем значении сему негативной оценки.

Часто встречаются случаи, когда слово становится оценочным благодаря контексту (т.н. контекстуально-оценочные лексемы). Причем это не обязательно оценка с ярко выраженным знаком "+" или "-". К этому может свободно добавляться, например, иронично-уничижительный элемент оценки.

В дружеской переписке Державин охотно использует фразеологизмы для выражения своего отношения к различным явлениям (сидеть у моря и ждать погоды; не плюй в колодезь, из которого воду пить и т.д.).

Разумеется, реализуется оценочная семантика и на синтаксическом уровне. Особенно широко представлена она у Державина в изъяснительных, местоименно-союзных (со значением образа действия и степени следствия) конструкциях, предложениях комментирующе-оценочного типа, причинных и уступительных. На основное значение этих предложений наслаивается главным образом семантика событийной оценки. Крайне редки фразеологизированные конструкции. Удалось встретить лишь предложения, построенные по схеме "Вот тебе и N". Застывшая часть Вот тебе и принимает на себя нагрузку по реализации оценки, связанной с несоответствием желаемого или ожидаемого с действительным.

Оценка предметов и людей осуществляется в текстах писем посредством самых разнообразных единиц: оценочную информацию может нести главная часть изъяснительных конструкций, оценочность может реализовываться благодаря использованию различных вводных и вставочных блоков, сравнительных оборотов, сложноподчиненных предложений с придаточными сравнительными.

Касательно событийной оценки можно добавить также и то, что она воплощается в тексте державинских писем за счет риторических вопросов, повторения одного и того же вводно-модального комплекса и включения в текст противопоставления.

К языковым особенностям писем Державина можно отнести и тот факт, что поэт весьма редко дает оценку самого стиля изложения. Нами отмечено лишь несколько подобных случаев. Характерно, что в них дополнительный оценочный смысл возникает на базе изъяснительных конструкций.

Таким образом, имеющиеся у нас примеры свидетельствуют о том, что письма Г.Р.Державина отражают основные тенденции в языке конца XVIII - начала XIX вв. Иными словами говоря, естественный процесс формирования дополнительных смыслов на базе имеющихся в языке синтаксических конструкций нашел свое закономерное отражение в переписке Г.Р.Державина. Можно сказать и о том, что едва начавшийся в ту пору процесс образования фразеологизированных структур повлиял на язык Державина. Незначительная доля этих структур в текстах писем лишний раз свидетельствует о том, что этот процесс на своей начальной стадии протекал довольно медленно.

В.И.Чернов (Киров)

ИМЕННОЙ И ГЛАГОЛЬНЫЙ ПРЕДИКАТ В ПОЭЗИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

Державин живет в нашей памяти прежде всего несколькими чеканными строками. Не перечисляя их, выделим афоризм, запоминающийся сразу и навсегда: "Я царь - я раб, я червь - я бог!" (Бог) (Все цитаты даются по академической публикации Я.К.Грота 1868-1869 гг.) Может показаться, что в произведениях Державина мы найдем немало строк аналогичного грамматического строения. Но это впечатление обманчиво: предложения с именным субстантивным предикатом встречаются сравнительно редко. Отмеченная особенность объясняется тем, что поэзия Державина - это в сущности "Глагол времен! металла звон". Его поэтический мир создается не статическими картинками (именной предикат), а динамически развивающимся действием субъекта мысли (глагольный предикат). Даже приведенный афоризм - это обобщение собственно глагольного представления о жизни и сущности субъекта. Ср.: "Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю, Я царь - я раб, я червь - я бог" (Бог).

В восприятии поэта все сущее живет: движется, изменяется, преобразуется. И только так он представляет бытие мира и жизнь человека. Ср. сцену праздничной городской жизни: "Какой восторг! - Как все играет, Все скачет, пляшет и поет, Все в улице твоей гуляет, Кричит, смеется, ест и пьет!" (На рождение царицы Гремиславы. Л.А.Нарышкину). Природа у Державина не созерцательна, а деятельна, и здесь все живет своей жизнью, или, говоря грамматически, все находит свой глагольный предикат. Природа предстает в зримом цвете, в

слышимом звуке. Ср.: "Уже стада толпятся птичьи; Ковыль сребрится по степям; Шумящи красножелты листья Расстлались всюду по тропам (Осень во время осады Очакова); "Рыбы мечутся из вод; Журавли, вився кругами Сквозь небесный синий свод, Как валторны возглашают; Соловей гремит в кустах. Звери прыгают, брыкают, Глас их вторится в лесах" (Возвращение весны).

Психологическая характеристика обычно дается поэтом не в перечислении свойств и качеств человека, а в изображении тех его действий и поступков, которые позволяют читателю самостоятельно и зримо представить духовный и нравственный мир личности. Ср. в этом плане ряды глагольных предикатов в оде "Фелица", объединяемых первым лицом (автор) и вторым лицом (Фелица). Глагольный предикат главенствует и в философских рассуждениях поэта, наиболее совершенных, непревзойденных образцах его лирики. Ср.: "Скользим мы бездны на краю, В которую стремглав свалимся; Приемлем с жизнью смерть свою; на то, чтоб умереть, родимся" (На смерть князя Мещерского); "А вечность прежде век рожденну, В себе самом Ты основал. Себя собою составляя, Собою из себя сияя, Ты свет, откуда свет истек" (Бог).

Все основные типы глагольного предиката представлены в поэзии Державина: от книжного тяжеловесного многокомпонентного сказуемого до фольклорного, явно разговорного инфинитивного сказуемого (Ср.: "И носиками ну клевать, Ну зоблить зерна золотые" (Птицелов)). Однако примечательно не строение предикатных форм, а их употребление. Отметим, например, прием контекстного сопоставления глагольных предикатов, скрепляемых союзом И. Такое соединение позволяет поэту сопоставлять по контрасту предикат бытового употребления (глагол речи, мысли, движения) с предикатом обобщенного смысла, функционирующим обычно в иных речевых сферах. Ср.: "Пошел - и где тристаты злобы? Чему коснулся, все сразил! Поля и грады стали гробы; Шагнул - и царство покорил!" (На взятие Варшавы); "Властитель душ, любимый царь Речет - и флот сквозь волн несется! Велит - и громом твердь трясется" (На Мальтийский орден). Аналогично противопоставляются и предикаты иной семантики. Ср.: "О стыд! о срам неимоверный! Быть Россу другом - и робеть! Пожар тушить стараться зольный - и быв в огне, охолодеть" (На взятие Варшавы).

Слово Державина звучало в конце XVIII и в начале XIX столетия, но его "глагол времен" все так же слышится "звоном металла" и в наши дни, на рубеже XX и XXI столетий.

СУПЕРСИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПОЭЗИИ**Г.Р.ДЕРЖАВИНА**

Суперсинтаксические единицы составляют уровень лингвистического анализа, промежуточный между предложением и текстом. Средства организации суперсинтаксических единиц могут быть разные. В поэзии Г.Р.Державина одним из таких средств является ограничительная частица ЛИШЬ.

Известно, что нормативный в современном русском литературном языке фонетический вариант ЛИШЬ частицы ЛИШЕ, появившейся и функционирующей в живой разговорной речи, возник не ранее XVII века вследствие редукции конечного гласного е. В XVIII веке частица ЛИШЬ становится стилистически нейтральной, проникая в высокий стиль, в частности классическую поэзию Г.Р.Державина, где стабилизируется и семантико-синтаксический контекст употребления частицы, вполне адекватный ее современному использованию.

Лексическое значение частицы лишь 'исключение' складывается на базе ее актантной структуры, куда входят Q - выделяемый объект; R - множество однородных с Q и релевантных в данном контексте объектов, из которых Q выделяется; R - признак, который лежит в основе выделения. Это значение частица ЛИШЬ выражает и как показатель связи в построениях ограничивающего исключения. В них имеют место несколько одновременных явлений, из которых заключительное ограничивает полноту проявления предыдущих, имеющих более широкое содержание; отношения ограничивающего исключения путем противопоставления общего и частного; как правило, единый модально-временной план, при котором модально-временные характеристики частей совпадают. Показателями общего содержания являются обычно соотносительные с выделяемым (исключаемым) объектом кванторные местоимения - универсальные или отрицательные. Ср.: Вокруг вся область почивала, Петрополь с башнями дремал, Нева из урны чуть мелькала, Чуть Бельт в брегах своих сверкал; Природа, в тишину глубоко И в крепком погруженна сне, Мертва казалась слуху, оку На высоте и в глубине; Лишь веяли одни зephyры, Прохладу чувствам принося (Видение мурзы).

В подобных структурах (имеющих вид сложных предложений, т.е. без точки между частями) союзная функция частицы ЛИШЬ слабо противопоставлена партикулярной, являясь в семантическом отношении фактически с ней единой. Кроме того, значение, выражаемое частицей ЛИШЬ, является мета-текстовым, ибо частица организует высказывание о высказывании. Сужая слишком общее содержание предыдущей части (или частей) построений, частица ЛИШЬ указывает на его условность, неадекватность действительности вне поправки,

вносимой в заключительной части. Это позволяет рассматривать частицу ЛИШЬ в построениях ограничивающего исключения как межфразовую скрепу, а сами такие построения как предложение-текст.

Л.А.Шарифуллина (Казань)

**ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ НА -НУТЬ В ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛОМОНОСОВА
И ДЕРЖАВИНА)**

1. Глаголы на -нуть в современном русском языке составляют две неравные группы. Одна из них, продуктивная, обозначает однократное действие и последовательно сохраняет суффикс -ну- во всех формах прош. времени (крикнуть-крикнул, крикнувший, крикнув). Другая, непродуктивная, объединяет глаголы состояния и характеризуется тем, что в формах прош. времени может сохранять суффикс -ну- или утрачивать его, причем с точки зрения современного языка это ничем не обусловлено. Соотношение форм прош. времени едва ли не индивидуальное для каждого глагола. Грамматическая синонимия форм прош. времени, представленная от этих глаголов, требует оценки как с точки зрения современного нормативного употребления, так и с точки зрения исторической перспективы развития грамматических синонимов.

2. Оценка представленных синонимов и причины их появления в современной грамматике противоречивы. А между тем наличие грамматической синонимии как явления всегда характеризует исторические изменения в языке, которые, как выяснилось, берут начало в глубокой древности.

3. Наличие / отсутствие суффикса в формах прош. времени в древности зависело не от семантики глагола, а от его структуры. Если суффикс осложнял основу на гласный (минути), то он сохранялся во всех формах прош. времени; если же основа была на согласный, то суффикс закономерно утрачивался (съхнути - съхъ, двигнути - двигъ). Тенденция к выравниванию основы по форме инфинитива привела к появлению второй формы (съхнуль, двигнуль). Так возникла грамматическая синонимия, которая породила взаимодействие форм на протяжении ряда веков.

4. К XVIII веку устанавливаются нормы, близкие к современным. Однократные по значению глаголы закрепляют, в основном, за немногими исключениями, суффиксальные формы в отличие от глаголов состояния, которые продолжают сохранять два ряда форм, причем грамматическая синонимия характеризует не любые формы, как было до XVIII века, а в основном формы прошедшего времени мужского рода (у Ломоносова: извергнул, т.8, С.363 - изверг, т.8, С.424, у Державина: погас, Зап., С.309, замерз, Зап., С.287, но свянул,

Оды, С.190). Деепричастия у Ломоносова всегда с суффиксом -ну-, у Державина возможны обе формы: привыкши, Зап., С.401, привыкнув, Оды, С.207). По-разному представлена у Ломоносова и Державина грамматическая синонимия в причастных формах: Ломоносов предпочитает причастия действительного залога без суффикса, у Державина представлены обе возможные формы: привыкнувший, Зап., С.387, иссохнувшим, Зап., С.299, обыкший, Зап., С.293, потухший, Оды, С.72. Таким образом, глаголы состояния и отдельные однократные глаголы, а также связанные основы продолжают на протяжении всего XVIII века сохранять два ряда форм, с суффиксом -ну- и без него, хотя становится явно заметным тяготение каждого из возможных образований к определенным грамматическим формам.

5. Особый интерес в рассматриваемом явлении представляют глаголы со связанными основами (исчезнуть, расторгнуть и др.). В текстах раннего периода эта группа глаголов стоит особняком, не примыкая ни к глаголам состояния, ни к однократным глаголам. В XVIII веке к связанным основам начинают тяготеть префиксальные образования от глаголов вернуть и двинуть, что связано с утратой беспрефиксной основы. Утрачивая однократное значение, эти глаголы перестают подчиняться закономерностям в образовании форм своего семантического класса, сближаясь с противоположным классом глаголов состояния, но не совпадая с ним полностью (при работе использованы следующие издания: Г.Р.Державин. Оды. Лениздат, 1985; Г.Р.Державин. Сочинения, "Художественная литература", Л., 1987; М.В.Ломоносов. Полное собрание сочинений, т.8, АН СССР, М.-Л., 1959).

С.Г.Шейдаева (Ижевск)

ПЕРЕПИСКА Г.Р.ДЕРЖАВИНА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРОИЗВОДНЫМИ И ПРОИЗВОДЯЩИМИ СЛОВАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Говорят, что Россия конца XVIII века непонятна без Гавриила Романовича Державина, этого "в высшей степени замечательного коренного русского по воспитанию, быту, уму и нраву" (Гавриил Романович Державин. Его жизнь и сочинения. - М., 1911. - С.14, 124). Нельзя иметь сколько-нибудь ясного представления и о русском языке того периода, не обращаясь к Державину. В материалах его переписки, опубликованной Я.К.Гротом (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.Грота. 2-е академич. изд. - Спб., 1876. - Т. 5, 6), современный исследователь находит живые интонации языка ушедшей эпохи, богатство синтаксических построений, разнообразие морфологических и словообразовательных средств.

Наше внимание в этих текстах привлекли производные

субъективной оценки, которые выступают здесь в различных контекстах, позволяющих проследить основные типы связей между ними и их производящими. Было обнаружено следующее:

1. Обычно субъективно-оценочные имена существительные используются для выражения личного отношения автора писем к предмету речи. В таких случаях производящее имя и его производное называют один и тот же предмет и их лексические значения совпадают, например: "Поздравляю с назначением любезной вам невесты, а мне драгой НЕВЕСТУШКИ" (5, 294). Субъективное отношение к названному лицу передается словообразовательными средствами, оценка может совпадать с его реальными качествами, а может и не совпадать.

2. Нередко словообразовательное значение таких производных бывает прямо связанным с объективными качествами названных предметов. Тогда производные частично расходятся в предметной соотнесенности со своими производящими: их лексическое значение оказывается более узким, чем у производящего. Такие производные фактически обозначают разновидность того, что названо производящим словом, например: лошади-лошаденки "плохие" и "нестроевые" (5, 28 и 82). Здесь смысловая связь между производящим и производным еще не разорвана, производное выражает в какой-то мере субъективное отношение к тому, что названо производящей основой, но вместе с тем оно обозначает уже не совсем тот предмет, а его функциональную разновидность.

3. Более явно проявляется это в тех случаях, когда при помощи субъективно-оценочных суффиксов выражаются размерные характеристики предмета, например: сундук-сундучок "особый вид сундука и по размеру, и по функции" (6, 267), дом-домик "небольшое садовое строение" (5, 516), "строение для конторы" (6, 129). Такая семантическая специализация производного субъективной оценки нередко приводит к его морфологическому опрощению.

Известно, что образования субъективной оценки, как никакие другие, особенно часто подвергаются опрощению. Связано это, по нашему убеждению, с их особой языковой природой, с тем, что субъективно-оценочные производные, называя те же самые реалии, что и их производящие, заметно отличаются при этом от них своей формой. Именно поэтому при возникшей в языке необходимости они всегда могут быть использованы для обозначения разновидности предмета.

4. Те же типы отношений с производящими наблюдаются и у субъективно-оценочных имен прилагательных. Обычно производное и его производящее называют одно и то же качество предмета (легкий-легонький). Однако нередки слу-

чаи, когда производящее прилагательное и его субъективно-оценочное производное расходятся в смысловом отношении по причине закрепления суффиксального производного за обозначением одной из разновидностей названного понятия. Так, слово "маленький" называет здесь только размер предмета ("маленькая миска" и под.), тогда как его производящее "малый" указывает на количественную характеристику ("малое число", "малый капитал" и под.), используя в основном в устойчивых словосочетаниях.

Ян Кэ (КНР)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ Г.Р.ДЕРЖАВИНА "ЦАРЬ-ДЕВИЦА"

Г.Р.Державин - одна из самых ярких поэтических фигур среди русских писателей и поэтов XVIII века. В творениях Г.Р.Державина наиболее ярко представлена жизнь русского народа XVIII века. Язык Г.Р.Державина - это язык выразительный, сильный и пластичный. Все это позволяет использовать его тексты в практике преподавания русского языка иностранным учащимся как ценный источник создания фоновых страноведческих знаний.

Г.Р.Державин был первым из литераторов России, который осознал себя поэтом русским, национальным, - русским не только по языку, но главное, по мышлению. Он высоко ценил все, что связано с русским народным творчеством, живо интересовался им. Это особенно сказалось на некоторых его произведениях последнего периода. Среди них романс-поэма "Царь-девица" занимает особое место. По убеждению Я.Грота, все детали этого народно-эпического стихотворения имеют косвенное отношение к императрице Елизавете Петровне.

Царь-девица - один из популярных персонажей русских народных сказок, и причем сложный и неоднозначный. Как представитель классицизма, Г.Р.Державин видел спасение России в благородной императрице и мудрой государственной власти. Поэтому, заимствуя из народного творчества образ, сюжет и отдельные мотивы, Г.Р.Державин хочет показать, какой должна быть идеальная императрица. Отсюда его собственное представление о своей царь-девице, заимствованное из фольклора, но отличающееся от народного.

Создавая образ царь-девицы, Г.Р.Державин использовал большое количество приемов, к числу которых можно отнести следующие:

а) во-первых, это использование типичных фольклорных сравнений, с помощью которых поэт изображает как внешнюю красоту, так и прекрасные внутренние качества царь-девицы, а также образное описание окружающего ее мира;

б) во-вторых, это введение традиционных фольклорных образов и названий сказочных животных, причем с чисто народными эпитетами;

в) в-третьих, это привлечение разных фразеологических сочетаний и фразеологических сращений, заимствованных из народной речи;

г) в-четвертых, это введение в стихотворение традиционных народных элементов, слов и выражений, заимствованных из мира устного народного творчества;

д) и наконец - творческое использование зачина русской народной сказки.

Для языка Г.Р.Державина характерно сближение различных языковых элементов, и притом в прекрасном, оригинальном соединении. Поэтому чисто фольклорные элементы у него рядом с церковно-славянскими словами и формами; усеченные формы прилагательных у него рядом с простонародными формами и т.д.

Таким образом, лингвостилистический и лингвострановедческий анализ романса-поэмы "Царь-девица" Г.Р.Державина способствует развитию навыков чтения и совершенствованию русского языка у иностранных учащихся, помогает справиться со всеми трудностями как в плане языка, так и в плане культуры в процессе чтения его романса-поэмы, поскольку общий фон его произведения - это своеобразное переплетение фольклорных мотивов русской народной сказки. Сказочное, фантастическое и реальное здесь настолько тесно соединены, что необходим тонкий комментарий для понимания этого текста иностранными читателями.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Л.Р. АБДУЛХАКОВА -	57	К.Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ -	33
Т.Е. АВТУХОВИЧ -	3	С.П. ЛОПУШАНСКАЯ -	81
В.Н. АЗБУКИН -	4	В.М. МАРКОВ -	83
О.Г. АКТАШЕВА -	58	И.Е. МЕРЕЧИН -	35
М.А. АЛЕКСЕЕНКО -	59	С.М. МИХАЙЛОВА -	37
Н.А. АНДРАМОНОВА -	60	Г.В. МУХАМЕТЗЯНОВА -	37
И.И. АНДРЕЕВА -	5	Г.А. НИКОЛАЕВ -	84
Л.С. АНДРЕЕВА -	62	Т.М. НИКОЛАЕВА -	86
Н.А. АСАНОВА -	6	Н.Д. ОРЛОВА -	88
Л.К. БАЙРАМОВА -	79	З.А. ПАХОЛОК -	89
Э.А. БАЛАЛЫКИНА -	64	А.Н. ПАШКУРОВ -	28
А.В. БАСТРИКОВ -	65	З.М. ПЕТРОВА -	90
М.Г. БОГАТКИНА -	8	Н.А. ПОЗНЯКОВА -	39
Е. БУЛГАРЕЛЛИ -	73	Т.Г. ПРОХОРОВА -	40
Н.А. БУРАНОК -	8	Р.А. САБИРОВ -	71
Т.А. БУРЦЕВА -	67	Ш.А. САДРЕТДИНОВ -	42
Н.М. ВАЛЕЕВ -	9	Л.М. САЛМИНА -	65
С.Г. ВАСИЛЬЕВА -	68	Л.А. САПЧЕНКО -	44
Л.В. ВЛАДИМИРОВА -	69	Я.Г. САФИУЛЛИН -	45
Л.Я. ВОРОНОВА -	11	М.М. СИДОРОВА -	47
К.Р. ГАЛИУЛЛИН -	71	А.А. СМИРНОВ -	48
О.К. ГЕРЛОВАН -	12	С.И. СНОПКОВА -	91
Я.И. ГУДОШНИКОВ -	14	Т.П. ТРОШКИНА -	92
Г.И. ГУРЬЯНОВА -	15	Д.В. ТУМАНОВ -	49
Г.Г. ЕЛИЗАВЕТИНА -	17	Н.А. ТУПИКОВА -	81
О.Ф. ЖОЛОБОВ -	72	В.Г. ФАТХУТДИНОВА -	93
Т.П. ЗАЙКОННИКОВА -	74	О.И. ФЕДОТОВ -	51
С.В. КАЛАЧЕВА -	18	К.К. ФИЛИППЕНКО -	95
Е.А. КАМАШЕВА -	76	Т.Г. ФОМИНА -	97
Л.И. КАШКИНА -	19	Г.А. ФРОЛОВ -	52
Е.Ф. КИРОВ -	77	Г.А. ХАЙРУТДИНОВА -	99
Р.Б. КОЗЛОВА -	79	А.Х. ХАЛИКОВ -	54
К.А. КОКШЕНЕВА -	21	Г.К. ХАМЗИНА -	101
В.Н. КОНОВАЛОВ -	23	А.Г. ХОРОШАВИНА -	102
С.И. КОРМИЛОВ -	24	В.И. ЧЕРНОВ -	104
О.П. КОСТЕЦКАЯ -	69	А.Ю. ЧЕРНЫШЕВА -	106
ЗУЗИ КОТЦИНГЕР -	26	Л.А. ШАРИФУЛЛИНА -	107
Н.Д. КОЧЕТКОВА -	27	С.Г. ШЕЙДАЕВА -	108
В.Н. КРЫЛОВ -	28	Г.А. ШЕСТОПАЛОВА -	56
Е.Д. КУКУШКИНА -	29	Р.А. ЮНАЛЕЕВА -	71
Р.Э. КУЛЬШАРИПОВА -	80	ЯН КЭ -	110
А.С. КУРИЛОВ -	30		